КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XXXVIII.

1892 г.

ІЮЛЬ.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.
1892.

СОДЕРЖАНІЕ.

		стр.
I.	СУДЬБА ЭКЗАРХА НИКИФОРА ВЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ. (Историческій очеркъ). *(Окончаніе)*. **Ѳ. Кудринскаго**	1—19
II.	ПРЕОСВЯЩЕННЫЙ ВИКТОРЪ САДКОВСКІЙ, АРХІЕПИСКОПЪ МИНСКІЙ, ИЗЯСЛАВСКІЙ И БРАЦЛАВСКІЙ, КОАДЮТОРЪ КІЕВСКОЙ МИТРОПОЛІИ, УПРАВЛЯЮЩІЙ СЪ 1785 ПО 1796 ГОДЪ ВСѢМИ ПРАВОСЛАВНЫМИ ЦЕРКВАМИ И МОНАСТЫРЯМИ ВЪ ПРЕДѢЛАХЪ БЫВШАГО Ц. ПОЛЬСКАГО. Протоіерея **Петра Орловскаго**	20—54
III.	ИЗЪ СЕМЕЙНАГО АРХИВА. II. Записки Евстафія Петровича Рудыковскаго (1796—1874). *(Окончаніе)*. **В. Щербины.**	55—84
IV.	СОВРЕМЕННАЯ МАЛОРУССКАЯ ЭТНОГРАФІЯ. *(Продолженіе)*. **Проф. Н. Ѳ. Сумцова**	85—94
V.	ОТРЫВКИ ИЗЪ ЗАПИСОКЪ АВТОНОМА АКИМОВИЧА СОЛТАНОВСКАГО	95—108
VI.	ПРИСЯГА НА ВѢРНОСТЬ ИМПЕРАТОРУ ПАВЛУ ВЪ ЗАПАДНОМЪ КРАѢ. **В. Храневича**	109—113
VII.	ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Мѣщанская семейная драма прошлаго столѣтія. **В. А.** б) Къ біографіи Петра Конашевича Сагайдачнаго. **В. А.** в) Къ исторіи старинной малороссійской школы. г) Шевченко въ Академіи Художествъ. д) Къ предполагаемому «Описанію харьковской губерніи»	114—129
VIII.	БИБЛІОГРАФІЯ: а) Сборникъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Импер. Ак. Наукъ. Вып. 48-й. **А. Степовича.** б) Памятная книжка курской губ. на 1892 г. **А. Степовича.** в) Южный Сборникъ, въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая, изданный одесскимъ обществомъ вспомоществованія литераторамъ и ученымъ. **В. Ястребова.** г) Кіевскій Сборникъ въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая. Подъ редакціей И. В. Лучицкаго. **В. Н—ка**	130—139

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Дневникъ генеральнаго подскарбія Якова Марковича.
2) Акты Бориспольскаго мѣйскаго уряда 1612—1699.

Дозволено цензур. Кіевъ, 26-го іюня 1891 г.

Судьба экзарха Никифора въ западной Россіи.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

(ОКОНЧАНІЕ).

V.

Вечеромъ, 10 марта, подъ конвоемъ цѣлаго отряда казаковъ, въ Варшаву въѣхалъ „рыдванъ“ и остановился у королевскаго замка. Въ „рыдванѣ“ сидѣлъ Никифоръ. Онъ пріѣхалъ съ двумя острожскими православными священниками.

О прибытіи экзарха тотчасъ-же было доложено королю. Среди пословъ-депутатовъ опять поднялся споръ о томъ, какъ судить Никифора. Какъ и прежде, споръ не привелъ сторонъ къ соглашенію. Наконецъ, было высказано мнѣніе, что послы не имѣютъ права вмѣшиваться въ королевскіе суды, что его величество король самъ разсудитъ это дѣло и распорядится Никифоромъ по всей справедливости польскихъ законовъ. Король, въ угоду князю Острожскому, приказалъ судить его публично (in Senatu). Въ тотъ-же день была составлена спеціальная судебная коммиссія по дѣлу Никифора, состоявшая изъ воеводъ: краковскаго, познанскаго, сандомирскаго, ленчицкаго, брацлавскаго, гетмана короннаго, маршалка короннаго и друг. Коммиссія тотчасъ-же хотѣла приступить къ допросу, но король велѣлъ дожидаться прибытія Яна волоха, и слѣдствіе отложили къ слѣдующему дню. Тутъ возникъ новый вопросъ: куда отправить Никифора,—держать-ли его подъ арестомъ въ королевскомъ

[1]) Кіевск. Стар. 1892 г. № 6.

замкѣ, или сдать на поруки князю Острожскому? Польскіе сенаторы, затѣвавшіе обыкновенно споры по самымъ маловажнымъ предметамъ и никогда, какъ извѣстно, не приходившіе къ согласію, готовы были поспорить на эту тему, по крайней мѣрѣ, до вечера, если-бы король не прекращалъ такихъ разногласій своимъ постановленіемъ. Уважая высокій санъ представителя восточной церкви, онъ не хотѣлъ держать Никифора въ заключеніи и позволилъ ему жить у князя Острожскаго.

Наступило 11 марта.

Король не спѣшилъ открывать засѣданіе сейма. Онъ долго совѣщался по дѣлу о Никифорѣ съ княземъ Острожскимъ, наговаривалъ князя открыто сознаться въ винѣ Никифора во избѣжаніе гласнаго скандала. Но князь стоялъ на своемъ и упорно защищалъ невинность протосингелла.

Послѣ совѣщанія, король отправился на сеймъ и велѣлъ позвать дидаскала, который былъ поставленъ на судъ самого короля. Позвали и Яна волоха. Началось слѣдствіе.

Прежде всего была подробно разсказана исторія ареста Яна волоха и прочитаны вслухъ найденныя при немъ письма: первое—къ митрополиту адріанопольскому, въ которомъ говорилось, что среди собакъ-ляховъ начались теперь большія замѣшательства отъ уніи и что теперь именно самое удобное время для нападенія на Польшу. Второе письмо было адресовано къ Іереміи—сестрѣ автора—и ничего „неблагонамѣреннаго“ не заключало, въ немъ говорилось о частныхъ дѣлахъ... Третье—къ одному адріанопольскому попу — свидѣтельствовало, что самъ авторъ принужденъ скрываться среди собакъ-ляховъ, такъ какъ его будто-бы могли заподозрить въ шпіонствѣ. Наконецъ, четвертое—къ попу Эгіушу—заключало въ себѣ разсказъ о войнѣ православныхъ съ поляками и о 20,000 погибшихъ въ этой войнѣ. Кончивши чтеніе писемъ, инстигаторъ прибавилъ общія біографическія свѣдѣнія о подсудимомъ и разсказалъ при этомъ много самыхъ невѣроятныхъ преступленій, совершенныхъ будто бы Никифоромъ. Онъ обвинилъ его въ шпіонствѣ, въ тайныхъ сношеніяхъ съ Турціей и въ самовольномъ присвоеніи себѣ ти-

тула экзарха и протосингелла. Янъ обвинялся въ сообществѣ съ Никифоромъ.

Послѣ обвинительной рѣчи нистигатора, всталъ прокураторъ Прилѣпскій и много говорилъ въ защиту Яна и Никифора. Невинность перваго онъ доказывалъ тѣмъ, что письма были даны ему какимъ-то грекомъ, ѣхавшимъ въ Москву, содержанія которыхъ Янъ не зналъ. Въ защиту втораго указывалъ на его высокое званіе патріаршаго протосингелла и экзарха, что подтверждаютъ его „litterae testimoniales“. Въ заключеніе прокураторъ просилъ, чтобы судебное дѣло было переводимо на понятный для Никифора языкъ (Никифоръ не зналъ хорошо польскаго языка, нѣсколько лучше онъ владѣлъ волошскимъ языкомъ, съ которымъ имѣлъ удобный случай познакомиться во время своихъ вмѣшательствъ въ политику волошскаго воеводства).

Король уважилъ послѣднее заявленіе прокуратора.

Затѣмъ, приступили къ слѣдствію. Такъ какъ главною уликою противъ Никифора служили письма, найденныя у Яна, то съ нихъ и начался допросъ.

— Отъ кого у тебя письма? Кто тебѣ ихъ далъ? Кто тебя посылалъ въ Турцію? спросили Яна.

— Я собственно ѣхалъ въ Волощину затѣмъ, отвѣчалъ волохъ, чтобы узнать, что дѣлается съ моимъ хозяйствомъ („маетностью“), которое я оставилъ своей женѣ при неласковомъ волошскомъ господарѣ Іереміи. Кромѣ того, меня послалъ его милость князь Острожскій купить ему турецкихъ лошадей... Онъ далъ мнѣ „червоные“ и пропускной листъ... Я ѣхалъ благополучно до самаго Шаргорода. Въ Шаргородѣ меня схватилъ урядникъ, обозвалъ меня шпіономъ и отобралъ мою торбу... Изъ всѣхъ моихъ денегъ онъ далъ мнѣ только два „червоныхъ“...

— А письма тебѣ кто давалъ?

— Письма далъ мнѣ одинъ чернецъ, который тутъ-же на нихъ и подписался, тотъ самый, который съ Моратомъ, мѣщаниномъ пана гетмана, отправился въ Москву. Онъ узналъ, что

я отправляюсь въ Турцію, и далъ мнѣ эти четыре запечатанныя письма къ своимъ пріятелямъ.

— А дидаскалъ Никифоръ не давалъ тебѣ никакихъ порученій?

— Не давалъ.

— И писемъ не давалъ?

— Нѣтъ.

— Можетъ быть говорилъ что нибудь?

— Нѣтъ, ничего не говорилъ и ничего не давалъ мнѣ... А деньги мои у меня взяли и дали мнѣ только всего на всего два „червоныхъ“...

Князь Острожскій, внимательно прислушивавшійся ко всему, что говорилъ Янъ, былъ доволенъ его показаніями. Онъ очень желалъ, чтобы эта „справа“ по неосновательнымъ подозрѣніямъ скорѣе кончилась и чтобы Никифора поскорѣе освободили. Когда допросъ кончился и сенаторы ничего не могли добиться отъ Яна для обвиненія Никифора, Константинъ Константиновичъ всталъ съ своего мѣста, подошелъ къ королю и сказалъ:

— Вы слышали... Этотъ человѣкъ ни чемъ въ не виновенъ. Это дѣло ясное. Я поручаю его вашей королевской совѣсти... Можетъ быть, конечно, кто нибудь изъ васъ, господа сенаторы, захочетъ напиться неповинной крови, но я... не хочу... я не...

Онъ не могъ дальше говорить отъ волненія. Слезы пошли у старика изъ глазъ. Онъ вышелъ изъ засѣданія...

Яна волоха не одинъ разъ допрашивали въ этотъ день публичнымъ и частнымъ образомъ, но безуспѣшно. Янъ все говорилъ, что Никифоръ въ этомъ дѣлѣ совершенно не причастенъ и что у него отняли „червоные“. Измученный все одними и тѣми-же допросами, онъ сталъ даже на колѣни и сказалъ:

— Милостивые панове! Если-бы вы даже приказывали рѣзать меня на части, то и тогда я бы сказалъ вамъ то, что

вы уже слышали, т. е., что письма далъ мнѣ одинъ монахъ, который въ Москву съ Моратомъ поѣхалъ, а отецъ протосингеллъ и княжа его милость мнѣ тѣхъ листовъ не давали и ничего о нихъ не знали.

Послѣ допроса Яна волоха, кажется, было предоставлено право голоса самому Никифору [1]). Не зная по польски, онъ говорилъ „влосскимъ языкомъ и учинилъ широкую рѣчь до короля его милости и до всего сенату", въ которой, привѣтствуя сеймъ отъ имени четырехъ святѣйшихъ патріарховъ и отъ всей святой, апостольской, каѳолической церкви, „далъ справу о себѣ, што есть за человѣкъ". Изъ рѣчи, которая, къ сожалѣнію, передана въ актахъ не собственными словами, сенаторы узнали, что Никифоръ человѣкъ видный и умный. Онъ былъ въ Падуѣ нѣсколько лѣтъ учителемъ (ректоромъ) наукъ греческихъ, его тамъ слушали „польскіе панята", пріѣзжавшіе изъ Польши въ Италію учиться иностраннымъ наукамъ; потомъ онъ состоялъ проповѣдникомъ при одной греческой церкви въ Венеціи, это могутъ подтвердить (говорилъ Никифоръ) его слушатели, среди которыхъ было не мало вліятельныхъ особъ. Вернувшись въ Константинополь, онъ получилъ званіе протосингелла и два раза управлялъ константинопольской патріархіей; объ этомъ могутъ засвидѣтельствовать его документы и всѣ христіане на востокѣ; а теперь онъ присланъ сюда отъ лица патріарха по поводу возникшихъ въ западнорусской церкви замѣшательствъ и, въ частности, по приглашенію князя Острожскаго для устройства его школы. „А что обо мнѣ здѣсь говорятъ, все это однѣ выдумки, не имѣющія никакого основанія", прибавилъ обвиненный.

Никифоръ говорилъ самоувѣренно, не терялъ присутствія духа и надѣялся блистательно оправдать себя на судѣ.

---

[1]) Историческія извѣстія о дѣлѣ Никифора, согласныя въ общемъ ходѣ разсказа, значительно расходятся въ частныхъ пунктахъ судебнаго процесса. Особенно много путаницы въ этомъ отношеніи представляетъ разсказъ „перестроги". Поэтому, довольно трудно установить порядокъ во времени судебныхъ засѣданій и въ ихъ содержаніи.

Такимъ положеніемъ дѣлъ была очень недовольна сторона гетмана Замойскаго. Она постаралась усилить виновность Никифора указаніемъ новыхъ обвиненій. Янъ Замойскій припомнилъ, что во время молдавской войны Никифоръ былъ посредникомъ между турками и Польшею. Это обстоятельство, вообще мало вяжущееся съ характеромъ поднятаго дѣла, дало поводъ Замойскому обвинить Никифора въ расположеніи его къ Турціи, враждебномъ отношеніи къ Польшѣ и осложнить, такимъ образомъ, дѣло новыми уликами.

12 марта въ сенатѣ происходило новое засѣданіе по дѣлу Никифора. Обвиненныхъ начали опять допрашивать. Янъ волохъ на этотъ разъ вступилъ въ свою роль далеко не съ тою смѣлостью, какъ наканунѣ. Онъ сильно струсилъ. Запуганный судебною обстановкою и серьезностью возбужденнаго процесса (а можетъ быть, въ данномъ случаѣ, не обошлось безъ угрозъ со стороны католиковъ и уніатовъ), онъ теперь высказывается не такъ рѣшительно и рѣзко, какъ прежде, и своими двусмысленными отвѣтами даетъ поводъ для осужденія Никифора. На вопросъ:

— Отъ кого у тебя эти письма? онъ теперь отвѣчаетъ:

— Отъ Пафнутія, который былъ въ то время въ Острогѣ при Никифорѣ... Никифоръ зналъ объ этихъ письмахъ и одобрилъ ихъ содержаніе („za zaleceniem Nikieforza“)...

„Zalecenie“ со стороны Никифора, показанное Яномъ (подъ вліяніемъ ли страха или внушеній католиковъ—не важный вопросъ), пришлось очень кстати. Оно подтверждало подозрѣнія въ мнимыхъ политическихъ замыслахъ дидаскала и бросало тѣнь на благонамѣренность въ политическомъ отношеніи самого князя Константина Константиновича Острожскаго.

Замойскому только это и нужно было. Вставши съ своего мѣста, онъ обратился къ сенату съ слѣдующими словами:

— Милостивый кролю и панове мои! Мнѣ кажется, что теперь именно очень умѣстно вспомнить о переговорахъ Никифора въ землѣ волошской съ турками и войскомъ вашего кололевскаго величества. Приблизительно за три дня предъ отсту-

пленіемъ татаръ изъ земли волошской, я получилъ письмо отъ Синамъ-паши, который, при содѣйствіи Никифора, хотѣлъ вынудить у меня слѣдующія условія: во первыхъ, чтобы волошскій господарь Іеремія присягнулъ на вѣрность цезарю турецкому-во вторыхъ, онъ долженъ отдать своего сына или брата къ ту; рецкому двору въ качествѣ заложника; въ третьихъ, Никифоръ хотѣлъ, чтобы ваша королевская милость приняли обязательство защищать воеводу волошскаго отъ враговъ; наконецъ, въ четвертыхъ, убѣждая меня согласиться на всѣ эти условія, Никифоръ прибавлялъ, между прочимъ, что вмѣшательство турокъ въ дѣла Валахіи не должно представлять ничего страннаго, что если поляки признали у себя королемъ Стефана, по предложенію Турціи, то тѣмъ болѣе волохи могутъ признать воеводою кандидата, представленнаго турками.

Всѣ обвиненія были объединены въ особыхъ юридическихъ вопросахъ и „казано было, абы отецъ протосингеллъ на заданные ему артикулы отповѣдалъ“. Въ эти артикулы были включены всѣ сплетни на счетъ Никифора, какія только можно было тогда собрать. Его обвинили въ нарушеніи мира не только одной короны польской, но и „всего христіанства“, въ чернокнижіи, въ томъ, что онъ вошелъ въ ласку цесаря турецкаго, что онъ ввелъ землю волошскую въ неоплатные долги и совѣтовалъ турецкому султану брать дѣтей у христіанъ, что онъ привелъ на землю волошскую татарскаго царя, что онъ тайно доноситъ туркамъ всё, что дѣлается въ Польшѣ и въ письмахъ своихъ пишетъ что „поляки, какъ собаки, сами себя ѣдятъ“, что онъ указывалъ туркамъ дорогу въ Польшу; что онъ убилъ одного мальчика, находился въ интимныхъ сношеніяхъ съ матерью султана и что онъ, наконецъ, не имѣя никакихъ полномочій, будучи простымъ человѣкомъ, рѣшился самовольно вмѣшиваться въ церковныя дѣла рѣчи посполитой, разорвалъ церковное соединеніе латинянъ съ православными, осмѣлился низлагать митрополита и епископовъ съ ихъ сановъ и тѣмъ произвелъ большое замѣшательство во всемъ государствѣ. Это онъ дѣлалъ съ тою цѣлью, чтобы непріятель, воспользовавшись безпорядками Польши, тѣмъ, легче могъ овладѣть страной.

Никифоръ сильно смутился, когда ему представили цѣлый рядъ искусно сплетенныхъ подозрѣній. Онъ теперь яснѣе, чѣмъ когда либо, понялъ, что враги рѣшили преслѣдовать его систематически и неотступно. Смутное, тяжелое предчувствіе печальнаго результата своего процесса внушило ему еще большую энергію къ самозащитѣ. Никифоръ слишкомъ вѣрилъ въ себя. Онъ выступилъ съ новою рѣчью, въ которой, пунктъ за пунктомъ, опровергалъ всѣ возводимыя на него обвиненія.

— Всё это одна ложь и клевета, говорилъ Никифоръ, а если бы предположить, что и въ самомъ дѣлѣ было что нибудь подобное, тогда судить о томъ, что дѣлалось въ чужой землѣ,— не ваше дѣло. Но пусть, однако, скажетъ самъ гетманъ по совѣсти, что онъ знаетъ о моихъ дѣлахъ въ Валахіи и что заставляло меня принимать участіе въ этомъ дѣлѣ. Дѣйствительно, я былъ посломъ въ переговорахъ Синамъ-паши и гетмана Замойскаго, но я прошу васъ, сами узнайте подробно объ этомъ дѣлѣ. Вѣдь разсудите: если-бы мое вмѣшательство было своекорыстно, оно не имѣло бы такихъ послѣдствій... Стороны были очень довольны моимъ вмѣшательствомъ, татары и турки отступили, Валахія успокоилась. Само дѣло говоритъ за себя. Перебѣщикомъ я не былъ и извѣстій изъ Польщи въ Турцію не посылалъ, я готовъ горло свое дать, если только это правда... Яна Волоха не я посылалъ въ Турцію. Это дѣло пана воеводы кіевскаго. А что касается подозрѣнія, что будто бы я не состою въ званіи протосингелла, то на это я вотъ что скажу: не только отъ константинопольскаго, но и отъ всѣхъ остальныхъ трехъ патріарховъ я имѣю полномочіе на это званіе и имѣю полное право въ каждой ихъ діоцезіи, гдѣ мнѣ угодно будетъ, созывать соборы, наблюдать за порядкомъ, низлагать виновныхъ съ ихъ сановъ и на мѣсто ихъ ставить другихъ. Я имѣю на это письменныя удостовѣренія, а если и имъ не вѣрите, то въ такомъ случаѣ ничего другаго вамъ не остается, какъ послать въ Константинополь и на мѣстѣ удостовѣриться въ справедливости моихъ показаній. Тамъ-же вы легко можете забрать справки обо мнѣ, о моемъ образованіи и прошломъ, и если всё окажется вполнѣ согласнымъ съ моими показаніями, тогда вы поймете,

какъ жестоко клевещутъ на меня мои враги. Говорятъ, что я занимаюсь чернокнижіемъ; пусть докажутъ это, пусть представятъ факты, соотвѣтствующіе обвиненію. Что касается обвиненія въ убійствѣ какого-то „хлопца“, въ интимныхъ связяхъ съ султаншею, то это такія грубыя и неосновательныя сплетни, на которыя и отвѣчать не слѣдуетъ... и т. д.

Неизвѣстно, въ какой степени понимали судьи Никифора волошскій языкъ, на которомъ онъ говорилъ свою защитительную рѣчь, но во всякомъ случаѣ то обстоятельство, что протосингеллъ долженъ былъ выслушивать обвиненіе на одномъ языкѣ, а оправдываться на другомъ, значительно повредило его дѣлу. Обвиненія противъ Никифора были болѣе понятны судьямъ, чѣмъ оправданія обвиненнаго. Многіе изъ католиковъ, враговъ Никифора, совершенно не поняли его рѣчи, а кто понялъ, тотъ не желалъ оправданія человѣку, подъ авторитетомъ котораго не такъ давно, пять мѣсяцевъ тому назадъ, произошелъ раздоръ между православными и католиками изъ-за уніи.

Дѣло Никифора на сеймѣ обсуждалось и публично, въ присутствіи всѣхъ сенаторовъ, и „prywatnie“, въ присутствіи шести лицъ. Послѣднюю форму оно приняло „по докончeнію сейму, когда ся только сами канцлерове и урядницы зостали“. „Король его милость, великими просьбами будучи усилованный, росказалъ (приказалъ) приватнѣ“ тремъ сенаторамъ и двумъ канцлерамъ въ присутствіи маршалка составить новое, особое засѣданіе для спеціальнаго разбора дѣла. Процессъ длился еще три дня, по распущеніи сейма. Королю и сенаторамъ во что-бы то ни стало хотѣлось осудить Никифора. Напрасно защитникъ обвиненныхъ—панъ Прилѣпскій—повторялъ почти въ каждомъ засѣданіи свои заученныя, однообразныя рѣчи, въ которыхъ, не прибавляя ничего новаго, ограничивался повтореніемъ уже извѣстнаго, т. е. что Никифоръ писемъ не писалъ, а Янъ не зналъ, что ему дали для передачи. Ничего не помагало. Всё это было, конечно, доказательно, только не для засѣдателей польскаго сейма...

Во время частнаго засѣданія 28 марта въ залъ вошли волошскіе послы съ новыми показаніями на Никифора. Они

сказали, что султанъ турецкій подослалъ однажды въ Волощину пять шпіоновъ и что однимъ изъ нихъ былъ именно никто другой какъ Никифоръ, убѣжавшій изъ Хотинской тюрьмы. Четверыхъ шпіоновъ поймали, а Никифоръ скрылся за границу... Въ политическія дѣла Валахіи Никифоръ вмѣшивался самовольно, не имѣя на это никакихъ полномочій... и т. д.

Рѣчь волошанъ была знакома Никифору. Онъ одушевленно отвѣчалъ, что, напротивъ, необходимыя полномочія у него были и для доказательства тутъ-же показалъ письма къ нему волошскихъ знатныхъ пановъ.

Волошане разсмотрѣли письма, признали ихъ дѣйствительными, хотя и не считали подписавшихся подъ ними пановъ знатными лицами Валахіи.

Затѣмъ, Никифоръ показалъ еще письмо, писанное къ нему Іереміею, воеводою волошскимъ. Въ немъ Іеремія проситъ Никифора прибыть въ Валахію и помирить его съ Синамъ-пашею, безъ пролитія крови.

— Я принялъ просьбу Іереміи, сказалъ Никифоръ, пріѣхалъ въ Валахію, устроилъ ея спокойствіе и затѣмъ отправился въ польско-литовское королевство; на границѣ меня арестовали и посадили въ тюрьму, изъ которой я долженъ былъ уйти, такъ какъ мое присутствіе было необходимо въ западной Руси, куда меня послалъ константинопольскій патріархъ для благоустройства православной церкви. Тамъ я жилъ до сихъ поръ, ничего не подозрѣвая...

Къ такимъ отвѣтамъ обвиненнаго судьи уже привыкли и не обращали на нихъ особеннаго вниманія.

Обвиненныхъ заключили въ ратушу, въ которой сидѣлъ тогда и Наливайко. Дѣло Никифора, начатое изъ-за пустяковъ, неожиданно приняло широкіе и серьезные размѣры. Константинъ Острожскій былъ сильно раздраженъ такъ неблагопріятно сложившимися для Никифора обстоятельствами; онъ обозвалъ Яна волоха „глупымъ холопомъ“ за его послѣднее показаніе, но не предпринималъ никакихъ средствъ для защиты своего дидаскала. Замѣчателенъ фактъ, что во всё время процесса князь Острожскій стоялъ въ сторонѣ, не принималъ въ дѣлѣ

активнаго участія, а Никифоръ ни разу не попросилъ у него покровительства и защиты въ эту критическую для него минуту. Надоѣло ли князю это дѣло, или, вообще, онъ сталъ индиферентнѣе глядѣть на вещи?... Можетъ быть и то, и другое, но фактъ тотъ, что князь во всё время процесса оставался зрителемъ. Лишь только въ самомъ концѣ его онъ проявилъ себя, проявилъ очень характерно, со всею желчью своего раздражительнаго настроенія и оскорбленнаго самолюбія.

VI.

Во время одного изъ частныхъ, приватныхъ засѣданій, сенаторы, должно быть, уставшіе отъ продолжительныхъ совѣщаній, разошлись по заламъ для отдыха. Одни ушли въ комнаты короля, другіе „до другаго покóю“. Въ послѣднемъ уединенно сидѣлъ князь Острожскій, еще раньше сенаторовъ пришедшій сюда. Онъ, повидимому, искалъ спокойствія своему раздраженному настроенію духа. Константинъ Константиновичъ былъ врагомъ оффиціальныхъ проволочекъ дѣла. Онъ любилъ дѣйствовать прямо и непосредственно. Іезуитская политика и судебная интрига, принятыя королемъ для осужденія Никифора, возмущали его больше, чѣмъ лживые доносы на протосингелла. Вошли сенаторы. Завязался общій разговоръ.

— Всё это сплетни („плетки“), говорили одни. Стóитъ ли изъ-за нихъ поднимать такое дѣло у короля и рѣчи посполитой? Важно то, что Никифоръ синодъ собиралъ („синодовалъ“), митрополита и владыкъ низложилъ съ ихъ урядовъ...

— Низложеніе это не имѣетъ никакого значенія, сказали другіе, потому что оно идетъ отъ простаго человѣка.

— А всё это произошло отъ того, что у Яна нашли торбу съ письмами и посчитали его за перебѣщика, прибавили третьи...

И, вообще, различные тогда шли толки по дѣлу Никифора („розное мниманье и розмова“). Иные положительно высказывались въ томъ смыслѣ, что причиною поднятаго дѣла служитъ „непріязнь гетманская (Замойскаго) напротивъ пану воеводѣ кіевскому“... и что низложеннымъ владыкамъ было очень же-

лательно осужденіе экзарха, такъ какъ въ такомъ случаѣ проклятіе („выкликаніе“) его „не важное быти-бы мусѣло“.

Нужно представить себѣ настроеніе князя Константина Константиновича Острожскаго, навѣянное на него такими разговорами, въ которыхъ, время отъ времени, произносилось кстати и не кстати его имя. И сожалѣніе о невинно страдающемъ Никифорѣ, и сознаніе глубокаго оскорбленія въ лицѣ Никифора, недавняго предсѣдателя православнаго собора, всему православному духовенству, и горечь отъ недобросовѣстной, хотя оффиціально-правильной, постановки судебнаго дѣла и, наконецъ, досада отъ невозможности поправить дѣло—все это слилось у него въ одинъ безразличный психическій актъ ожесточенія и озлобленія.

Сенаторы спорили свободно и непринужденно. Немного спустя („по малой хвили“) „вполъ король съ покою своего до того покою, гдѣ сенаторове съ паномъ воеводою кіевскимъ были“. Константинъ Константиновичъ не могъ терпѣть дальше... Онъ всталъ и сдѣлалъ королю, въ присутствіи его сенаторовъ, рѣзкую сцену: онъ „учинилъ широкую и досыть жалостную мову до короля“.

Прежде всего старикъ Острожскій напомнилъ королю про исхожденіе своей княжеской фамиліи изъ древняго рода, заслуги своихъ предковъ для рѣчи посполитой, начиная отъ Сигизмунда I, дѣда короля его милости, Сигизмунда Августа, Генриха и Стефана—королей польскихъ, которые умѣли миловать своихъ подданныхъ, снисходить къ ихъ недостаткамъ и справедливо судить жалобы.

— Я уже старъ, говорилъ князь Острожскій, и очень благодаренъ королю за его ласку ко мнѣ. Одного моего сына ты посадилъ „въ правицы“, а другого „въ лѣвицы“ [1]). Это меня старика утѣшаетъ. Но вотъ теперь совершенно неожиданно поднялось въ краѣ недовольство на православныхъ, и на меня, твердаго защитника своей православной вѣры, напали

---

[1]) Янушъ Константиновичъ Острожскій, старшій сынъ князя, былъ назначенъ каштелляномъ краковскимъ (1593 г.) и занималъ въ сенатѣ первое мѣсто; второй сынъ князя Александръ Константиновичъ былъ волынскимъ воеводою и старостою переяславскимъ.

со всѣхъ сторонъ враги и, въ частности, этотъ канцлеръ, гетманъ Замойскій, который, по личной ненависти ко мнѣ и зависти моему богатству, славѣ и видному положенію, гонитъ слугъ моихъ, велитъ хватать добрыхъ людей, ни въ чемъ неповинныхъ, „пенязи“ отбираетъ, мучитъ и т. п. Мало того, желая навести безчестіе на меня и всѣхъ православныхъ, онъ нападаетъ на духовныхъ православной вѣры и называетъ ихъ измѣнниками. А ваша королевская милость, видя всё это, этотъ „квалтъ“ и нарушеніе правъ, не обращаетъ никакого вниманія на присягу свою, которою обовязался не нарушать нашихъ правъ, но напротивъ примножать и расширять ихъ. Тебѣ вовсе не желательно поддерживать насъ. Отступниковъ отъ православія ты ласкаешь, позволяешь имъ причинять намъ разныя насилія и проливать кровь тѣхъ, которые не хотятъ слѣдовать ихъ примѣру и по прежнему держатся своей родной вѣры. Ты наступаешь на права наши, ломаешь вольности (привилегіи) наши и налегаешь на нашу совѣсть!.. Я всё это вижу и хорошо чувствую обиду, „кривду“, которую ты намъ причиняешь. Я вижу къ чему это ведетъ. Помни мое слово, что если такъ продолжится дальше, королевство польское погибнетъ, потому что недалеко уже то время, когда никто не будетъ обезпеченъ въ своихъ правахъ и свободѣ... Государство идетъ къ замѣшательству. Это бы, впрочемъ, еще ничего; не случилось бы чего нибудь похуже!.. Осмотрись кругомъ себя, ваша королевская милость, и „здоровой рады послухай“. Я уже старъ и недалеко время моей смерти; но я надѣюсь, что больше не увижу нарушенія правъ православныхъ въ нашемъ государствѣ; въ противномъ случаѣ ты дашь за насъ строгій отвѣтъ на страшномъ судѣ. А что касается Никифора, то его крови я буду искать на судѣ Божіемъ“.

Острожскій замолкъ, „отступилъ трохи“, подозвалъ своихъ адъютантовъ и направился къ выходной двери, опираясь на плечо своего пріятеля. Пріятель сказалъ, что нужно-бы „почекать на колевскій отвѣтъ“; старикъ не обращалъ вниманія.

— Пане воеводо, его милость король хочетъ съ вами говорить, сказали ему.

Острожскій не хотѣлъ больше слушать короля и „пошелъ прочь“. Король смутился, растерялся и не зналъ, что предпринять. Онъ послалъ за княземъ его зятя—воеводу виленскаго—Радзивилла. Радзивиллъ подбѣжалъ къ князю и просилъ вернуться. Тотъ продолжалъ идти.

— Увѣряемъ вашу мость, сказалъ Радзивиллъ, что король очень тронутъ вашими словами и что Никифоръ будетъ освобожденъ.

Князь остановился.

— *Нехай-же соби и Никифора згисть,* сказалъ онъ раздражительно, „въ великой жалости будучи“, и вышелъ изъ дворца.

На слѣдующій день рано князь выѣхалъ изъ Варшавы, покинувши Никифора съ нѣсколькими слугами „тамъ, на палацѣ“, котораго „королевскіи гайдуки тотчасъ-же оступили“.

Сомнительно, конечно, чтобы Никифоръ получилъ прежнюю свободу, какъ обѣщалъ король чрезъ Радзивилла, но его участь была-бы, быть можетъ, нѣсколько иная, если-бы князь Острожскій не испортилъ дѣла своею горячностью.

Дальнѣйшая судьба дидаскала очень печальна.

Оставленный „тамъ, на палацѣ“, онъ сдѣлался предметомъ сенаторскихъ разсужденій.

„Что съ нимъ дѣлать? Да кстати и съ Яномъ волохомъ?“

Высказаны были, какъ и обыкновенно у польскихъ сенаторовъ, различныя мнѣнія. Одни стояли на томъ, чтобы надъ обвиненными было вторично назначено слѣдствіе и виновные были-бы приговорены къ смертной казни. Въ такомъ родѣ высказывалось большинство. Другіе говорили, что Никифора слѣдуетъ содержать въ почетѣ („in honesta custodia“), а тѣмъ временемъ постараться-бы розыскать Пафнутія, который писалъ эти письма. Третьи наконецъ, совѣтовали снестись по этому дѣлу съ Валахіей, забрать тамъ точныя и достовѣрныя справки о степени виновности Никифора.

Король согласился съ двумя послѣдними мнѣніями и издалъ декретъ, чтобы Янъ и Никифоръ содержались въ заключеніи до нахожденія Пафнутія.

Пафнутія, конечно, не нашли; едва-ли его и искали... Никифора заключили въ крѣпость въ Малборкѣ, гдѣ онъ и скончался. Яна волоха отправили въ Варшаву; тамъ его велѣно было держать до слѣдующаго варшавскаго сейма.

Напрасно патріархъ Мелетій Нигасъ просилъ князя Острожскаго и всѣхъ православныхъ князей освободить Никифора „отъ навѣта и всякія бѣды". Его просьба осталась безъ успѣха.

Впослѣдствіи стали ходить слухи, что Никифора будто-бы уморили постомъ.

Такъ кончилась „справа" отца протосингелла.

VII.

Православные смотрѣли на Никифора, какъ на мученика за вѣру, и повѣствователь его „справы" считаетъ нравственнымъ долгомъ присоединить къ своему разсказу о Никифорѣ соотвѣтствующее, назидательное поученіе православному обществу.

„И вы, православные христіане,—говоритъ онъ,—слышачи о томъ, съ терпѣливостью идите на предлежащій вамъ подвигъ, взираючи на начальника вѣры и совершителя Іисуса, Который вмѣсто потѣхи принялъ крыжъ, о встыдѣ не дбалъ".

Судъ надъ Никифоромъ повѣствователь приравниваетъ даже къ суду Спасителя у Пилата и, для большаго впечатлѣнія на читателя, непосредственно за разсказомъ о процессѣ экзарха разсказываетъ о судѣ надъ Іисусомъ Христомъ.

Общество слѣдило за процессомъ Никифора на варшавскомъ сеймѣ, но когда процессъ кончился, оно забыло о дидаскалѣ и не интересовалось его судьбой. Ни откуда не видно, чтобы даже православные предпринимали что либо для освобожденія и оправданія оклеветаннаго и опозореннаго предсѣдателя своего собора, представителя восточной, вселенской церкви, экзарха и протосингелла греческихъ патріархатовъ.

Прошелъ годъ.

Впечатлѣніе обиды прошло у князя Острожскаго, и онъ помирился съ гетманомъ Замойскимъ. Это было на слѣдующемъ варшавскомъ сеймѣ. „Найдовались добрые люди, которые свели

ихъ и они поедналися“ въ то время, когда Никифоръ сидѣлъ „въ Малборку“. Никто не подалъ голоса въ защиту бѣднаго протосингелла, только одинъ лишь Казимирскій, „добрый пріятель пана воеводы“, сказалъ Константину Константиновичу, когда тотъ „ишолъ въ покояхъ королевскихъ у Варшавѣ до зъеднанья зъ гетманомъ“:

— Пане воеводо! Идешь еднатися зъ гетманомъ для того, ижъ обѣщался тобѣ пріятелемъ быти.... А Никифоръ *пропалъ*...

Князь не обратилъ вниманія на слова своего пріятеля. Онъ „поедналася“ съ гетманомъ.

VIII.

Въ заключеніе — нѣсколько словъ о причинахъ печальной участи экзарха Никифора.

Эти причины лежали не въ случайныхъ личныхъ отношеніяхъ двухъ польскихъ вельможъ—Острожскаго и Замойскаго, а въ обстоятельствахъ болѣе серьезнаго характера. На варшавскомъ сеймѣ сказалось лишь общее послѣдствіе многихъ фактовъ. Корень ненависти короля и его сенаторовъ къ Никифору нужно искать въ октябрьскомъ, брестскомъ соборѣ 1596 года. Между октябремъ 1596 года и февралемъ 1597-го успѣло нарости для Никифора много непріятностей, погубившихъ его.

Никифоръ погибъ потому, что съ его авторитетнымъ званіемъ патріаршаго протосингелла и экзарха связывалась сила тѣхъ опредѣленій православнаго брестскаго собора, которыми уніатскіе епископы проклинались и канонически лишались своихъ мѣстъ.

Какъ ни индифферентно относились уніаты и католики къ патріархамъ, однако представительства ихъ въ восточной, православной церкви они отрицать не могли. Впечатлѣніе, произведенное осужденіемъ западно-русскихъ епископовъ и митрополита отъ имени восточныхъ патріарховъ на православномъ соборѣ, было сильно въ обществѣ. Еще до брестскаго собора епископы, согласившіеся на унію, предвидя неопредѣленный исходъ затѣянн аго дѣла, боялись проклятія восточной церкви. Это про-

клятіе подрывало ихъ авторитетъ въ глазахъ уніатовъ. Король успокаивалъ ихъ своими грамотами и писалъ, что проклятіе патріаршее не будетъ имѣть для нихъ никакого значенія. Но то, чего они такъ боялись, то и случилось: они были канонически низложены и на нихъ тяготѣла анаѳема восточной церкви. Чтобы ослабить сколько нибудь впечатлѣніе, произведенное опредѣленіями брестскаго, православнаго собора, поляки начали происки противъ Никифора — предсѣдателя собора. „Отступницы, боячися того, же были отъ протосингелла патріаршого зъ достоинствъ поскиданы, начали шукати дороги на протосингелла, задаючи то, же онъ николи отъ патріарха въ такой справѣ не былъ посланъ, и овшемъ самовласнѣ до Острога, по приватной справѣ своей, альбо потребѣ пріѣхалъ, то есть для науки дитокъ". Какими именно средствами „шукали отступницы дороги на протосингелла", это не выяснено, да и едва-ли можетъ когда либо выясниться по самому существу интриги, какъ интимнаго, скрытаго пути для достиженія опредѣленной цѣли. Во всякомъ случаѣ, ссора воеводы кіевскаго съ гетманомъ Замойскимъ и арестъ пьянаго волоха въ Шаргородѣ были очень кстати для польскаго короля и его сенаторовъ. „Когда отступницы послышали о томъ, они вельми радовалися". Замойскій ловко съумѣлъ связать миссію пьянаго Яна волоха съ мнимыми политическими замыслами, малозначительный фактъ онъ превратилъ въ событіе важнаго, сенсаціоннаго характера, и Никифоръ отправился „до Малборку". Съ этой точки зрѣнія понятно, почему поляки такъ спѣшили судить Никифора [1]), не оставили въ сторонѣ ни одной сплетни, претендовавшей на степень обвиненія, и настойчиво требовали его осужденія, не смотря на то, что всѣ „артикулы" были основательно опровергнуты или разъяснены обвиненнымъ. Позоръ Никифора вполнѣ согласовался съ интересами тогдашней внутренней польской политики. Польское правительство видѣло въ Никифорѣ не только виновника низложенія уні-

[1]) Дѣло разбиралось не болѣе десяти дней — срокъ слишкомъ незначительный для такого сложнаго и запутаннаго по своему характеру процесса.

атскихъ епископовъ, но и будущаго противника введенія и распространенія въ краѣ уніи. Оставаясь въ западной Руси въ качествѣ уполномоченнаго лица отъ восточнаго патріарха, онъ своими распоряженіями въ пользу православныхъ былъ бы главнѣйшимъ и опаснѣйшимъ врагомъ уніи.

Что Никифоръ погибъ не какъ политическій преступникъ, а какъ именно *защитникъ православія*, это доказывается еще характеромъ рѣчи князя Острожскаго королю. Эта рѣчь служитъ лучшимъ комментаріемъ факта съ его неоффиціальной стороны. О чемъ говорилъ раздраженный князь? Ни о Янѣ волохѣ, ни о Пафнутіи, ни о молдавскомъ вопросѣ, ни о политической неблагонадежности Никифора, менѣе всего о Янѣ Замойскомъ, но главнымъ образомъ объ уніи и притѣсненіи православныхъ („наступаешь на права наши, не хочешь насъ въ православной вѣрѣ заховати“ и т. п.). Странною и неумѣстною казалась бы рѣчь князя, если не поставить ее въ связь съ интимнымъ желаніемъ короля и сенаторовъ содѣйствовать цѣлямъ уніи чрезъ по возможности безотлагательное осужденіе Никифора. Съ какой стати, въ самомъ дѣлѣ, говорить бы князю о вѣрѣ, если бы причиною осужденія Никифора были его политическіе замыслы, или вражда Острожскаго съ Замойскимъ? Не совсѣмъ также будутъ понятны его угрозы судомъ Божіимъ изъ-за мелочей—„плётокъ“. Но однако ни король, ни сенаторы не нашли его рѣчи неумѣстною, значитъ она была кстати. Правда, князь, по своему обыкновенію, увлекся, наговорилъ много лишняго, но упрекъ королю былъ высказанъ имъ справедливо и умѣстно.

Можно только пожалѣть объ одномъ, что князь Острожскій не пожелалъ воспользоваться своимъ сенаторскимъ вліяніемъ и авторитетомъ экзарха, чтобы облегчить, насколько это можно было, участь Никифора. Къ сожалѣнію, сдѣлать это не позволяли характеръ князя и его слово не вмѣшиваться больше въ это дѣло. Роковое „нехай-же и Никифора зъисть“—рѣшило судьбу послѣдняго. Быть можетъ, князю и хотѣлось впослѣдствіи принять какое нибудь участіе въ положеніи всѣми

оставленнаго Никифора, но „амбиція“ и гордость польскаго магната, считавшаго себя въ своемъ оскорбленномъ чувствѣ выше вмѣшательства въ дѣло съ тѣхъ поръ, какъ онъ оскорбленъ, удерживали его отъ участія, и князь выдержалъ свою роль до конца.

Ѳ. Кудринскій.

ПРЕОСВЯЩЕННЫЙ ВИКТОРЪ САДКОВСКІЙ,

архіепископъ минскій, изяславскій и брацлавскій, коадъюторъ кіевской митрополіи управлявшій съ 1785 по 1796 годъ всѣми православными церквами и монастырями въ предѣлахъ бывшаго ц. Польскаго.

19 іюля текущаго года исполнится столѣтіе съ того времени, какъ Архіепископъ Викторъ Садковскій, по настоятельному требованію Императрицы Екатерины II, былъ освобожденъ Посполитою Рѣчью изъ тяжкаго тюремнаго заключенія, въ которомъ онъ болѣе трехъ лѣтъ томился сперва въ Несвижской крѣпости гродненской губерніи, затѣмъ въ Варшавѣ въ подземельяхъ при палацѣ графовъ Красинскихъ, а напослѣдокъ въ казематахъ при Ченстоховскомъ римско-католическомъ клеторѣ петроковской губерніи. По случаю этого приснопамятнаго событія, съ которымъ соединяется начало торжества православія надъ католицизмомъ въ предѣлахъ Польши, весьма благовременно воскресить въ памяти жизнь и великія заслуги для православной церкви преосвященнаго Виктора, тѣмъ болѣе, что въ лицѣ его 9 іюня 1785 года, послѣ семидесятилѣтняго перерыва [1]), въ этомъ государствѣ была возстановлена православная іерархія, и темничныя страданія его, продолжавшіяся съ 18 апрѣля 1789 года по 19 іюля 1792 года были послѣднею великою жертвою со стороны православныхъ подданныхъ Посполитой Рѣчи за возстановленіе своихъ религіозныхъ и гражданскихъ правъ, которыя попираемы были почти въ теченіе двухъ вѣковъ.

[1]) Исторія уніи старыхъ временъ Коялович, С.-Петербургъ 1873 г. стр. 324.

По происхожденію своему преосвященный Викторъ принадлежалъ къ малороссійской дворянской фамиліи, а по мѣсту рожденія и воспитанія своего былъ кіевлянинъ [1]). Родители его жили въ подольской части города Кіева, близъ церкви Всемилостиваго Спаса, которая въ 1811 году, во время великаго пожара, сгорѣла и на погостѣ сей церкви были погребены [2]). Воспитаніе свое онъ получилъ въ началѣ второй половины XVIII вѣка, въ древней кіевской академіи, сперва подъ главнымъ надзоромъ Георгія Конисскаго, скончавшагося 13 февраля 1795 года въ санѣ архіепископа могилевскаго, а потомъ—Самуила Мислaвскаго, скончавшагося 8 января 1796 года въ санѣ кіевскаго митрополита. Оба эти приснопамятные ректора кіевской академіи, а впослѣдствіи знаменитые іерархи россійской церкви, съ отеческою любовію относились къ своему весьма способному и ревностному питомцу не только тогда, когда онъ проходилъ курсъ своего ученія, но и по вступленіи его на службу церкви Божіей въ предѣлахъ тогдашней Польши [3])

По окончаніи своего воспитанія и по принятіи монашества въ Кіево-Печерской Лаврѣ [4]), Викторъ Садковскій болѣе 15 лѣтъ состоялъ учителемъ и префектомъ въ могилевской духовной семинаріи, основанной Георгіемъ Конисскимъ въ 1767 году на средства, отпущенныя Императрицею Екатериною II [5]), исправляя въ то же время обязанность каѳедральнаго проповѣдника и члена могилевской православной консисторіи. Когда въ 1776 году капелланъ русскаго посольства при варшавскомъ королевскомъ дворѣ, игуменъ Спиридонъ Гринѣвецкій по распоряженію кіевскаго митрополита Арсенія Могилянскаго, былъ назначенъ на должность настоятеля Лебединскаго Свято-Георгіевскаго монастыря (кіев. губерніи), то Викторъ Садковскій, по рекомендаціи преосвященнаго Георгія Конисскаго, получилъ

---

[1]) Кіевъ съ его древнѣйшимъ училищемъ академіею. Аскоченскаго т. II стр. 268.

[2]) Протоіерей Іоаннъ Леванда, его жизнь, проповѣди и письма. Кіевъ 1879 г. стр. 195.

[3]) Исторія уніи Кояловича изд. 1873 г. стр. 282. Аппеха стр. 99.

[4]) Мірское имя преосвященнаго Виктора неизвѣстно.

[5]) Кіевъ съ его древн. училищемъ-академіею, Аскоченскаго т. II, стр. 120.

назначеніе на вакансію Варшавскаго капеллана, съ производствомъ въ санъ игумена, и должность капеллана исправлялъ до ноября 1783 года [1]). Должность капеллана главнымъ образомъ состояла въ совершеніи богослуженія въ домовой церкви, находившейся при русскомъ посольствѣ и исправленіи религіозныхъ требъ, какъ для православныхъ чиновниковъ посольства, такъ и для другихъ лицъ, по разнымъ дѣламъ своимъ пріѣзжавшихъ въ столицу Посполитой Рѣчи и проживавшихъ здѣсь.

Въ продолженіе семилѣтней службы своей капелланъ Викторъ пользовался особенною благорасположенностію и уваженіемъ не только русскаго посланника графа Стакельберга, но и проживавшихъ въ Варшавѣ и ближайшихъ къ ней городахъ (Люблинѣ, Калишѣ, Петроковѣ, Опатовѣ, Познанскѣ) греческихъ колонистовъ, которые пріютились здѣсь послѣ завоеванія турками Византіи въ 1453 году и занимались торговлею. Изъ дѣлъ переяславской духовной консисторіи за 1776—1780 годы, переданныхъ въ концѣ прошлаго столѣтія въ архивъ кіевской консисторіи, видно, что православные украинскіе протопопы—смѣлянскій Іоаннъ Радзимовскій и винницкій Илія Голоскевичъ и священники—корсунскій Іоаннъ Стоцкій и Кривыхъ Колѣнъ Іоаннъ Зелѣнкевичъ, пріѣзжавшіе въ Варшаву искать у польскаго правительства защиты угнетенному на Украинѣ православію, первѣе всего являлись къ капеллану Виктору Садковскому. Въ квартирѣ его они находили для себя радушный пріютъ и гостепріимство, а въ немъ самомъ мудраго, безкорыстнаго совѣтника и самаго тщательнаго руководителя по дѣламъ своимъ. Онъ и редактировалъ ихъ жалобы, и представлялъ оныя на благоусмотрѣніе русскаго посланника; онъ былъ проводникомъ ихъ, когда они лично подавали свои жалобы польскому королю и его Постоянному Совѣту; онъ принималъ на себя трудъ защищать эти жалобы и ходатайствовать о скорѣйшемъ и справедливомъ рѣшеніи ихъ на варшавскихъ сеймахъ. Въ сентябрѣ 1779 года православное украинское духовенство, вслѣдствіе совершеннаго разоренія своего уніатами

[1]) Архивъ кіев. консисторіи 1784 г. дѣло № 2640.

и мѣстными польскими помѣщиками и управляющими ихъ имѣніями, не могло на свои оскудѣвшія средства выслать уполномоченныхъ изъ своей среды въ Варшаву искать правосудія у польскаго правительства, и потому меморіалъ о своемъ бѣдственномъ, беззащитномъ положеніи со всѣми потребными документами отправило по почтѣ на имя капеллана Виктора, который представилъ оный на тогдашнемъ варшавскомъ сеймѣ королю и членамъ его Постояннаго Совѣта и самымъ энергическимъ образомъ ходатайствовалъ о возстановленіи попранныхъ правъ своихъ единовѣрныхъ собратій. Услугами Виктора, когда онъ исправлялъ должность капеллана, пользовались не только православные священнослужители, но и міряне, которые весьма часто пріѣзжали изъ Украины, Литвы и Бѣлоруссіи въ Варшаву съ своими апелляціями на противозаконныя рѣшенія своихъ исковыхъ просьбъ провинціальными польскими судами.

По смерти слуцкаго архимандрита Павла Волчанскаго, кіевскій митрополитъ Самуилъ Миславскій, съ согласія варшавскаго русскаго посла Стакельберга, въ началѣ ноября 1783 года произвелъ игумена Виктора въ санъ архимандрита слуцкаго Свято-Троицкаго монастыря и назначилъ его своимъ намѣстникомъ въ предѣлахъ Польши, поручивши ему ближайшій надзоръ за всѣми православными монастырями и церквями, находившимися въ этомъ государствѣ. Состоя въ должности архимандрита и митрополичьяго намѣстника съ ноября 1783 г. по іюнь 1785 года, Викторъ Садковскій ознаменовалъ свою дѣятельность благоустройствомъ монастырей—Яблочинскаго Свято-Онуфріевскаго, двухъ Дрогиченскихъ—Преображенскаго и Троицкаго и Брестскаго Св. Симеоновскаго и кромѣ того не безъ успѣха ходатайствовалъ на польскихъ сеймахъ о возвращеніи этимъ монастырямъ тѣхъ угодій, которыя отчуждены были отъ нихъ самоправными сосѣдними польскими помѣщиками. Почти двадцатипятилѣтнее служеніе Виктора Садковскаго въ предѣлахъ Посполитой Рѣчи было подготовительною для него школою къ поступленію на каѳедру православнаго епископа въ государствѣ, которое почти въ теченіе двухъ вѣковъ употребляло всѣ свои фанатическія усилія для совращенія всѣхъ православныхъ под-

данныхъ своихъ если не въ католицизмъ, то по крайней мѣрѣ въ унію.

Когда въ началѣ 1785 года между Россіею и Польшею состоялось соглашеніе о возстановленіи въ предѣлахъ Посполитой Рѣчи православной епископской каѳедры, членамъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода поручено было рѣшить вопросъ объ избраніи достойнаго кандидата на эту каѳедру. Рѣшенію сего труднаго вопроса помогъ кіевскій митрополитъ Самуилъ Миславскій, указавши на архимандрита Слуцкаго монастыря Виктора Садковскаго. Голосъ кіевскаго святителя поддержалъ и русскій посланникъ при польскомъ дворѣ.

27 марта 1785 года послѣдовалъ Высочайшій приказъ Святѣйшему Синоду „о бытіи въ Польшѣ особливому епископу, коадъютору кіевской митрополіи и о посвященіи въ сей санъ Виктора, архимандрита Слуцкаго монастыря". Въ этомъ приказѣ, сообщенномъ изъ Св. Синода кіевскому митрополиту Самуилу, прописано: „для пользы православной нашей церкви греко-россійской и для удобнѣйшаго охраненія исповѣдающихъ законъ нашъ благочестивый въ Польшѣ всемилостивѣйше повелѣваемъ: быть особому епископу викарному или коадъютору кіевской митрополіи, именоваться сему епископу Переяславскимъ и Бориспольскимъ, имѣть пребываніе ему въ Слуцкомъ благочестивомъ монастырѣ, котораго быть ему и архимандритомъ; въ сей санъ посвятить въ Кіевѣ нынѣшняго архимандрита Слуцкаго монастыря Виктора... и относительно должности его въ управленіи всѣми въ Польшѣ находящимися благочестивыми монастырями и церквами сдѣлать надлежащія распоряженія"... На основаніи сего Высочайшаго приказа хиротонія архимандрита Виктора въ епископа совершена въ Кіево-Софійской каѳедральной церкви 9 іюня 1785 года, въ праздникъ Сошествія Святаго Духа, митрополитомъ Самуиломъ при соучастіи Иларіона, епископа Новгородсѣверскаго, и находившихся въ Кіевѣ на пребываніи преосвященныхъ Серафима, митрополита Лакедемонскаго, и Кирилла, епископа Сѣвскаго [1]).

[1]) Арх. Кіевск. Консист. 1785 г. дѣло о хиротоніи архимандрита Виктора Садковскаго въ епископа.

На долю Виктора Садковскаго досталась паства, которая, по словамъ его[1]), такъ широко распространялась, какъ широка была Польша и какъ далече отстоитъ Двина отъ Днѣстра и Днѣпръ отъ границы Силезіи. Но къ симъ словамъ считаемъ нужнымъ присовокупить, что въ сей весьма обширной епархіи архипастырская дѣятельность его поставлялась въ весьма затруднительное и стѣснительное положеніе 1) іезуитскими происками католическихъ и уніатскихъ духовныхъ властей, которыя игнорировали всѣ королевскія привиллегіи въ охрану православія, 2) инструкціями русскаго правительства и Святѣйшаго Синода, которыя не легко было выполнять, особенно на Украинѣ, жители которой привыкли съ мечемъ въ рукахъ, а не съ *христіанскимъ* незлобіемъ и кротостію защищать свою религію и права своей народности, и 3) самоволіемъ и корыстолюбіемъ нѣкоторыхъ православныхъ украинскихъ протопоповъ, которые, не имѣя среди себя въ теченіе 70-лѣтъ мѣстнаго архипастыря, а управляясь архипастырями заграничными, привыкли къ безначалію и произволу по отношенію къ подвѣдомственному ихъ духовенству.

Послѣ хиротоніи своей преосвященный Викторъ прожилъ въ Кіевѣ болѣе четырехъ мѣсяцевъ, собирая въ архивахъ Кіевской и Переяславской Консисторій дѣла, касавшіяся его новоучрежденной епархіи и отсылая эти дѣла въ Слуцкъ. Наконецъ 24 Октября онъ и самъ оставилъ Кіевъ, но уѣхалъ не въ Слуцкъ, куда ему слѣдовало уѣхать для устройства своей консисторіи, а въ козацкую Украину, и притомъ—какъ лицо частное, такъ какъ на исполненіе архипастырскихъ обязанностей ему еще не выдана была королевская привилегія. Когда онъ отъѣхалъ 50 верстъ отъ Кіева и остановился въ мѣстечкѣ Фастовѣ (кіевской губерніи), здѣсь его встрѣтили иноки украинскихъ монастырей и пригласили посѣтить ихъ обители для хиротоніи въ санъ священства нѣкоторыхъ изъ своихъ собратій. Приглашеніе было принято, и новый архипастырь, странствуя по Украинѣ въ теченіе пяти недѣль, посѣтилъ мона-

[1]) См. письмо его къ митроп. Самуилу отъ 26 января 1786 г.

стыри: Терехтеміровскій, Корсунскій, Виноградскій, Жаботинскій, Онуфріевскій, Мотренинскій, Чигиринскій, оба Лебединскіе, и Богуславскій. Въ каждомъ изъ сихъ монастырей онъ совершалъ богослуженіе, рукополагалъ представляемыхъ ему кандидатовъ священства и давалъ свои наставленія священнослужителямъ церкви относительно надлежащаго исполненія ими своихъ пастырскихъ обязанностей и воспрещенія ихъ пасомымъ съ мечемъ въ рукахъ возстановлять свои религіозныя и гражданскія права.

Въ украинскихъ монастыряхъ преосвященный Викторъ нашелъ крайнюю бѣдность и слѣды разоренія, произведеннаго уніатскими офиціалами—Мокрицкимъ въ 1766, 1767 и 1768 г. и Примовичемъ въ 1778 и 1779 г. Не мало поражала его и встрѣча такъ называемыхъ бродяжныхъ монаховъ, которые самовольно переходили изъ монастыря въ монастырь, или жили лѣтомъ по лѣсамъ въ землянкахъ и на пасѣкахъ, а зимою селились по хуторамъ и селамъ среди мірянъ и не хотѣли признавать надъ собою никакой духовной власти. Относительно таковыхъ монаховъ архипастырь отдалъ строгій приказъ настоятелю Мотренинскаго монастыря архимандриту Иринарху и уполномочилъ его лишать ихъ иноческаго званія и обращать въ помѣщичьихъ крестьянъ, если они не захотятъ поселиться въ монастыряхъ и не станутъ подчиняться монастырскимъ уставамъ. Тому же архимандриту поручено было преосвященнымъ Викторомъ и блюстительство за всѣми украинскими монастырями и протопопіями.

Изъ Мотренинскаго монастыря архипастырь, по просьбѣ Жаботинскаго протопопа Григорія Орловскаго, выѣхалъ въ мѣстечко Жаботинъ, гдѣ 28 Ноября освятилъ возобновленную къ тому времени Успенскую церковь. Предъ днемъ освященія сей церкви въ Жаботинъ (Кіев. губ.) съѣзжались всѣ священнослужители, входившіе въ составъ Жаботинской протопопіи, для принятій благословенія отъ своего новаго архипастыря и для соучастія съ нимъ въ богослуженіи [1]).

[1]) Событіе это записано протопопомъ Орловскимъ на принадлежавшемъ ему служебникѣ.

Оставивши Жаботинъ, преосвященный 1 Декабря прибылъ въ мѣстечко Смѣлу кіевской губерніи. Здѣсь встрѣтило его все духовенство Смѣлянской протопопіи и подало ему жалобу на противозаконныя дѣйствія своего протопопа Іоанна Радзимовскаго. Въ жалобѣ сей Радзимовскій обвинялся въ содѣйствіи уніатскимъ и польскимъ властямъ собирать съ православныхъ священнослужителей отмѣненные еще въ 1768 году налоги: subsidium charitativum—на содержаніе королевскаго двора, катедратикъ—на содержаніе уніатскаго митрополита Іасона Смогоржевскаго и его Радомыслъской консисторіи и презенты—въ пользу помѣщиковъ при вступленіи священниковъ на приходы. Жалоба священнослужителей доказана была фактически и потому резолюціею его преосвященства Радзимовскій изъ Смѣлянской протопопіи былъ перемѣщенъ въ Ольшанскую[1]). Въ тоже время Смѣлянская протопопія была поручена протопопу Лукѣ Романовскому, который съ 1780 года оставался безъ протопопіи, такъ какъ всѣ церкви принадлежавшей ему Чечельницкой протопопіи (Подол. губ.) отняты были у него и переданы уніатскому духовенству.

Оставляя Украину, преосвященный Викторъ 7-го декабря чрезъ Мотренинскаго архимандрита Иринарха передалъ всѣмъ православнымъ украинцамъ свое архипастырское приказаніе „свято и неизмѣнно сохранять благочестіе (т. е. православіе), не входить ни въ какія препирательства съ уніатскими и польскими властями и не давать никакого повода къ враждѣ и несогласію съ ними, а тѣмъ болѣе быть вѣрноподданными пресвѣтлѣйшаго польскаго короля и Посполитой Рѣчи“. Приказъ

---

[1]) Описывая свою визитацію въ мѣстечкѣ Смѣлѣ, преосвященный Викторъ въ рапортѣ, посланномъ въ Св. Синодъ 29 января 1786 года, и въ письмѣ отъ того же января къ митрополиту Самуилу привелъ даже дошедшія до него слова жены о. Радзимовскаго, сказанныя ею въ отвѣтъ на просьбу одного священника о защитѣ его отъ экзекуторовъ, собиравшихъ съ духовенства отмѣненные еще въ 1768 г. налоги: „если священникамъ бѣда, то намъ хорошо; а если имъ хорошо, то намъ худо“. Такъ говорила Радзимовская, потому что мужъ ея, содѣйствуя сбору этихъ налоговъ, не забывалъ и себя. См. Архивъ Св. Синода дѣло 1785 г. № 456 и Кіев. Консист. за 1786 г. № 17.

архипастыря остался не безплоднымъ; съ конца 1785 года по 1789 годъ на Украинѣ утихли всякаго рода волненія.

14-го Декабря преосвященный Викторъ прибылъ въ свою резиденцію—Слуцкій Свято-Троицкій монастырь и здѣсь безвыѣздно прожилъ до іюня 1786 года, приводя въ надлежащее устройство свою вновь открытую консисторію. Такъ какъ назначенные имъ члены и чиновники консисторіи еще мало знакомы были съ дѣлопроизводствомъ, то ему самому весьма часто приходилось и составлять болѣе важныя бумаги, и пріучать членовъ и чиновниковъ своей консисторіи къ канцелярскимъ работамъ. Трудъ этотъ оказался слишкомъ тяжелымъ для архипастыря, не пользовавшагося крѣпкимъ здоровьемъ и часто страдавшаго болѣзнію глазъ; вслѣдствіе чего онъ 29 апрѣля 1786 года за № 179 послалъ кіевскому митрополиту промеморію о присылкѣ изъ кіевской консисторіи опытнаго чиновника для занятія секретарской должности въ Слуцкой консисторіи. Преосвященный Самуилъ желалъ послать въ Слуцкъ помощника секретаря кіевской консисторіи Королева, весьма опытнаго по дѣлопроизводству. Но Королевъ, по семейнымъ обстоятельствамъ своимъ, отказался отъ поѣздки въ Слуцкъ; отказались отъ занятія секретарской должности въ Слуцкой консисторіи и повытчики кіевской консисторіи. По причинѣ сего отказа преосвященный Викторъ, не смотря на глазную болѣзнь свою, вынужденъ былъ самъ и составлять болѣе важныя бумаги, и руководить своими малоопытными чиновниками.

Въ началѣ іюня онъ, не смотря на множество епархіальныхъ занятій своихъ, отправился въ Варшаву, куда настоятельно звалъ его русскій посланникъ за полученіемъ королевской привиллегіи на исполненіе архипастырскихъ обязанностей въ предѣлахъ Польши. Въ Варшавѣ пришлось ему безъ всякихъ занятій промедлить до первыхъ чиселъ октября, такъ какъ только къ началу этого мѣсяца возвратился въ столицу Польши великій канцлеръ ея Хрептовичъ, выѣзжавшій на каникулярное время въ свои литовскія имѣнія на отдыхъ и взявшій съ собою упомянутую привиллегію изъ опасенія, чтобы фанатическіе польскіе магнаты не передѣлали ее, согласно своему

желанію поставить православнаго епископа въ самое стѣснительное положеніе, при отправленіи своихъ обязанностей. Проживая въ Варшавѣ, Викторъ посѣщалъ греческихъ колонистовъ и совершалъ богослуженіе какъ въ посольской церкви, такъ и въ домовыхъ церквахъ этихъ колонистовъ, находившихся въ Калишѣ, Люблинѣ, Познанскѣ, и Петроковѣ.

Королевская привилегія выдана была преосвященному Виктору 3 октября. Одновременно съ тѣмъ канцлеръ Хрептовичъ сдѣлалъ по всей Польшѣ публикаціи о выдачѣ ея, и съ тѣхъ поръ православныя обитатели Польши, по религіознымъ дѣламъ своимъ обращавшіеся къ заграничнымъ архіереямъ, теперь начали обращаться къ своему мѣстному епископу. Поблагодаривши короля за выданную привилегію, преосвященный Викторъ 7 октября выѣхалъ изъ Варшавы въ Слуцкъ и на пути въ свою резиденцію посѣтилъ Подлѣсскіе монастыри: Троицкій и Преображенскій въ Дрогичинѣ, Яблочинскій Свято-Онуфріевскій и Бѣльскій Свято-Николаевскій, въ которыхъ нашелъ крайнюю бѣдность и разореніе, произведенныя сосѣдними польскими помѣщиками, которые не считали грѣхомъ грабить схизматиковъ, т. е. православныхъ. Въ Слуцкѣ его ожидали кандидаты священства, въ значительномъ количествѣ пріѣхавшіе изъ разныхъ мѣстъ его обширной епархіи для принятія рукоположенія. Рукоположеніе ихъ онъ совершалъ до половины января 1787 года, т. е. до выѣзда своего въ Кіевъ, для представленія Императрицѣ Екатеринѣ II, которая къ концу сего мѣсяца имѣла прибыть въ столицу святаго равноапостольнаго князя Владиміра и прожить здѣсь до вскрытія Днѣпра, и затѣмъ отправиться по теченію его въ новороссійскій край и на Крымскій полуостровъ.

Многосложные труды преосвященнаго Виктора, по архипастырской дѣятельности, усложнялись съ одной стороны неблаговидными дѣйствіями нѣкоторыхъ украинскихъ священниковъ, не хотѣвшихъ подчиняться распоряженіямъ мѣстныхъ православныхъ духовныхъ правленій и, для избѣжанія отвѣтственности, уклонявшихся въ унію и прибѣгавшихъ подъ защиту уніатскихъ и польскихъ властей, а съ другой—самоволіемъ

бродяжныхъ монаховъ, которые, не смотря на строгій приказъ, данный имъ въ ноябрѣ 1785 года на имя Мотренинскаго архимандрита Иринарха Балановскаго, не захотѣли поселиться въ монастыряхъ и подчиняться монастырскимъ уставамъ. Для обузданія самоволія тѣхъ и другихъ архипастырь вынужденъ былъ обращаться къ содѣйствію украинскихъ помѣщиковъ, и это содѣйствіе было оказано ему, конечно, благодаря главнымъ образомъ обаятельному могуществу защитницы православія Императрицы Екатерины II, предъ которой, особенно во время трехмѣсячнаго пребыванія ея въ Кіевѣ (съ 29 января по 22 апрѣля 1787 года), не могли не преклоняться польскій король и его разнузданные магнаты, поражавшіеся величіемъ русской Семирамиды. Случаемъ этимъ благовременно воспользовался святитель Божій и, по мѣрѣ возможности, началъ возстановлять права православной церкви въ предѣлахъ своей епархіи.

20-го Октября 1786 года протопопъ Алексѣй Андреевскій, управлявшій Фастовскою и Корсунскою протопопіями, представилъ преосвященному Виктору рапортъ о неблаговидныхъ поступкахъ трехъ подвѣдомственныхъ ему священниковъ: Іоанна Павловскаго, Павла Бенѣцкаго, и Андрея Чернодубравскаго. Въ этомъ рапортѣ онъ такъ описалъ ихъ проступки: „священникъ Павловскій Іоаннъ, оставивши самовольно Хилковскій приходъ годъ тому назадъ, поселился въ селѣ Шендерѣевкѣ, отнялъ у брата своего іерея Игнатія его собственный домъ и церковь Покрова Пресвятой Богородицы, самоправно литургисаетъ и требы преподаетъ и приказамъ духовнаго правленія поудержаться тамо священнослуженіемъ отнюдъ не хочетъ подчиняться, брата своего неоднократно билъ, съ прихожанами Шендерѣевскими обходится не мирно, регулы священнической не смотритъ, какъ долгъ велитъ, сумасбродствуя по ярмаркамъ ѣздитъ, бродягъ монаховъ въ домѣ своемъ держитъ, пьянствуя защищаетъ себя панскимъ дворомъ въ той силѣ, что презенту на Шендерѣевку уплатилъ двору панскому Корсунскому; а ежели въ чемъ ему Іоанну духовное правленіе Корсунское станетъ препятствовать, то вдругъ онъ прибѣгаетъ подъ протекцію Шендерѣевскаго губернатора Севрука и уніатскаго дзѣкана

Корсунскаго Яна Авраменко,—къ чему и другихъ священниковъ поощряетъ не слушаться протопопской власти. Другой Выграевскій іерей Павелъ Бенѣцкій вдовъ, двоедушествуетъ, больше къ уніи, нежели къ православію склоняется, чрезъ ежедневное пьянство домъ свой непорядочно ведетъ и дѣтей безъ призора содержитъ и власть духовную презираетъ. Третій—Андрей Чернодубравскій, Свято-Михайловскій Сухинскій вдовъ и тѣмъ же страстямъ невоздержимымъ приклоненъ, какъ и реченные іереи. А какъ съ таковыми презирателями имѣетъ впредъ поступать духовное правленіе,—о томъ прошу наставленія Вашего преосвященства, а равно и защищенія отъ двора панскаго Корсунскаго и уніатскаго дзѣкана". Такъ какъ прописанные въ рапортѣ священники находились въ селахъ, принадлежавшихъ племяннику польскаго короля князю Станиславу Понятовскому, то архипастырь на рапортѣ о. Андреевскаго написалъ такую резолюцію: „Протоіерею Андреевскому написать къ его сіятельству князю Станиславу Понятовскому просьбу отъ моего имени, чтобы онъ запретилъ, какъ дзѣкану, такъ и двору своему Корсунскому противодѣйствовать распоряженіямъ духовнаго правленія; если же поименованные попы не поудержатся отъ проступковъ, не свойственныхъ ихъ сану, то воспретить имъ священнослуженіе и удалить отъ приходовъ до чистосердечнаго раскаянія". Бенѣцкій и Чернодубравскій, послѣ подачи О. Андреевскимъ просьбы князю Понятовскому, смирились и раскаялись, а Павловскій продолжалъ свои противозаконныя дѣйствія; вслѣдствіе чего Корсунское духовное правленіе воспретило ему богослуженіе и лишило прихода, а церковные ключи, отобравши, вручило ктитору церкви. Чтобы уничтожить распоряженіе Корсунскаго духовнаго правленія, Павловскій уклонился въ унію и за помощію Корсунскаго судіи Шалѣвскаго и коммисара Яворнѣцкаго съ губернаторомъ Севрукомъ и базиліанскимъ каневскимъ Опатомъ Фузѣневичемъ гвалтомъ, противу желанія Шендерѣевскихъ обывателей, отнялъ ихъ церковь 2 декабря 1786 года и завладѣлъ ею. Донося архипастырю о такомъ противозаконномъ событіи, о. Андреевскій въ рапортѣ своемъ прописалъ, что „Шендерѣевскіе жители, будучи съ пред-

ковъ православные, перестали ходить въ церковь свою, онаго уніата съ требами не пускали въ домы свои, умирающихъ же сами стали хоронить и теперь просятъ слезно Ваше преосвященство употребить, по Вашему полномочію, средства о возвращеніи паки на православіе отнятой у нихъ церкви".

По полученіи сего рапорта, Преосв. Викторъ, находясь въ Кіевѣ, послалъ кн. Понятовскому на польскомъ яз. слѣдующее письмо:

Сіятельнѣйшій князь,
милостивый мой государь!

„Ко мнѣ поступилъ доносъ, что Иванъ Павловскій, священникъ хилковскій, противузаконно овладѣвшій шендерѣевскимъ благочестивымъ приходомъ и церковью, ведетъ себя распущенно, т. е. развлекается пьянствомъ, безъ нужды шатается по ярмаркамъ, передерживаетъ въ своемъ домѣ бродягъ монаховъ и совершаетъ разные проступки, несвойственные священническому сану. Когда-же поставленныя надъ нимъ духовныя власти хотятъ штрафовать его за таковыя дѣйствія, онъ тотчасъ прибѣгаетъ къ заступничеству губернатора Шендерѣевки Севрука, уніатскаго дзѣкана Абраменко и каневскаго опата Фузѣневича, которые, принявъ его подъ свою защиту, мѣшаютъ унять его, кому это по праву слѣдуетъ. Такъ какъ таковое незаконное заступничество прямо противорѣчитъ не только трактату, заключенному въ 1768 году между Россіею и Польшею, но и желанію вашей свѣтлости, чтобы духовенство въ подвластныхъ вамъ имѣніяхъ служило примѣромъ добродѣтелей, то я покорнѣйше прошу выше поименованнымъ губернатору, дзѣкану и опату строжайше приказать въ дѣла суда и расправы благочестиваго духовенства не вмѣшиваться и не препятствовать законному теченію сихъ дѣлъ, напротивъ, въ случаѣ надобности, оказывать потребную помощь. Въ надеждѣ, что просьба моя не останется безъ послѣдствій, честь имѣю оставаться съ должнымъ почтеніемъ и горячими молитвами вашей свѣтлости покорнѣйшимъ слугою

Викторъ Садковскій, коадъюторъ кіевской митрополіи".

17 февраля 1787 г.
Кіевъ.

По полученіи прописаннаго письма, князь Понятовскій предписалъ губернатору своихъ имѣній Севруку безотлагательно возвратить православнымъ жителямъ Шендерѣевки отнятую у нихъ церковь, а уклонившагося въ унію священника Павловскаго удалить изъ Шендерѣевки,—что было немедленно исполнено и объ этомъ тотчасъ сообщено преосвященному Виктору. Послѣдній, благодаря князя за таковое распоряженіе и 2 апрѣля того-же года увѣдомляя его о назначеніи на шендерѣевскій приходъ новаго православнаго священника, вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ Понятовскаго „предписать всѣмъ управляющимъ его имѣніями, чтобы они ловили бродяжныхъ монаховъ и, если монастыри не пріймутъ ихъ, то чтобы снимали съ нихъ монашескую одежду, брили имъ бороды, стригли имъ волосы и обращали въ хлопство. Не нужно при этомъ бояться какихъ либо непріятныхъ послѣдствій; я прошу объ этомъ, какъ пастырь, какъ обыватель страны, уже уполномоченный на исполненіе своихъ обязанностей привиллегіею пресвѣтлѣйшаго короля, милостивѣйшаго нашего государя. Нужно еще и то имѣть въ виду, что между бродячими монахами больше всего бываетъ иноземцевъ изъ Валахіи и другихъ странъ; могутъ подъ иноческою одеждою скрываться гайдамаки, а этоть сбродъ какъ можно строже нужно преслѣдовать“ [1]).

Письма о возвращеніи православнымъ ихъ церквей, насильственно отнятыхъ и переданныхъ уніатскимъ попамъ и объ удаленіи послѣднихъ изъ православныхъ приходовъ, а равно объ обращеніи самовольныхъ бродячихъ монаховъ „въ хлопство“ преосвященный Викторъ въ началѣ того-же апрѣля послалъ и князьямъ Любомірскимъ, Яблоновскимъ и Чарторыйскимъ, и графамъ Браницкому и Потоцкому, которые тогда владѣли всею Украиною. Письма его имѣли свои добрыя послѣдствія, хотя и не на продолжительное время. Съ конца апрѣля 1787 года гоненія и насилія за православіе на Украинѣ начали утихать, притязанія уніатскихъ офиціаловъ стали ослабѣвать, прекратились отяготительные сборы съ благочестивыхъ монастырей и

[1]) Архивъ Кіев. Консисторіи за 1787 годъ, № 4666 и 5362; Аппеха 369.

церквей, а равно и православнаго духовенства; монастыри и церкви, отнятые уніатами послѣ трактатовъ 1768 года, безъ всякихъ проволочекъ были возвращаемы православнымъ. Кромѣ того, на козацкой Украинѣ, въ нынѣшнихъ чигиринскомъ, черкасскомъ, каневскомъ и звенигородскомъ уѣздахъ (кіев. губер.), начали сооружаться новые храмы, а обветшавшіе возобновляться. Что-же касается церквей собственно уніатскихъ въ черкасскомъ и чигиринскомъ уѣздахъ, то эти церкви къ началу 1788 года стояли уже безъ прихожанъ, а священники этихъ церквей, упорно державшіеся уніи, пріютились около католическихъ костеловъ, настроенныхъ по украинскимъ мѣстечкамъ и городамъ около половины XVIII столѣтія [1]).

Пріѣхавши изъ Слуцка въ Кіевъ нѣсколькими днями раньше Императрицы Екатерины II, преосвященный Викторъ, по случаю болѣзни митрополита Самуила, имѣлъ счастіе встрѣчать ее въ Кіево-Софійскомъ соборѣ 29 января и затѣмъ въ ея присутствіи, до выздоровленія кіевскаго архипастыря, неоднократно совершалъ богослуженіе то въ Софійскомъ соборѣ, то въ Кіево-Печерской лаврѣ. Въ числѣ другихъ знатныхъ особъ Императрица, гостившая въ Кіевѣ около трехъ мѣсяцевъ, приглашала на свои парадные обѣды и преосвященнаго Виктора. Она бесѣдовала съ нимъ объ угнетенномъ положеніи православной церкви въ предѣлахъ Посполитой Рѣчи и о заботливости своей о возстановленіи правъ своихъ единовѣрцевъ, подданныхъ Польши. Ея царственное вниманіе къ польскому православному архипастырю ободряло его многотрудную дѣятельность, благотворно вліяло на поднятіе важности его служенія и давало знать, кому слѣдовало, что и онъ самъ, и паства его состоятъ подъ ея особеннымъ покровительствомъ и защитою.

Въ половинѣ апрѣля пушечною пальбою возвѣщено было о вскрытіи Днѣпра; въ теченіе нѣсколькихъ дней онъ совершенно очистился отъ льдинъ, покрывавшихъ его свѣтлыя воды, и 22 числа многочисленныя толпы кіевлянъ покрыли высокіе днѣпровскіе берега, по случаю выѣзда Ея Императорскаго Ве-

---

[1]) Historia Smilanskego Parofialnego Koscëlu na Ukrainie. Vilno, 1856 roku

личества изъ Кіева въ Екатеринославъ и въ предѣлы Крыма. Между свитою ея, размѣстившеюся на 80 богато украшенныхъ галерахъ, нашелъ мѣсто и преосвященный Викторъ и отправился въ польскій городъ Каневъ, въ которомъ долженъ былъ встрѣтить русскую Императрицу польскій король Станиславъ-Августъ со множествомъ своихъ магнатовъ. Послѣднимъ весьма желательно было, чтобы архипастырь, русскій подданный, въ присутствіи своей Императрицы принесъ присягу на вѣрность польскому королю и Посполитой Рѣчи. Но таковое желаніе ихъ, по распоряженію свѣтлѣйшаго князя Потемкина, осуществилось не въ Каневѣ, а въ мѣстечкѣ Тульчинѣ подольской губерніи. Выполнивши 7 мая, съ разрѣшенія своей Императрицы, требуемую отъ него присягу, преосвященный Викторъ, въ присутствіи русскаго и иностранныхъ пословъ, произнесъ предъ польскимъ королемъ на латинскомъ языкѣ слѣдующую рѣчь: „благоволеніемъ твоего королевскаго величества я, епископъ греко-восточной вѣры, поставленъ охранителемъ сего исповѣданія въ Царствѣ Польскомъ, и нынѣ присягою обязалъ себя и свою совѣсть въ вѣрности и тебѣ, и православной церкви. Тебѣ, государь, небезъизвѣстно, а мнѣ не мѣсто говорить о томъ, въ какомъ бѣдственномъ положеніи находится здѣсь вѣра наша послѣ недавно заключенныхъ трактатовъ, вѣра православная, вѣра древняя, какъ обыкновенно не только ты называешь ее, но и предшественники твои польскіе короли. На твой справедливый судъ отдаю, сколько это должно безпокоить всякаго, а въ особенности меня, епископа, охранителя православія. Счастливымъ себя почитаю и радуюсь, нисколько не сомнѣваясь, что ты будешь защищать меня, какъ вѣрнаго своего подданнаго, и церковь, во главѣ которой я поставленъ“. Затѣмъ, напомнивши королю, какъ неестественно правительству допускать гоненіе на своихъ подданныхъ за ихъ вѣру, заключилъ рѣчь свою благожеланіемъ королевскому величеству долгоденствія, здоровья, мирнаго царствованія и исполненія всѣхъ желаній, свойственныхъ благочестивому монарху [1]).

[1]) Рѣчь эта напечатана на латинскомъ языкѣ въ Кіев. Еп. Вѣд. 1861, стр 87—89. Тамъ-же напечатана и присяга преосвященнаго Виктора на польскомъ языкѣ.

Польскій король 8-го мая выѣхалъ изъ Тульчина черезъ Львовъ и Краковъ въ Варшаву, а преосвященный Викторъ въ Тульчинѣ прожилъ около недѣли, и къ нему являлись протопопы брацлавскаго воеводства: грановскій Іоаннъ Строцкій, кальницкій Григорій Лѣневичъ, брацлавскій Василій Мокрицкій, бершадскаго монастыря игуменъ Іаковъ и другіе православные священнослужители. Съ ними онъ велъ свои бесѣды о терпѣливомъ переношеніи обидъ отъ польскихъ и уніатскихъ властей, о мѣрахъ къ сохраненію православія и о надеждахъ своихъ на возстановленіе его.

Во второй половинѣ мая архипастырь возвратился въ Слуцкъ, но здѣсь оставался только до начала августа. Въ августѣ онъ опять предпринялъ свое апостольское странствованіе по Украинѣ, но въ этотъ разъ оно продолжалось болѣе года и довольно часто прерывалось то неустройствомъ и опасностію тогдашнихъ путей сообщенія, то болѣзнями, то безпорядками въ протопопскихъ духовныхъ правленіяхъ, то отступленіями православныхъ священнослужителей отъ церковной дисциплины. Останавливаясь въ каждомъ изъ украинскихъ православныхъ монастырей на довольно продолжительное время, онъ сзывалъ сюда сосѣднихъ священнослужителей, убѣждалъ ихъ тщательно исполнять свои пастырскія обязанности и впредь избѣгать замѣченныхъ имъ безпорядковъ и церковныхъ неустройствъ, а по преимуществу заботиться о сохраненіи православія среди украинскаго народа. Во всѣ воскресные и праздничные дни архипастырь торжественно совершалъ богослуженіе въ монастырскихъ, а иногда и въ сосѣднихъ приходскихъ храмахъ, и для участвованія въ архіерейскомъ богослуженіи въ значительномъ количествѣ стекались не только твердо державшіеся благочестія, но и уклонившіеся въ унію. Во время бесѣдъ своихъ съ послѣдними онъ убѣдился, что они только наружно держатся единенія съ римскимъ костёломъ, а въ сердцахъ своихъ остаются глубоко православными и питаютъ твердую надежду, что русская Императрица весьма скоро возвратитъ ихъ родной край подъ власть Россіи, а ихъ самихъ въ лоно той святой церкви, къ которой и они и предки ихъ принадлежали. О таковомъ ре-

лигіозномъ состояніи украинцевъ и надеждахъ ихъ преосвященный Викторъ рапортами своими доносилъ Святѣйшему Синоду, а Синодъ докладывалъ Ея Величеству Государынѣ Императрицѣ. Политическія обстоятельства Россіи — ея войны съ Турціею и Швеціею, а главнымъ образомъ лукавыя интриги прусскаго короля Фридриха II были причиною, что исполненіе желаній и надеждъ украинцевъ Екатерина Великая должна была отложить до болѣе благопріятнаго времени.

Годъ и два мѣсяца преосвященный Викторъ странствовалъ по своей весьма обширной епархіи и возвратился въ Слуцкъ только около половины сентября 1788 года. Между тѣмъ предъ возвращеніемъ его на свою каѳедру надъ нимъ и надъ паствою его начала появляться грозная, страшная туча. Туча эта не замедлила разразиться, какъ только русскія войска, квартировавшія на Украинѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ провинціяхъ Посполитой Рѣчи, двинулись въ предѣлы Россіи и оставили безъ своей защиты обитателей Польши, какъ удержавшихъ православіе, такъ и желавшихъ оставить унію и возсоединиться съ православною церковью. О таковомъ желаніи послѣднихъ весьма скоро узнали католическія и уніатскія духовныя власти и, чтобы подавить оное, стали разглашать, что на Украинѣ замышляется страшный бунтъ противъ Посполитой Рѣчи и что главный виновникъ замышляемаго бунта — схизматическій архіерей Садковскій съ подвѣдомственнымъ ему духовенствомъ, которое уже приготовило множество смертоноснаго оружія для истребленія поляковъ [1]). Ни на чемъ не основанная молва, благодаря содѣйствію враговъ Россіи, польскихъ магнатовъ—молодаго Сапѣги, Потоцкаго, Браницкаго и другихъ, начала быстро распространяться среди обывателей Варшавы. Сподвижники барской конфедераціи сочли благовременнымъ напомнить имъ о варварствахъ гайдамакъ, объ уманской рѣзнѣ и объ ужасахъ коліивщины, которые померкнутъ предъ приближающеюся хлопскою рѣзнею. А досужіе, изобрѣтательные варшавскіе художники по-

[1]) См. №№ Варшав. газеты Czas съ 20—30 апр. 1789 г. Здѣсь пишется, что „дизунит. епископъ приказалъ своимъ попамъ привести хлоповъ къ присягѣ поголовно вырѣзать ляховъ на Украинѣ“.

спѣшили выдумать и выставить въ магазинахъ и на городскихъ площадяхъ даже модели вновь изобрѣтенныхъ украинцами кинжаловъ и ножей съ ужасными по виду крючками для вырѣзыванія польскихъ внутренностей и съ зубцами для увеличенія мученій. Польскія женщины при одномъ взглядѣ на эти модели падали въ обморокъ и, съ неистовымъ воплемъ обращаясь къ мужчинамъ, требовали немедленно приступить къ поголовному истребленію зачинщиковъ бунта. Предъ неистовымъ воплемъ паней и паненокъ никакое здравомысліе мужчинъ не могло устоять.

Первыми жертвами польскаго раздраженія въ концѣ 1788 и началѣ 1789 года были русскіе подданные, которые по торговымъ и разнымъ промысловымъ занятіямъ своимъ жили въ Варшавѣ. Ихъ заподозрили въ солидарности съ мнимыми украинскими бунтовщиками, немедленно заключили въ темницы и во время допросовъ подвергли жестокимъ пыткамъ, а затѣмъ казнили, не смотря на то, что во время судопроизводства къ изобличенію ихъ не было представлено никакихъ уликъ. Когда жестокая казнь производилась за варшавскими рогатками надъ невинными русскими подданными, преосвященный Викторъ, будучи чистъ предъ Богомъ и своею архіерейскою совѣстію, спокойно отправлялъ свои архіерейскія обязанности. 18 апрѣля 1789 года съ нѣкоторыми духовными лицами онъ возвращался въ Слуцкъ изъ Грозовскаго монастыря, въ которомъ въ тотъ день совершалъ богослуженіе. На половинѣ дороги его окружили польскіе жолнѣры, заковали въ кандалы и подъ строгимъ карауломъ, какъ великаго государственнаго преступника, препроводили въ несвижскую крѣпость гродненской губерніи, а отсюда въ Варшаву 9 мая того-же года. Въ варшавской газетѣ Czas $^{27}/_{15}$ мая прописаннаго года кратко описано прибытіе епископа Виктора въ Варшаву: „въ прошедшій понедѣльникъ (мая $^{21}/_{9}$) къ вечеру слуцкій дизунитскій епископъ вмѣстѣ съ своимъ офиціаломъ и другими пятью лицами (членами своей консисторіи) приведенъ въ Варшаву подъ карауломъ жолнѣрами Посполитой Рѣчи, при многочисленномъ стеченіи народа по городскимъ улицамъ“. Игуменъ Гавріилъ, тогдашній капелланъ рус-

скаго посольства при королевскомъ дворѣ, съ греческими, жившими въ Варшавѣ, колонистами, со слезами на глазахъ встрѣчалъ преосвященнаго Виктора и провожалъ его до самой темницы, приготовленной для заключенія его въ подземельяхъ палаца графовъ Красинскихъ. Проживая въ Кіево-Михайловскомъ монастырѣ съ 2 декабря 1795 года по 16 марта слѣдующаго года, отецъ Гавріилъ довольно часто разсказывалъ инокамъ сего монастыря объ этой печальной встрѣчѣ архипастыря узника и разсказы свои заключалъ слѣдующими словами: „Когда карауульные жолнѣры отдѣлили преосвященнаго Виктора отъ его свиты, также закованной въ кандалы, то онъ осѣнилъ ее, а также меня и грековъ архіерейскимъ благословеніемъ, и мы пропѣли ему, какъ намъ думалось, послѣдній разъ: Εἰς πολλὰ ἔτη δέσποτά“. Но это печальное свиданіе русскаго капеллана съ Викторомъ не было послѣднимъ. При посредствѣ дукатовъ, которыми охотно снабжали отца Гавріила греческіе колонисты—Добрычи, Самохваловы и Дучинскіе, онъ изрѣдка проникалъ въ темницу для свиданія съ узникомъ и своими сердечными бесѣдами смягчалъ тяжкія злострадания архипастыря, который несъ крестъ свой, какъ жертву для избавленія паствы своей отъ фанатическаго польскаго ига.

Считая Виктора страшнымъ государственнымъ преступникомъ, вождемъ всего западно-русскаго народа, приготовлявшагося вырѣзать всѣхъ поляковъ, жившихъ въ западной Россіи, Посполитая Рѣчь строго воспретила допускать къ нему для свиданія кого бы то ни было изъ его пасомыхъ и немедля учредила особую судную комиссію для производства надъ нимъ суда. Члены сей комиссіи весьма часто подвергали святителя самымъ продолжительнымъ допросамъ и при допросахъ нерѣдко угрожали ему пытками и смертною казнію. Одновременно съ арестованіемъ его польскіе чиновники (сыщики) произвели самый тщательный обыскъ въ слуцкой консисторіи и во всѣхъ подвѣдомственныхъ ей монастыряхъ, протопопскихъ правленіяхъ, церквахъ и даже въ гробахъ православныхъ покойниковъ, съ цѣлію найти тамъ приготовленное будто-бы оружіе для истребленія поляковъ и переписку по дѣламъ задуманнаго

бунта [1]). Конечно, нигдѣ не было найдено никакихъ уликъ противъ ложно обвиненнаго святителя, такъ какъ онѣ существовали только въ одномъ воображенiи фантастическихъ польскихъ магнатовъ, произведенномъ нагло распущенною уніатскими и католическими духовными властями—молвою, которая имѣла въ виду окончательно подавить православiе въ предѣлахъ Польши. Впрочемъ, не смотря на это, преосвященный Викторъ не только не былъ освобожденъ изъ варшавской тюрьмы, но въ маѣ 1790 года переведенъ былъ для болѣе строгаго заключенiя въ ченстоховскую тюрьму, которая отъ Варшавы находилась на разстоянiи 260 верстъ. Сострадательный капелланъ русскаго посольства отецъ Гавріилъ, не смотря на дальнее разстояніе, нѣсколько разъ пріѣзжалъ и въ Ченстоховъ съ святыми дарами, которыми пріобщался святитель-узникъ. И греческіе колонисты, весьма любившіе Виктора, пріѣзжая по торговымъ дѣламъ своимъ въ Ченстоховъ, если не могли при посредствѣ дукатовъ проникнуть въ тамошнюю тюрьму, то всякій разъ передавали тюремному смотрителю и деньги, и разнаго рода продукты для улучшенiя весьма скудной пищи, отпускавшейся архипастырю.

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ заключенiя преосвященнаго Виктора въ тюрьму, польское правительство, для управленiя православными монастырями и церквами, учредило двѣ временныхъ консисторіи, — одну въ мѣстечкѣ Богуславѣ (кіевской губерніи), а другую въ городѣ Пинскѣ на Полѣсьѣ. Первая изъ нихъ называлась брацлавско-житомірскою греко-орэнтальною и подъ предсѣдательствомъ мотренинскаго архимандрита Иринарха Балановскаго управляла всѣми православными монастырями и церквами на Украинѣ. Что-же касается пинской, то она во главѣ бѣльскаго игумена Саввы Пальмовскаго управляла монастырями и церквами, расположенными близъ Варшавы, на Полѣсьѣ и въ Литвѣ. Той и другой консисторіямъ воспрещено было сноситься не только съ своимъ архіереемъ-узникомъ, но и съ кіевскимъ митрополитомъ, даже по дѣламъ рукоположенiя кандидатовъ на священническія вакансіи. Въ основанiи этого

[1]) Арх. Св. Синода, дѣло 1789 г., № 112.

запрещенія лежало лукавое іезуитское предположеніе, что, когда въ предѣлахъ Польши поумираютъ всѣ благочестивые (православные) священники, то православные міряне вынуждены будутъ volens nolens принять унію или католицизмъ.

Въ апрѣлѣ 1790 года польскій сеймъ преложилъ свой гнѣвъ по отношенію къ православнымъ обитателямъ Польши на милость. Къ этому времени сеймовая комиссія, назначенная для изслѣдованія дѣла о бунтахъ, окончила трудъ свой, и послѣдніе дни марта 1790 года употреблены были сеймомъ на чтеніе и обсужденіе донесенія этой комиссіи. Комисія и сеймовые ораторы пришли къ убѣжденію, что Викторъ виновенъ въ замышлявшемся бунтѣ и требовали суда надъ нимъ. Судъ этотъ былъ назначенъ; поляки вздохнули свободно, и 13 апрѣля сеймовые маршалы универсаломъ пригласили всѣхъ жителей Польши принести Богу благодареніе за избавленіе Польши отъ угрожавшаго ей бѣдствія — бунта крестьянъ. При этомъ маршалы объявили, что король и чины сейма признаютъ права иновѣрцевъ и желаютъ окончательно разъ на всегда устроить духовныя дѣла ихъ [1]). Другимъ универсаломъ, послѣдовавшимъ 9 октября 1790 года, тѣ-же маршалы объявили, что они, по опредѣленію сейма, назначаютъ особую комиссію, которая должна собраться 1 декабря 1790 года и, по ношеніи съ лицами изъ диссидентскихъ исповѣданій и по полученіи отъ нихъ заявленій о желательныхъ ими перемѣнахъ и улучшеніяхъ по религіознымъ дѣламъ, составить проэктъ духовныхъ преобразованій и чрезъ три мѣсяца представить его на утвержденіе короля и сейма [2]). Проэктъ этотъ безъ замедленія былъ изготовленъ и разосланъ, кому слѣдовало, по областямъ [3]). Наскоро были собраны представители православія изъ Полѣсья, Пинска и Вильны [4]) и, разсмотрѣвъ этотъ проэктъ вмѣстѣ съ членами сеймовой комиссіи, представили сейму 2 марта 1791 года просьбу дать ходъ сему дѣлу и созвать православную конгрегацію для разсмотрѣнія этого про-

[1]) Relacya deputacyi do examenowania sprawy o buntu oskarżonych.

[2]) Архивн. Сборникъ, т. 5, стр. 245—247.

[3]) Тамъ-же, стр. 248—249.

[4]) Архив. Уніат. Митрополитовъ, связка 441.

экта и установленія духовнаго управленія по дѣламъ западно-русской церкви [1]). Маршаламъ поручено было созвать конгрегацію въ Пинскѣ [2]), а представитель православныхъ бѣльскій игуменъ Савва Пальмовскій отъ 31 марта 1791 года пригласилъ всѣхъ исповѣдниковъ благочестія принести Богу благодарственное молебствіе за короля и чиновъ Посполитой Рѣчи, дарующихъ имъ права, и выслать изъ своей среды уполномоченныхъ въ Пинскъ на генеральную конгрегацію къ 15 іюня [3]).

На конгрегацію явились уполномоченные отъ православныхъ монастырей, протопопій, благочиній, городовъ и братствъ. Въ числѣ ихъ было 24 монашествующихъ, 20 изъ бѣлаго духовенства и 30 изъ мѣщанъ и дворянъ. Къ конгрегаціи примкнули и иновѣрцы: представители короля и сейма, члены, составлявшіе проэктъ конгрегаціи; явились также и латинскіе ксендзы съ уніатскими попами во главѣ пинскаго бискупа Горбацкаго и его викарія Булгака. Во время публичнаго засѣданія, состоявшагося 1 іюля, были прочитаны и единогласно приняты положенія новаго устройства православной церкви въ предѣлахъ Польши. Сущность сихъ положеній заключалась въ слѣдующемъ: 1) объявлялась національная церковь въ Польшѣ, зависимая по духовнымъ дѣламъ отъ константинопольскаго патріарха, но не имѣющая права, даже по духовнымъ дѣламъ, сноситься съ какою либо другою церковію. Высшая іерархія этой церкви должна была состоять изъ архіепископа и трехъ епископовъ, которые будутъ управлять, кромѣ консисторіи, посредствомъ національнаго собора, собирающагося при архіепископѣ, и посредствомъ конгрегацій при епископахъ. 2) До приведенія этого въ исполненіе, временно учрежденныя консисторіи, пинская и богуславская, будутъ управлять всѣми православными въ королевствѣ польскомъ, на Литвѣ и на Украинѣ [4]). Но объявляя свободу церковнаго православнаго управленія въ Польшѣ, пинская конгрегація въ то-же время ограничивала общеніе западно-русской церкви съ

---

[1]) Исторія паденія Польши Соловьева, стр. 247.

[2]) Архивн. Сборникъ, т. 5, стр. 250.

[3]) Кіев. Епарх. Вѣд. 1861 г., ч. неоффиціал., стр. 379—383.

[4]) Акты пинской конгрегаціи—Архив. Уніат. Митроп. № 124.

восточно-русскою и этимъ ограниченіемъ имѣла въ виду лишить православныхъ исповѣдниковъ, подданныхъ Польши, той защиты, которую они всегда находили въ Святѣйшемъ Правительствующемъ Россійскомъ Синодѣ и русскихъ государяхъ. Православные члены пинской конгрегаціи не считали нужнымъ протестовать противъ этого ограниченія, такъ какъ имъ достовѣрно было извѣстно, что Россія блистательно оканчиваетъ войну съ Турціею и, послѣ заключенія съ нею мира [1]), приступитъ къ немедленной расплатѣ съ Польшею за всѣ ея неправды по отношенію къ православнымъ своимъ подданнымъ. Проэкту, принятому православными депутатами на пинской конгрегаціи, не суждено было осуществиться, такъ какъ съ половины 1792 года и Слуцкъ со своею минскою областію, и Украина, и Волынь фактически уже были русскими областями, и распоряженіе о раздѣленіи ихъ на губерніи сдѣлано 8 декабря 1792 года.

На пинскую конгрегацію православные депутаты представили на польскомъ языкѣ составленную ими въ началѣ 1791 года „общую вѣдомость о дѣйствительномъ состояніи греко-неуніатовъ, осѣдлыхъ въ областяхъ Польши, съ показаніемъ числа монастырей, протопопій, церквей и каплицъ, монаховъ и приходскихъ священниковъ и всѣхъ жителей того-же исповѣданія". Какъ весьма цѣнный историческій документъ, показывающій, до какого минимума доведено было православіе въ предѣлахъ Польши къ 1791 году, считаю необходимымъ списать эту вѣдомость въ переводѣ на русскій языкъ, помѣщенномъ въ № 11 Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей за 1891 годъ.

[1]) Миръ съ Турціею подписанъ былъ въ Яссахъ 29 декабря 1791 года.

ОБЩАЯ ВѢДОМОСТЬ

о дѣйствительномъ состояніи греко-неуніатовъ, осѣдлыхъ въ областяхъ Польши, съ показаніемъ числа монастырей, протопопій, церквей и каплицъ, монаховъ и приходскихъ священниковъ и всѣхъ жителей того же исповѣданія, представленная 1791 года уполномоченными греко-восточнаго исповѣданія гг. коммиссарамъ, назначенымъ отъ Рѣчи Посполитой, на генеральную конгрегацію въ г. Пинскѣ.

№ по порядку.	Монастыри мужскіе и женскіе.	Начальники.	Монахи.	Монахини.	Церковная прислуга.	Прихожанъ. Муж. п.	Прихожанъ. Женск. п.	№ по порядку.	Протопопіи и ихъ названія.	Протопопы.	Число приход.	Церкви и каплицы.	Священники.	Прислуга церк.	Народонаселеніе протопопіи. Муж. п.	Народонаселеніе протопопіи. Женск. п.	Общее число народонасел.
1	Мотренинскій Свято-Троицкій	1	15	—	6	—	—	1	Смѣлянская	1	113	113	147	226	44010	41383	
2	Лебединскій Св.-Георгіевск.	1	22	—	39	1006	1095	2	Чигиринская	1	47	47	46	94	10914	10165	
3	Пустынно-Жаботинскій Св.-Онуфріевскій	1	18	—	6	—	—	3	Черкасская	3	46	46	46	92	14985	14380	
4	Мошенскій Св.-Вознесенск.	1	20	—	—	—	—	3	Мошенская	—	16	16	7	32	4161	4100	
5	Медведовскій Св.-Николаев-	—	13	—	6	—	—	5	Корсунская	1	7	7	12	14	3426	3409	
6	Виноградскій Св.-Успенск.	1	12	—	16	—	—	6	Богуславская	—	8	8	13	16	2971	2884	
7	Корсунскій Св.-Онуфріевск.	1	8	—	2	163	163	7	Рашковская	—	13	13	3	26	—	—	
8	Богуславскій Св.-Николаев.	1	13	—	1	—	—	8	Чечельницкая	—	3	3	2	6	—	—	
9	Ржищевскій Св. Преображ.	1	8	—	—	—	—	9	Приходъ Оржанскъ Радзивила	1	1	1	1	2	509	502	
10	Бѣльско-Подлясскій Свято-Никольскій	1	8	—	4	433	304	10	Уманская въ м. Торговицѣ	—	—	1	1	2	—	—	
11	Дрогичинскій Св.-Троицкій	—	1	—	4	59	57	11	Въ г. Люблинѣ греческая	—	—	1	1	—	47	27	
12	Дрогичинскій Св.-Преображ.	1	2	—	—	20	44	12	Въ г. Калишѣ	—	—	1	1	—	37	20	
	Женскіе:																
13	Чигиринскій Св.-Троицкій	1	—	39	—	—	—	13	Въ г. Познанскѣ	—	—	1	1	—	58	20	
	Лебединскій Св.-Никольскій	1	—	69	—	—	—	14	Въ г. Петроковѣ	—	—	1	1	—	51	23	
	Немировскій Св.-Успенскій.	1	—	14	—	—	—	15	Въ г. Варшавѣ	—	—	—	—	—	37	13	
	Итого. . .	13	132	122	112	1802	1704		Итого. . .	7	254	259	287	510	81214	76926	162024

Подлинную вѣдомость подписали:

Монастыря Мотренинскаго старшій архимандритъ Иринархъ Балановскій.

Данiилъ Наттокъ-Михайловскій, игуменъ и уполномоченный лебединскаго Свято-Георгіевскаго монастыря.

Мелхиседекъ Шаховской, игуменъ и уполномоченный жаботинскаго Онуфріевскаго.

Того-же монастыря монахъ Германъ Савчинскій, повѣренный отъ монахинь чигиринскаго монастыря.

Монастыря мошенскаго игуменъ и уполномоченный Лазарь Крыловскій

Монастыря корсунскаго игуменъ и уполномоченный Самуилъ Свидерскій.

Монастыря богуславскаго игуменъ и уполномоченный Аркадій Закржевскій.

Игуменъ Давидъ Евтушевскій, уполномоченный монастырей смѣлянскаго, виноградскаго и женскаго лебединскаго Свято-Николаевскаго.

Монастыря медведовскаго уполномоченный іеромонахъ Иларіонъ.

Монастыря ржищевскаго уполномоченный іеромонахъ Варлаамъ Яновскій.

Діонисій Стефановичъ, игуменъ и уполномоченный монастырей дрогиченскихъ.

Лука Романовскій, протоіерей, уполномоченный смѣлянской, чечельницкой и рашковской протопопій.

Смѣлянской протопопіи уполномоченный Петръ Волчковскій.

Димитрій Кривицкій, протопопъ и уполномоченный чигиринскій.

Іоаннъ Крупа, каневскій протопопъ, уполномоченный отъ деканатовъ богуславскаго, корсунскаго и мошенскаго.

Ѳеодоръ Бетулинскій, протопопъ черкасскій и уполномоченный черкасской протопопіи.

Той-же протопопіи намѣстникъ и уполномоченный Онисимъ Видовъ.

Іоаннъ Радзимовскій, протопопъ церкви Св. Николаевской ольшанской, уполномоченный.

Никифоръ Исаіевичъ, іерей, уполномоченный протопопіи чигиринской.

Николай Дидани, всадникъ (Aeques) венгерскаго королевства и делегатъ отъ варшавскаго греческаго общества.

Амвросій Францовичъ Дучинскій, уполномоченный отъ греко-восточнаго неуніатскаго общества въ посадѣ его королевскаго величества Піотроковѣ.

Анастасій Грабовскій, уполномоченный отъ греко-восточнаго общества въ г. Калишѣ.

Анастасій Маховскій неуніатъ, уполномоченный греческаго прихода въ г. Люблинѣ.

Послѣ блистательной побѣды, одержанной Россіею надъ Турціею, и заключенія мира въ Яссахъ 29 декабря 1791 года, русскія войска въ началѣ 1792 года изъ предѣловъ Турціи двинулись на Украину и здѣсь расположились въ нынѣшнихъ губерніяхъ Кіевской, Волынской и Подольской. Второй раздѣлъ Рѣчи Посполитой приближался. Въ это время польскій король и польскіе магнаты, видя, что участь Посполитой Рѣчи въ рукахъ русской императрицы, стали уступать требованіямъ тогдашняго русскаго посла Булгакова. По настоятельному ходатайству его, король и члены его Постояннаго Совѣта 19 іюля 1792 года сдѣлали распоряженіе освободить преосвященнаго Виктора изъ его томительнаго, болѣе чѣмъ трехлѣтняго, заключенія, и въ тотъ же день отправили свое распоряженіе къ коменданту ченстоховской тюрьмы, съ представленіемъ немедля исполнить оное. Чиновникъ русскаго посольства Юзефовичъ и капелланъ о. Гавріилъ съ нѣкоторыми греческими купцами поспѣшили въ Ченстоховъ и прибыли туда ночью наканунѣ 22 іюля. Въ этотъ день Викторъ, измученный физически и нравственно, по прочтеніи правительственнаго распоряженія о дарованіи ему свободы, на рукахъ ихъ былъ вынесенъ изъ темницы. Когда солнечный свѣтъ и свѣжій воздухъ коснулись его, окружавшимъ

казалось, что онъ начинаетъ засыпать вѣчнымъ сномъ [1]). Но Богъ черезъ добрыхъ людей сохранилъ жизнь страдальца за православіе и продлилъ ее еще на одиннадцать лѣтъ. Викторъ прибылъ въ Варшаву 25 іюля и нашелъ пріютъ въ домѣ русскаго посольства, въ квартирѣ игумена Гавріила. Онъ былъ до того слабъ, что едва могъ съ помощію другихъ передвигаться съ мѣста на мѣсто. Благодаря сердечной заботливости членовъ посольства, здоровье его мало по малу начало возстановляться. Въ рапортѣ, поданномъ 4 августа въ св. Синодъ, онъ спрашивалъ у Синода: „какъ мнѣ и гдѣ оставаться, и входить ли мнѣ въ отправленіе епархіальныхъ моихъ дѣлъ, или ни?“ [2]). Съ такимъ вопросомъ обращался онъ, вспомнивши, вѣроятно, при этомъ многія изъ своихъ распоряженій, вызывавшихъ естественно на этотъ вопросъ, и прежде всего вспомнившій свою окружную грамоту изъ Несвижской крѣпости, въ которой приказывалъ всѣмъ духовнымъ и мірянамъ своей паствы — быть вѣрными не кому другому, а Рѣчи Посполитой и ея панамъ, и предавалъ проклятію всякаго, кто бы изъ духовенства осмѣлился приводить народъ къ присягѣ на подданство русской императрицѣ и поминать ее въ церквахъ, во время совершенія богослуженія [3]). Впрочемъ были и другія причины вызывавшія въ немъ прописанное недоумѣніе. Его и теперь преслѣдовало разнаго рода неустройство его дѣлъ. Его консисторія не существовала; его бумаги и вѣдомости были въ рукахъ поляковъ; онъ былъ безъ средствъ [4]).

Получивши на свой рапортъ отвѣтъ Св. Синода, Викторъ 5 марта 1793 года оставилъ Варшаву и въ Слуцкъ прибылъ 20 марта. Его обширная епархія съ 13 апрѣля стала называться Минской и поручалась по прежнему ему, а онъ самъ возведенъ

---

[1]) Обстоятельство это со словъ игумена Гавріила записано протоіереемъ Кіевскаго каѳедральнаго Собора Левандою, который былъ сотоварищемъ по академіи и Виктора, и Гавріила. Смот. біографію Леванды, напечат. въ Кіевѣ 1879. стран. 239—240.

[2]) Арх. Св. Синода за 1789 г. № 112.

[3]) Аппеха, стр. 426—431.

[4]) Арх. Св. Синод. дѣло 1789 г. л. 177—217.

былъ въ санъ архіепископа [1]). Такъ какъ въ это время и онъ самъ, и его пасомые de facto находились во владѣніи не польскаго, а русскаго государства, то его прежняя боязливость и нерѣшительность въ распоряженіяхъ совершенно исчезли, онъ заговорилъ, какъ настоящій русскій человѣкъ и вѣрный пастырь. Во второй половинѣ 1793 г. и въ началѣ 1794 г. Викторъ рапортами своими доносилъ Св. Синоду о желаніи уніатовъ, проживавшихъ въ его епархіи, возсоединиться съ православною церковью и просилъ у Синода исходатайствовать ему высочайшее разрѣшеніе осуществить это святое желаніе. 22 апрѣля 1794 года оберъ-прокуроръ св. Синода объявилъ Синоду слѣдующее высочайшее повелѣніе: „Ея Императорское Величество, увѣдомився, что жители губерній Брацлавской, Изяславской и Минской, которыхъ предки, а иные и сами, исповѣдывали православную греческую восточную вѣру, но потомъ лестію и притѣсненіемъ, во время польскаго владѣнія, обращены были на унію съ римлянами, изъявляютъ нынѣ усердное ихъ желаніе возвратиться къ истиной ихъ матери церкви благочестивой, Высочайше повелѣть изволила опредѣленному въ тѣхъ губерніяхъ на должность генералъ-губернатора Тутолмину въ исполненіе такого святаго намѣренія вѣрныхъ ея подданныхъ преподавать, въ чемъ надлежитъ, отъ свѣтскаго начальства защиту и пособіе; а Св. Синоду предоставляетъ препоручить преосвященному архіепископу Минскому, Изяславскому и Брацлавскому, чтобы онъ обнародовалъ свою пастырскую грамоту, вызывая обитающихъ въ епархіи его къ возвращенію въ благочестіе....“. По полученіи увѣдомленія о таковомъ порученіи, Викторъ разослалъ свою грамоту, въ числѣ двухъ тысячъ экземпляровъ, по всѣмъ городамъ и селамъ своей епархіи. Въ этой грамотѣ онъ писалъ: „исполняя долгъ пастыря... приглашаемъ мы гласомъ евангельскимъ всѣхъ и каждаго пола и возраста, въ паствѣ нашей обитающихъ, которыхъ праотцы, отцы или и сами они лестію и страхомъ отъ благочестія совращены въ унію съ латинами, возвратиться безбоязненно въ объятія православной церкви...

---

[1]) Собр. закон. № 17300.

Возникните чада церкви, насладитесь свободно православнаго исповѣданія. Имъ воодушевлены были предки ваши и сами изъ васъ многіе. Гоненіе исчезло, престали обуреванія. Прибѣгните во объятія церкви матери вашея, да насладитеся тишины совсѣми, да шествуете путемъ истины, ведущимъ васъ къ состоянію благодати и славы, и да исполняетъ каждый изъ васъ, при исповѣданіи истинъ православной вѣры, обязательства вѣрности къ государю и государству его, тщательно проходя званіе свое“ [1]).

Грамота сія имѣла самыя благотворныя послѣдствія особенно на Украинѣ. Вслѣдъ за обнародованіемъ ея къ архипастырю немедленно поступили просьбы отъ всѣхъ крестьянъ, насильственно приклонившихся въ унію, о возсоединеніи ихъ съ православною церковью. Но чтобы желанію ихъ не дерзнули противодѣйствовать польскіе помѣщики и чиновники, а также латинскія и уніатскія духовныя власти, тѣмъ и другимъ генералъ-губернаторъ Тутолминъ, на основаніи Высочайшаго рескрипта, объявилъ, что всякое противодѣйствіе возсоединенію уніатовъ будетъ „принято за уголовное преступленіе, суду подлежащее и влекущее секвестръ имѣнія“ [2]).

Для болѣе успѣшнаго возсоединенія уніатовъ, Викторъ въ маѣ 1794 года избралъ самыхъ способныхъ и благонадежныхъ изъ ревнителей православія украинскихъ игуменовъ, протоіереевъ и іереевъ [3]) и, не смотря на слабость своего зрѣнія и частые недуги, самъ составилъ отдѣльную инструкцію для апостольской дѣятельности каждаго изъ нихъ. Въ этихъ инструкціяхъ, подписанныхъ его преосвященствомъ 30 іюня 1794 года, съ приложеніемъ красной сургучной печати, и вслѣдъ за тѣмъ разосланныхъ, указывались и сношенія избранныхъ лицъ съ гражданскими властями, и районъ для дѣятельности ихъ, и порядокъ возсоединенія уніатовъ, какъ мірянъ, такъ и священниковъ, и образованіе приходовъ, и преобразованіе уніатскихъ церквей въ православныя, и снабженіе ихъ святыми антиминсами, св. му-

[1]) Арх. Св. Синод. за 1794 г. № 261 л, 1.

[2]) Тамъ же л. 30.

[3]) Списокъ ихъ напечатанъ въ Кіев. Епарх. Вѣд. № 11 1892 г.

ромъ и богослужебными книгами, и правила при опредѣленіи къ нимъ священниковъ, какъ вызванныхъ изъ пяти ближайшихъ русскихъ губерній, такъ и мѣстныхъ, возсоединившихся съ православною церковью и остававшихся безъ приходовъ за приклоненіемъ ихъ прихожанъ на унію [1]).

Священнослужители, избранные для возсоединенія уніатовъ на Украинѣ, съѣхались предъ 18 августа въ Лебединскомъ Свято-Георгіевскомъ монастырѣ [2]). Послѣ совѣщанія относительно мѣръ для успѣшнѣйшаго выполненія возложенной на нихъ миссіи, каждый изъ нихъ отправился въ указанное ему мѣсто. Миссія ихъ, съ помощію Божіею, такъ успѣшно совершалась, что предъ 20 числомъ октября кіевскій митрополитъ Самуилъ выслалъ изъ Кіева для возсоединенныхъ церквей, чрезъ корсунскаго игумена Самуила, св. антиминсовъ 1617 и заготовилъ 1000 [3]). Въ генварѣ 1795 г. отцы миссіонеры почти окончили порученное имъ дѣло и возвратились на свои мѣста.

Ходъ возсоединенія уніатовъ довольно подробно описанъ въ № 10 Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей за 1891 годъ. Здѣсь на стр. 211 и 212 показано, что, по отношенію къ св. Синоду преосвященнаго Виктора отъ 28 февраля 1795 года, присоединено къ православію 2328 церквей, священниковъ 575, прихожанъ мужескаго пола 505257, женскаго пола 494962, да нераздѣльно обоего пола 9071; а всего 1009290 и кромѣ того 3 мужескихъ монастырей и 2 женскихъ. Уніаты, не пожелавшіе принять православіе до февраля 1795 года, вошли въ лоно православной церкви въ послѣдующее за тѣмъ время.

Уніатскіе священники, принявшіе православіе, прежде опредѣленія на приходы обязательно представляли документы

---

[1]) Въ Архивѣ Кіев. Консисторіи за 1795 годъ въ дѣлахъ подъ №№ 22 и 33 находятся двѣ инструкціи, одна на имя протопопа Іоанна Крупы, а другая на имя протопопа Левандовскаго.

[2]) Онъ находился въ 200 верстахъ отъ Кіева; 1843 года послѣдовало упраздненіе его.

[3]) Архив. Кіев. Консисторіи за 1794 годъ; см. копію реворта митрополита Самуила въ св. Синодъ отъ 20 октября 1794 г. и дѣло о заготовленіи и отсылкѣ св. антиминсовъ минскому архіепископу Виктору.

о дѣйствительности своего рукоположенія, пріучались къ отправленію богослуженія по уставу православной церкви и затѣмъ отъ игуменовъ и протоіереевъ, завѣдывавшихъ дѣломъ возсоединенія, получали приказы о вступленіи въ должность приходскихъ священниковъ. Причемъ, по распоряженію архіепископа Виктора, требовалась отъ нихъ подписка, во первыхъ, о немедленномъ устройствѣ въ бывшихъ уніатскихъ храмахъ иконостасовъ, царскихъ вратъ, престоловъ и всего внутренняго порядка по чиноположенію греко-восточной церкви, и во вторыхъ—о личной явкѣ къ преосвященному для полученія такъ называемой усыновительной грамоты [1]). Къ прискорбію нельзя пропустить при этомъ факта, что между православными протопопами, коимъ поручено было возсоединіе, нашлись корыстолюбцы, которые отъ возсоединенныхъ священниковъ, при опредѣленіи ихъ на мѣста, требовали платы [2]). Преосвященный Викторъ, узнавши объ этомъ, предписалъ главному сотруднику своему архимандриту Варламу Шишацкому [3]) преслѣдовать и карать таковыхъ корыстолюбцевъ.

Предъ началомъ возсоединенія уніатовъ, жившихъ на Украинѣ, въ Польшѣ и на Литвѣ возникла страшная революція, которую организовалъ мятежникъ Грабовскій. Въ Варшавѣ, Вильнѣ, Минскѣ и другихъ городахъ поляками избито было не малое число русскихъ [4]). Самому Виктору угрожала опасность попасть въ руки революціонеровъ, когда они появились въ минской губерніи. Спасая жизнь свою, онъ 20 ноября 1794 года съ консисторіею своею и ея архивомъ поспѣшилъ изъ Слуцка въ Бобруйскую крѣпость, но на пути едва не попался въ руки самого Грабовскаго. При поспѣшномъ переѣздѣ

---

[1]) Арх. Кіев. Консистор. 1795 г. дѣло № 10, 30, 33, 44, 49, 50 и 51.

[2]) Тамъ же дѣло № 10.

[3]) Онъ былъ хиротонисанъ въ санъ житомір. епископа въ Кіевѣ 3 мая 1795 г. Арх. Св. Синода д. 1795 г. № 35 л. II. Бывши могилевскимъ архіепископомъ, онъ 14 іюля 1812 г., когда французы овладѣли Могилевомъ, принесъ присягу Наполеону и за то, по опредѣленію св. Синода, лишенъ архіерейства и въ званіи монаха скончался въ сентябрѣ 1823 г.

[4]) Арх. Св. Синода д. 1795 года № 45 л. 601.

въ Бобруйскъ, онъ сильно простудился и на смертномъ одрѣ пролежалъ до половины генваря 1795 года [1]).

3 марта преосвященный Викторъ донесъ Святѣйшему Синоду о намѣреніи своемъ отправиться въ изяславскую и брацлавскую губерніи, для визитаціи своей тамошней паствы, которая съ конца августа 1794 года значительно увеличилась по числу церквей и прихожанъ [2]). Изъ Слуцка на Украину онъ прибылъ 20 марта, и здѣсь апостольское странствованіе его продолжалось шесть мѣсяцевъ.

Останавливаясь на болѣе продолжительное время въ украинскихъ городахъ и мѣстечкахъ Фастовѣ, Житомірѣ, Винницѣ, Брацлавѣ, Грановѣ, Смѣлой, Богуславѣ и Звенигородкѣ и въ монастыряхъ [3]), о которыхъ мы упоминали, Викторъ довольно часто совершалъ богослуженіе, къ которому изъ сосѣднихъ мѣстъ въ большомъ количествѣ собирались священники съ своими прихожанами. Къ архипастырю обязательно являлись всѣ возсоединенные священники съ документами о дѣйствительности своего рукоположенія, совершали въ его присутствіи богослуженіе и затѣмъ, послѣ надлежащаго наставленія, получали усыновительныя грамоты. Являлись къ нему въ значительномъ количествѣ и просители съ избранными кандидатами священства. Прося о рукоположеніи послѣднихъ, они въ прошеніяхъ своихъ указывали на слѣдующія качества лица, одобряемаго ими для возведенія въ священническій санъ: „1, NN благоговѣенъ къ Богу; 2, во всемъ безпороченъ; 3, трезвенъ всегда и запиватись не охочъ; 4, въ чтеніи и пѣніи ис-

[1]) Объ этомъ разсказывалъ самъ Викторъ въ 1796 году, когда его перевели въ Черниговъ. „Живучи въ Слуцкѣ, многимъ смятеніемъ я удрученъ былъ, когда мятежникъ Грабовскій, за первый предметъ меня подхватить имѣвшій, не только уѣздный городъ Слуцкъ, но и губернскій Минскъ, да и всю Минскую губернію нечаяннымъ своимъ между Минска и Слуцка впаденіемъ сильно потрясъ и въ чрезвычайное привелъ уныніе... я первѣе секретнымъ бѣгствомъ хотѣлъ спастись, чуть въ г. Глускѣ въ руки его Грабовскаго не попалъ, въ два или три дни потомъ полумертвъ нагло въ крѣпость привезенъ". Арх. Св. Син. д. 1796 г. № 128.

[2]) Въ это время на Украинѣ было церквей 2328, священниковъ 1495, а прихожанъ 1,342,383. Тамъ-же д 1795 г. № 263.

[3]) Архивъ Кіевской Консисторіи за 1795 годъ дѣла подъ №№ 2, 8, 16—18, 5, 6, 7, 20, 22, 41, 47.

кусенъ; 5, къ родителямъ своимъ, къ роднымъ и внѣшнимъ почтителенъ; 6, рѣчи чистой, не горькавъ, не гугнивъ и нешепетливъ. И посему въ приходѣ нашемъ мы желаемъ его имѣть за священника и смиренно просимъ о рукоположеніи его во священника къ церкви нашего прихода“ [1]). Обычай рукополагать кандидатовъ священства не иначе, какъ съ согласія и одобренія самихъ прихожанъ, практиковался на Украинѣ до конца первой четверти текущаго столѣтія.

При визитаціи украинскихъ церквей, Виктора поражали крайняя ветхость храмовъ Божіихъ, отсутствіе въ нихъ подобающаго благолѣпія, бѣдность утвари и церковныхъ облаченій, небрежность священниковъ по вѣденію церковныхъ записей и надзору за церковнымъ хозяйствомъ и имуществомъ и, наконецъ, обычай протопоповъ держать за собою, для увеличенія средствъ къ жизни, по два и даже по три прихода. Окончивши свою визитацію, онъ возвратился въ Слуцкъ въ концѣ сентября и въ скорости переселился съ своею консисторіею въ губернскій городъ Минскъ. Устроивая здѣсь свою каѳедру, онъ началъ тщательно заботиться объ изысканіи средствъ и для утвержденія православія среди возсоединившихся уніатовъ, и для приведенія въ возможно лучшее состояніе подвѣдомственныхъ ему храмовъ Божіихъ и ихъ священнослужителей. Но заботу эту пришлось осуществить не ему, а другимъ іерархамъ, между которыми въ 1796 и 1797 годахъ раздробилась его весьма обширная епархія.

6 генваря 1796 года волею Божію скончался кіевскій митрополитъ Самуилъ; 1 апрѣля того же года на кіевскую каѳедру былъ перемѣщенъ черниговскій архіепископъ Іероѳей Малицкій, а на черниговскую каѳедру 13 мая, по Высочайшему повелѣнію, былъ назначенъ преосвященный Викторъ. Состоя на черниговской каѳедрѣ, онъ Высочайше награжденъ былъ орденами Св. Анны и Св. Александра Невскаго 1-хъ степеней и довольно часто бывалъ въ Кіевѣ, пріѣзжая сюда помолиться на могилѣ родителей своихъ, которые погребены

[1]) Также № 3.

были въ Подольской части Кіева у церкви Святаго Спаса, и для свиданія съ Кіевскимъ митрополитомъ Іероѳеемъ и знаменитымъ товарищемъ своимъ по академіи протоіереемъ Кіево-Софійскаго Собора Іоанномъ Левандою [1]). 9 сентября 1799 года Викторъ погребалъ митрополита Іероѳея [2]); преемникъ послѣдняго Гавріилъ Банулеско въ сентябрѣ 1803 года уволился на покой, и въ ноябрѣ того же года получено было частное извѣстіе о назначеніи на кіевскую каѳедру архіепископа Виктора [3]), но это назначеніе не осуществилось, такъ какъ онъ самъ скончался 11 числа того же мѣсяца, въ день своихъ имянинъ.

Протоіерей **Петръ Орловскій.**

---

[1]) Біографія протоіер. Леванды, напечатанная въ Кіевѣ 1879 г. т. 1 стр. 195, 239, 242 и 257.

[2]) Архив. Кіев. Консист. 1799 г. № 136.

[3]) Біографія Леванды т. 1 стр. 265.

ИЗЪ СЕМЕЙНАГО АРХИВА.[1]

II. СТИХОТВОРЕНІЯ ЕВСТАФІЯ ПЕТРОВИЧА РУДЫКОВСКАГО (1784 1851).

(ОКОНЧАНІЕ).

XIX.

Поминъ

о славній козаччини въ Малороссіи, давно колысь бувшой и теперешной декабря 20 дня 1837 года.

Булы на свити козакы,—
Колысь!... А що воны теперъ?...
Злыденны сталы мужыкы,—
Весь духъ козацькій въ ныхъ замеръ.
Не стало блызько ворогивъ,
Сусидивъ злыхъ—Татаръ, Ляхивъ;
Кругомъ бороныть ихъ Москаль.
На що жъ имъ мидь, зализо, сталь?...
Теперъ воны соби жывуть,
Неначе въ Бога за двермы;
Татаръ у гости вже не ждуть,
Що за жинкамы, за дитьмы
Ихъ,—якъ бувало въ старыну,—
Ишлы,—якъ бачишъ сарану.
Теперъ не треба имъ рушныць,
Щобъ бороныть своихъ граныць.
И зледащилы козакы

[1]) Кіевск. Стар. 1892 г. № 7.

Одъ тыхомырья въ ихъ земли;
И списы, й шабли—вси въ кускы!...
Та й вси на пичъ—въ тепли лягы!...
Горилку пьють, идять, да сплять!...
Линь имъ и голову пиднять.
Якъ теплу пичь покинуть?—Жаль!
Покы не згонить ихъ москаль.
Такъ зледащившы козакы,
Воны уси свои хаты
Пообертали на шынкы,—
Щобъ блызько пыть було иты;
Усюды пляшкы, чарочкы...
Пьють зъ ными ихъ и жиночкы,
Пьють зъ ными й диты вси малы,
Щобъ выродкамы не булы...
А у такыхъ господаривъ,
Що все зъ похмилья пьють, да пьють,
Якій посходыть де посивъ?—
Колы жъ воны и не оруть?...
Чортъ-ма нигде на хатахъ стрихъ;
Де жъ хочешъ бачыть хлиба стигъ?
Нема въ ихъ хати и кота,
А дежъ тамъ имъ нажыть скота!
Скотыньци треба теплый хливъ
И пашы вдоволь щобъ було;
Безъ того жъ скотъ ихъ поколивъ,
Все вверхъ до биса дномъ пишло.
Нема овець, нема й коривъ,
А вже и не пытай воливъ;
Хиба де шкапа ще мелькне
Така що й нигъ не ворухне.
Колыбъ де киньскій хочъ копытъ,
Або товарячій де ригъ...
Усе пропыть имъ чортъ помигъ,—
Мазныцю наветь и батигъ.
Остався одынъ бовкунъ въ сели,

Не знайдешь билшъ, хочъ запалы.
А тутъ крычать: „Пидводу дай!“
Хочъ жинку зъ дитьми запрягай.
А тутъ весна. „Мостите шляхъ!“
А тамъ вси гребли рве вода!...
„Везите гній на сту возахъ!“
Всимъ немынучая бида.
Робы жъ, небоже, що ты хочъ,
Хочъ сядь да й плачъ,—або пидскочъ.
Зновъ жинку зъ дитьми запрягай,
А знай повынность одбувай.
Що жъ? схаменулысь Козакы?...
Хочъ литомъ за серпы взялысь?...
Ни! ще повнійщіи шынкы,
Ще дужче пыты прынялысь.
Теперъ, бачъ, зъ горя, дай ковтокъ!...
И курку, й гуску все въ шынокъ.
Вси безъ шапокъ, безъ поясивъ.—
Така покута сихъ бисивъ.
Дывытьця страшно!—голы вси!—
Въ рубцяхъ та въ латкахъ, якъ старци.
Дивчатъ знать тилько по коси,—
Въ дивочихъ свыткахъ молодци.
Вся голопупа дитвора
На смитныку коло двора
На сонци гріетця зъ Рябкомъ,
Изъ нымъ лежать соби рядкомъ.
Жинки жъ забулы прясты й ткать.
Теперъ таке въ ныхъ полотно
(Сказать бы правду—не збрехать),
Якъ въ старину було рядно.
Имъ легше прядыво пропыть,
Якъ пучками ёго крутыть,
До того жъ—грихъ бы бувъ жинкамъ
Не помогать пыть козакамъ.
Все пропылы!... А ще жывуть!...

Надходыть осинь,—тутъ бида!...
Подушне правыты идуть,—
А въ ныхъ на ныви—лобода.
Нема чого косыть, ни жать,
Ни продавать, ни пропывать:
Осталась ледви що душа.
Отъ тилько намъ и барыша!...
Яка жъ уже тамъ и душа?
Хочъ и козацькая вона,
Да що жъ?—не варта ни гроша,—
Такъ пьяна, гола и дурна.
Зовсимъ звелыся козакы,—
Осталысь зъ лынвы мотузкы;
И тилько въ казкахъ ще живуть,
Що козакамы ихъ зовуть.
А якъ бы мертвыхъ воскресыть?
И поробыть ихъ—хочъ людьмы?...
До щенту треба погасыть
Вси вынныци промежъ нымы.
А безъ того ни въ викъ ніякъ
Не протверезытця козакъ;
Не буде чоловикомъ винъ,
Хочъ бый ёго,—хочъ плюнь, да й кынь.
Ціого жъ самого козака
Визьмы жъ лышъ тилько въ москали,—
И поступъ зъ разу не така.
Хочъ въ воду, хочъ въ огонь пошлы,
Моторный, жвавый—хочъ куды;
Нема іому нигде биды.
Чи кынь въ Гузаре—винъ усачъ,
Чи въ Гарнадеры—винъ сылачъ.
Такихъ-то ликивъ козакамъ
Годылось бы усимъ завдать.
„Не буть билшъ мужиками вамъ!
„До війська вамъ усимъ рушать!“

Сказать—да й годи.—Буде все!...
Колы жъ, колыжъ имъ прынесе
Сю зъ неба висточку Господь,
Що війсковый воны народъ? [1])

XX.

Козаки въ счастьи.

Отвѣтъ малороссійскихъ козаковъ украинскимъ слобожанамъ, найденный въ Глуховскомъ архивѣ.

Дѣялось за гетмана Павлюка
1638 року, маія . . . дня

... Воно-то дiялося—такъ:
Лежу я пидъ викномъ, звычайно якъ козакъ,
Пидъ дворъ зповзлыся вивчары
Зъ самои раннёи поры.
Вже жъ я ихъ слухавъ, слухавъ...
То усъ крутывъ, то брови чухавъ,
Вертивсь на лавци сякъ и такъ,
Нейде на глуздъ ни якъ:
Що тамъ за бисъ гарчить?... курнявкать, гавкать ставъ...
Гуде, мовъ рой джмеливъ, мовъ кгездъ теля напавъ;
Крычить мовъ за живитъ завійна ухопыла,
Або объ землю бье когось нечыста сыла...
Эге!—сежъ изъ степивъ украинскихъ сей гулъ!...
Завився тамъ якійсь зъ дощу въ болоти мулъ!...
Мовъ чайки въ осоци, мовъ жабы при болоти,
Знай квакають: ква! ква!—нема имъ бильшъ роботы.
Що жъ се?—яка тамъ тваръ мемекае: мы! мы!
Ахъ трясьця. жъ въ ёго ма! ровняютця зъ людьми!...
Не только жъ бо зъ людьми, а наветь зъ козаками!...
Ахъ, племя гаспидьске!—та мыжъ васъ нагайками!...
Що вы швергочете?—по якому цей крикъ?

[1]) Происхожденіе этого стихотворенія и мысль его не совсѣмъ ясны, но можно думать, что оно имѣетъ связь съ слѣдующимъ фактомъ. Въ 1830 г. для усмиренія польскаго возстанія въ черниговской и полтавской губерніяхъ организованы были козацкіе полки—всего до 16,000 чел.—изъ мѣстныхъ козаковъ. Послѣ усмире-

Нимота бисова! чи е у васъ языкъ [1])?
„Мы, кажуть, мы, мы, мы,—мы малороссіяне,
„Украинци зъ степивъ, (простите) слобожане [2]).
„Зъ супликою прійшли до васъ, якъ до батькивъ
„Къ козацкой старшини, до зацныхъ козакивъ,
„Щобъ вы таки далы и намъ якую раду,
„Безъ пастуха жъ не буть и намъ таки якъ стаду.
„Не мало жъ насъ такихъ, изъ нашихъ хуторивъ,
„Що зъ вамы жъ рѣзалы и Туркивъ, и Ляхивъ.
„Чимъ мы не козаки? Мы носымъ оселедци,
„И цюкнемъ шаблею, колы де доведеця.
„Ни шабель, ни ручыць не выпустымъ изъ рукъ:
„Намъ тилько покажить,—де тихъ шукать псяюхъ,
„Що хочуть скоштовать козацкои одваги,—
„А мы вже зваримъ имъ густои дуже браги.
„Мы щиро служимъ вамъ—не такъ якъ наймыты,
„Вы жъ зъ насъ глузуете,—мы все въ васъ хамуты!...
„Що все бачъ возымъ вамъ, и гинемъ при обози,
„Въ снигахъ и въ болотахъ, на сонци й на морози.
„Вы живытесь соби, де на войни грабижъ,
„А намъ же що зъ того? Все ижъ одинъ кулишъ!...
„Не доки жъ намъ ходыть и голымъ всимъ, и босымъ,—
„Пышить насъ въ козаки, Вельможность вашу просымъ!“
—Глянь,—погань що верзе!... Плюгавци, вонъ, а засъ!
До козакивъ вашъ братъ николы не ривняйсь!
Такъ чванилась колысь и дулась жабалуха,
Хотила стать воломъ, та й триснула псяюха.
Одъ жабалухи цей соби въ вамъ прыкладъ взять,
Та й бильшъ до козакивъ себе въ вамъ не ривнять!...
Чимъ же вы чванытесь?—„Отъ мы-то слобожане!“

нія возстанія малороссійскій генералъ-губернаторъ кн. Репнинъ предлагалъ обратить это временное учрежденіе въ постоянное, но проектъ этотъ не осуществился. Въ печати, сколько намъ извѣстно, фактъ этотъ еще не былъ затронутъ, но намъ приходилось слышать, что у покойнаго А. Ѳ. Кистяковскаго были какіе-то документы, относящіеся къ этому дѣлу.

[1]) *Вар.* Чого вы крычыте ажъ ляскае въ ушахъ!...
Дывысь,—ось слухайте що тамъ за гамъ, ажъ страхъ!

[2]) *Вар.* Украинци лыхи и славни слобожане.

Вы такъ соби щось—атъ! нехрещены цыгане!
Кортыть ихъ въ козаки! Чи жъ зъ разумомъ ця ричъ!
Не ривня вамъ козакъ, не ривня вамъ и сичъ.
Паскудство! пастухи! бездомни волоцюги!
Якои зъ васъ намъ ждать противъ поганъ услуги?
Васъ заразъ нападе перерва й перелякъ,
Якъ тилько де спотка васъ видьма, вовкулакъ [1])
А якъ де на кони побачите вы Ляха,
То швыдче всихъ зайцивъ розбижитесь одъ страха.
На що вамъ на себе ждать Туркивъ и Татаръ?
Жидивскій наймытъ васъ потре всихъ на сухаръ;
Васъ баба помеломъ звоюе, кочергою;
Батогъ здаетця вамъ громовою стрилою...
Отъ,—бачите сами—вамъ не прыставъ цей гамъ.
Не треба горло драть, а вгамоватьця вамъ.
Пасить соби овець, орите, чумакуйте,
А лизти въ козаки?—и думки не турбуйте!...
Селите слободы, але жъ платить намъ чиншъ,
А ни?—такъ изъ степивъ позгонимъ васъ: кишъ, кишъ!...
Коли жъ вы хочете у насъ буть наймытамы,
То справымъ вамъ штаны зъ широкими матнями,
Реминны очкуры, реминны й постолы
И пришвы на зиму, щобъ босы не булы . . . . .
. . . . . А що тамъ дали пише,
Конець одъилы мыши [2]).

---

[1]) *Вар*: „яки въ поли стринетця вамъ хочъ одинъ полякъ“, при чемъ опущены слѣдующіе четыре стиха.

[2]) Стихотвореніе это представляетъ не воспроизведеніе архивнаго документа какъ можно-бы думать, судя по его заглавію, а такъ наз. „вольную“ обработку историческаго сюжета. Исторической достовѣрности въ немъ искать нечего: ни положеніе козачества въ данный моментъ, ни личность Павлюка, насколько она затронута, ни хронологическія данныя (Павлюкъ былъ казненъ въ февралѣ 1638, а дѣйствіе происходитъ въ маѣ) не соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Тѣмъ не менѣе стихотвореніе представляетъ интересъ въ томъ отношеніи, что рисуетъ возникавшую уже въ данную эпоху рознь между козаками реестровыми и „выписчиками“, а также положеніе выписчиковъ, которые искали осуществленія своихъ козацкихъ идеаловъ, выселяясь въ степи приднѣпровской и слободской Украины и въ то же время составляли видный, хотя и не господствующій, элементъ въ козацкихъ возстаніяхъ.

XXI.

На кончину

Ректора Кіевскаго Университета св. Владиміра, незабвеннаго Владиміра Францовича Цыха, постигшую его на 32 году жизни 1837 года, Апрѣля 19 дня, въ понедѣльникъ свѣтлой седмицы. Погребенъ 21 числа.

Въ святилищѣ Наукъ
Владиміра Святаго
Владиміръ Францовичъ, наперсникъ музъ и другъ,
Былъ перломъ дорогимъ вѣнца его златаго.
И выпалъ этотъ перлъ!...
Потерянъ безвозвратно!...
Млатъ смерти сокрушилъ и въ прахъ его весь стерлъ!...
Такъ въ мірѣ тлѣнью все причастно и превратно!...
Блестящею звѣздою
Прекрасной, лучезарной
На новый горизонтъ наукъ востекъ,—собой
Восхитилъ всѣхъ сердца, и скрылся въ мглѣ туманной
Во цвѣтѣ лѣтъ и силъ.
Тебя ль, Цыхъ! зримъ мы мертва?
Ты рано вертоградъ Наукъ осиротилъ.
Миръ праху твоему, безвременная жертва!
Но Цыхъ не умеръ весь,
Въ дѣлахъ жить будетъ вѣчно.
Для пользы, для наукъ не долго жилъ онъ здѣсь,
Но Музы прахъ его кропятъ слезой сердечной.

XXII.

Стихотворенія посвященныя М. А. и Е. А. Максимовичамъ [1]).

1. Отписка

до мого доброго пріятеля М. А. М—ча на самый новый 1843 рокъ.

И ты здоровъ будь новымъ рокомъ!
И я тобѣ,—якъ ты менѣ,—

---

[1]) Удерживаемъ правописаніе подлинника.

Жичливымъ хочу буть пророкомъ,
Щобъ вѣкъ твôй плывъ у тишинѣ.
Щобъ все у тебе росло на нивѣ,
Въ садахъ, городахъ и хлѣвахъ;
Щобъ всюды всѣмъ ты бувъ щасливый
И не тягався по судахъ.
Чого жъ бажать намъ бôльшъ на старôсть,
Якъ есть хлѣбъ-сôль да тепла пѣчъ?
Усе друге людская заздрôсть
Умремъ,—богатство марна рѣчъ.
Не пôйдутъ зъ нами въ домовину
Червôнци наши и рубли;
Покинемъ мы у ту годину
Уси приманки на землѣ.
А тамъ тебе уже не пôзнають,
Чи ты полковникъ, чи мужикъ;
А заразъ—„якъ ты живъ?“—спытають,—
И въ Рай, чи въ Пекло пхнуть на викъ!
Охъ! добре коли насъ по смерти
Не лайкою згадае хтось,—
Та не за те, що буде жерти
Кутю на поминкахъ, чи щось.
А скаже: „Память ёму вѣчна!
„Душѣ его дай Боже рай!
„Вона була къ добру привычна,
„Теперъ—ликуе тамъ нехай!
„Его вдова не скаже й дѣти,
„Що въ землю гроши винъ сховавъ,
„Що жъ мавъ, то знавъ куды подѣти,
„Не проѣдавъ, ни пропивавъ.
„Не всѣхъ Богъ рôвно надиляе,
„Про те винъ добре памятавъ;
„Якъ хто було въ чѣмъ нужду мае,
„Винъ въ позычки,—и такъ дававъ!...
„Не закрывавсь—голубчикъ!—зъ хлѣбомъ
„Одъ добрыхъ, чесныхъ всѣхъ людей!...

„На добре все летѣвъ винъ стрибомъ,
А все недобре гнавъ зъ очей!“...
Хотѣлось бы й менѣ рôкъ новый
Почать жить краще, якъ той рôкъ,
Щобъ не злякавсь, а бувъ готовый
Иты на першій смерти крыкъ.
Та суча ёго знае маты,
Якъ утѣкать намъ одъ грѣхôвъ!...
Якъ тяжко вѣкъ намъ коротаты
У Кіевѣ безъ тѣхъ рублêвъ!...
Що ступишь—то давай все гроши!...
А де у бѣса ихъ набрать?
Будь ты й розумный и хорошій,
Безъ грошей нѣчого жовать.
У Кыевѣ ни жнуть, ни сѣють,
Письменни дуже всѣ,—якъ бачь,—
А ѣсти ласощи умѣють,
На хлѣбъ не глянуть,—дай калачъ!...
Везуть до насъ усеньке моремъ,—
Проклятый кохвей той и чай!
А мы—ажъ крехчемъ соби зъ горемъ,
Та знай!—съ кабзы все утрачай!...
Де дѣлась наша варенуха,
Вышнивка, медъ нашъ варенець?...
Охъ! охъ! Украина старуха!...
Прійшовъ—вразъ зъ цукромъ твôй кôнець!...
Зачнѣмъ,—хочь зъ нового мы року,
Шавлію, буквицю варыть,
Щобъ бисову отъ ту мороку,—
Де гроши брать намъ?—уморить!

---

2. Посланіе

М. А. Максимовичу, 4 Февраля 1843.

На що ты прадѣдôвъ, прабабокъ
Турбуешъ кôстки въ могилкахъ?

И ввесь старинный на остатокъ
Твôй рôдъ одшукуешъ въ книжкахъ?
На що тобѣ тѣ всѣ шпаргалы,—
Гнилыê гнѣзда наукôвъ;
Гетьманскіê универсалы,
Одломки списôвъ, бунчукôвъ?...
Манатья старого шматинки
Одъ шароварôвъ и спôдниць,
Старинны дзиглыки и скрыньки,
И сволоки зъ гнилыхъ свѣтлицъ?...
На що тоби трухлявы [1]) рамы
Зъ потретôвъ, зъ вôконъ предкôвськихъ?
Що въ кунтушахъ тоби зъ усами,
Въ корабликахъ?... Бувъ часъ на нихъ,
Теперъ настало время фракôвъ
Для оселедцôвъ и чубôвъ;
И мы пекти не станемъ ракôвъ
И зватись имьемъ козакôвъ.
Що жъ за утѣха, що за радôсть
Та вся свята старовина?
Збирать еи—якась-то заздрôсть.
Намъ бôльшъ потребна новина.
Намъ потребнѣйша жинка, дѣти,
Щобъ внуки, правнуки булы,
Щобъ въ памьяти ихъ намъ ожиты,
Якъ въ нашêй прадѣды жили.
Щобъ наша кровъ заговорыла,
Що й мы на свѣтѣ тутъ жили,
Щобъ нашъ внукъ знавъ,—де та могила,
Де наши кôсточки згнили.
Такъ поки живемо на свѣтѣ,
Грѣхъ гаять намъ даремно часъ,
Нехай же—знай!—такъ вьютця дѣти,
Якъ рôй бчолиный коло насъ.

---

[1]) *Вар.* Зацвѣвши.

От-то-то намъ потреты будуть,
И не глухи, и не нѣмы,—
Що всѣ живые не забудуть,
Що то булы за люде—мы?...

---

3. Сонъ

Февраля 1 дня 1843 года [1]).

На Михайловôй гори
Зъѣхались богатыри...
Одинъ—соколъ промежъ нихъ
Ясный—видно, що женихъ!...
Къ Кыеву всѣ поглядають,
Кого-сь звôдтôль пôджидають,
Не спускаючи очей,
Не доспавши сѣмъ ночей...
Глядь!... ажъ ось—плыве Днѣпромъ
Противъ Канева поромъ...
Ввесь золоченый,—блещить!...
На ёмъ панночка сидить!...
„То Елена!... то Елена!“...
На ѣй шубонька [2]) зелена,
А головка вся въ квѣткахъ;
Сама жъ въ золотѣ, въ шовкахъ!
Ей пôдъ рученьки беруть,
Заразъ въ церкôвцю ведуть,
Зъ женихомъ врядъ становлять.
На обохъ вѣнцы горять!...
Вся Михайлова гора
Молодымъ кричить: „ура!!!“
И тутъ всѣ богатыри
Принялися за пиры!...

---

[1]) Въ другомъ спискѣ: „Пророческій сонъ. Мѣсяца Лютого, въ 1 день 1843 року.

[2]) *Вар.* Сукня вся.

Каневъ голову пôднявъ
Глядь!—винъ зъ роду не видавъ,
Щобъ Михайлова—гора
Такъ свѣтилась якъ зоря.
А я въ Кыевѣ сижу,
И на чудо се гляжу!...
Бачу ёго якъ теперъ...
Снилося жъ воно въ четверъ.

---

4. Въ Альбомъ

Е. А. М.

Вещь чудная—Альбомъ!
Васъ пригласятъ въ него, вы входите какъ въ домъ,
Гдѣ званныхъ множество гостей.
Тамъ шуму, говора, вѣстей!...
На разныхъ языкахъ,
И въ прозѣ, и въ стихахъ,
Отъ разныхъ слышится вамъ лицъ:
Мужчинъ степенныхъ, дамъ, дѣвицъ,
Пріятельницъ, кузинъ, сестрицъ...
Не скучно, радъ тутъ вѣкъ остаться,
Ну,—какъ въ Альбомъ мнѣ не вписаться?
„Пожалуйста, впишитесь!“
Тутъ смѣло вы въ Альбомъ садитесь,
Когда жъ неловко сѣсть,—ложитесь,
Да только берегитесь,
Съ хозяйкой вѣжливы, съ гостями будьте дружны,
Иначе—вы не нужны,
И вамъ укажутъ дверь.
На то въ Альбомахъ свой манеръ:
Вотъ изъ Альбома вмигъ вашъ вырвется листокъ,
И вы съ нимъ тожъ,—о рокъ!...
Безъ крыльевъ полетите въ Лету,
А тамъ спасенья вамъ ужъ нѣту.
Но если чинно вы въ Альбомѣ усидите,

То вѣрное себѣ безсмертье тѣмъ дарите.
Въ подлунномъ мірѣ вашъ давно пробилъ ужъ часъ,
И слухъ объ васъ погасъ,
Въ Альбомѣ жъ вѣчно васъ
Живитъ воспоминанье.
Какое лестное за дружбу воздаянье!
На гробѣ вашемъ мхи и крапива растутъ,
За грязью надписи на камнѣ не прочтутъ
Прохожіе—а тутъ
Въ сафьянномъ, золотомъ
Альбомѣ—вы кругомъ
Отъ тлѣнья безопасны,
Безсмертію причастны;
Лежите вы себѣ,
Благодаря судьбѣ,
Межъ прозой и стихами,
Между помадой и духами,
На туалетѣ, иль на мраморномъ каминѣ,
Въ картонѣ съ чепчикомъ, иль съ лентами въ корзинѣ.
Порою горничны взвалятъ на васъ корсетъ,
Башмакъ, подвязки... нужды нѣтъ!
За то же барышня, отъ радости, иль скуки
Альбомъ завѣтный свой взявъ въ руки,
И въ немъ нашедъ меня порой,
Не можетъ не сказать: „Старикъ былъ дорогой,
„Капризенъ иногда,—но милъ,
„Со мною часто онъ шутилъ,
„Елену точно онъ любилъ,
„Какъ дочь свою родную“...
И слезку на листокъ уронитъ дорогую.

---

5. Къ стихотвореніямъ, рисующимъ отношеніе Е. П. къ М. А. Максимовичу можно отнести также стихотворную шутку „Біографія славнаго и незабвеннаго сѣраго кота Васьки“, въ составленіи которой принималъ участіе и М. А. Это—цѣлая поэма изъ восьми стихотвореній, написанныхъ различными ли-

цами, жившими въ разныхъ городахъ и собранныхъ „издателемъ Е. Р.“. Одно изъ этихъ стихотвореній принадлежитъ М. А. Максимовичу:

7. Эпитафія.

Миръ косточкамъ твоимъ, о незабвенный котикъ:
Ты къ смерти перешелъ отъ печки на чердакъ.
Недвижны лапочки и не мяукнетъ ротикъ,
Тебѣ ничто—ни пискъ мышей, ни лай собакъ.
Миръ косточкамъ твоимъ! Ты былъ любимецъ Оли
И воспѣвалъ тебя стихами Николай [1]),
За то ты славно ѣлъ и пилъ въ земной юдоли,
А тамъ навѣрное попалъ въ кошачій рай...

Ноября 21 дня 1842. *М. М.*
Михайлова гора.

XXIII.

Стихотворенія, посвященныя Я. И., Н. Я. и В. Я. Шульгинымъ.

1. Одъ свата Остапа до свата Якова [2])

пови шованье зъ именинами октября 9 дня 1848.

Сегодня Якова святого.
Я, вставши до свита, просывъ,
Щобъ именынника винъ свого
Добромъ усякимъ надилывъ.
Щобъ вы уси булы здоровы,
Щобъ все вамъ якъ по маслу йшло,
И щобъ не морщило вамъ бровы
На свити ниякее зло.
Щобъ вси жилы, та поживалы,
Не знали ликъ, ни дохтуривъ,
Щобъ веселылысь, танцёвалы
Такъ... ще не маю бильше сливъ.

---

[1]) Дѣти Е. П. Рудыковскаго.

[2]) Яковъ Игнатьевичъ Шульгинъ.

Щобъ намъ ще оженить Витальця,
Та диточекъ его дождать,
Тогди жъ пійты въ крывого танця,
Та журавля потанцёвать.
Щобъ внучка наша пидростала,
Та щобъ була на дыво всимъ,
Щобъ князя въ женихи достала,
Дала-бъ намъ правнукивъ потимъ.
Всёго, всёго прошу у Бога.
Щобъ всимъ васъ разомъ надилывъ,
А якъ умремъ—туды й дорога—
Щобъ всихъ и небомъ надилывъ.

---

2. До любого мого зятька Мыколы [1]

у день его именинъ, октября 14 дня 1848 року.

Дóждавсь, Миколо, Божои ласки?
Сёгодни именинникъ ты,
Сядай же въ вóзъ, хочъ винъ и тряскій,
До Всихъ Скорбящихъ полети.
Одправь молебень, помолися,
Та митью заразъ и назадъ,
До дому скоро ты вернися,
Та учини порядокъ, ладъ.
Щобъ всѣ, тебе що поздравляли,
По горло мали ѣсти й пыть,
Бо ми сёго рóкъ цѣлый ждали,—
А въ горлѣ щось такъ и свербить.
Прочухать треба оселедцемъ,
Кавяромъ добрымъ, балыкомъ,
Та и ковтнуть гиркои зъ перцемъ
И закусить все чосничкомъ.
А що жъ твоя отце Маруся
Сидить та нянчитця зъ дитямъ?
Того-то дуже я й боюся,—
Не голодать бы у васъ гостямъ.

---

[1]) Николай Яковлевичъ Шульгинъ.

А нужъ, Марусю, по̂дтыкайся,
Рукава добре засучи,
За господарство принимайся
Усе вари, и все печи.
Не жаль сёгодни бъ и индика...
Спечи зъ начинкой порося...
А борщъ?—отъ це то рѣчь велика
Але-жъ вона тутъ ще не вся.
Борщивъ ты три, або чотыри
По старосвѣцки навары,
Щобъ у гостей ажъ прѣли гиры
Зъ борщемъ лыгавши сухари.
Поребринка и полендвиця
Зъ пелюсточками въ два борщи,
Въ борщъ шарый гуска пригодитця
Въ четвертый зъ часничкомъ лящи.
Та всѣ борщи позатовкати
Зъ цыбулькой товченымъ сальцемъ
И не забудь позаправляти
Мучицею, або пшонцемъ.
Та щобъ упрѣло все гарненько,
Не позбѣгалось у печи,
А пе̂чъ закрыешь ты раненько,
Якъ посажаешь калачи.
Пото̂мъ потравку цибулькову
До смаку добре присоли,
Та й родзинкову й шапранкову
Зъ медкомъ и зъ цукромъ по̂дсмали.
А якъ зъ по̂дливою индыка
На сто̂лъ поставишъ ты гостямъ
Тогди щобъ не було вже лика
Пряженичкамъ и всѣмъ сластямъ.
Та не скупитесь на вышнивку,
Але-жъ,—щобъ та була первакъ,
Коли-жъ нема, то мы й грушивку,
Або сливянку выпьемъ въ смакъ.

Бо буде такъ: що ложка стравы,
То и наливочки ковтокъ.
Безъ того мы не будемъ правы,
Якъ пôдверединъ животокъ.
Наѣвшись добре, ляжемъ спаты,
Одлѣзши рачки одъ стола,
А якъ почнемъ одъ сна вставаты,
Щобъ варенуха тутъ була.
А не та кава, чай мерзеный,
Надсада тôлько животамъ.
Бодай не знавъ ихъ миръ хрещеный!
На що воны здалися намъ?
Чи наши жъ животы якъ лыки
Мочить чайкомъ та кофійкомъ?
Козацьки тельбухи велики
У нихъ все пхай четверикомъ!
Отъ такъ справляли именины
Батьки всѣ наши и дѣды! ..
Миколко! хочъ до половины
Своимъ гостямъ ты догоды.
Але жъ гляды, не чванься дуже!
Пранцузьскихъ винъ щобъ не було!
Одъ ныхъ паны голѣють дуже,
А намъ на що здалось те зло?
Намъ Економку Политичку
Виталій вюра прочитавъ:
Щобъ роскôшъ всякъ свою привычку
Назавше мôцно загнуздавъ.
Нехай уже тютюнъ та люлька
Въ забаву зостаютця намъ;
Вони потрибни якъ сосулька
Маленькимъ въ повитку диткамъ.
А бôльше щобъ ниякихъ збыткôвъ
Одъ сихъ не стало именинъ,
Хочъ-бы мы малы сто прыбыткôвъ,
Хиба, Богъ дасть, дôждемъ христинъ,

Або весильячко по́дскочить.
Пора жъ Витальця намъ женить.
Що винъ намъ голову морочить?
Чи все жъ съ книжками буде жить?
А ну жъ, ковтнемъ ще на похмилье
По повно́й чарци заразомъ,
Та й по́йдемъ звать всѣхъ на весилье,
Бо мы не будемъ зъ гарбузомъ.
По именинахъ вразъ весилье?...
Отъ тутъ-то праздникъ!—що й казать?!!
Се жъ дубельтове намъ похмѣлье!
Ой дай же Господи до́ждать!
Охъ! щось я пьяный забрехався!...
Щось но́съ повѣсивъ нашъ женыхъ!...
Съ экзаментомъ заженихався!...
Нехай ёму стонадцять лыхъ!...
Щобъ той экзаментъ провалывся,
Винъ не дае ёму и спать.
Схудавъ ажъ бѣдный, похилывся!...
Давайте, станемъ ратовать.
По́дсунемъ мы ёму панянку
Теплесеньку, мягку, якъ пухъ,
Вона ёму пошепче зранку
И разомъ прожене недугъ.
А книжки ти и вси шпаргалы
Повыкидае на чердакъ.
Щобъ головы не высушали.
Отъ-такъ, Витальцю, буде, такъ!
Гисторійки зъѣдять тамъ крысы,
А горнографію коты,
Одъ мудрости всѣ стануть лысы,
А мышъ имъ одгрызе хвосты.
Не лучше жъ крысамъ пропадати—
Одъ тихъ письменьскихъ всѣхъ трудо́въ?
А намъ на всѣ книжки плёвати,
Не тратячи багато сло́въ.

Чи правду я кажу, Миколо?
Ты—именинникъ, братъ—женихъ!
Скачи, душа, вертысь навколо,
Дóждавши радощивъ такихъ!...
Ой! дайте жъ промочить чимъ трохи,
Засохло въ горлѣ одъ брехни.
Гульнемъ, щобъ не кусалы блохи,
Щобъ радóсть бачить хочь во сни.

Старый Остапъ.

---

3. Магистру Виталію [1]

послѣ его экзамена, октября 29 дня 1848.

Ура!—ты кончилъ свой,
Виталій, славный бой;
Какъ гладіаторъ на аренѣ
Ты подбоченясь сталъ себѣ;
Всѣ апплодируютъ тебѣ...
Жаль! не былъ я на этой сценѣ.
Послушать любо!—говорятъ,
Что ты, не надѣвавши латъ,
Съ такою шелъ на бой отвагой,
Что всѣ противники потѣли смертной влагой.
И гдѣ жъ имъ до тебя
Равнять было себя?
Они всѣ—словно мошки
Полѣзли въ уши и глаза,
А ты, пріободрясь, какъ задалъ имъ туза,
Такъ всѣ они,—давай Богъ ножки!...
И гдѣ, кому съ тобой
Вступать въ неровный бой?
Прошелъ ты Альпы, Кордильеры,
Изслѣдилъ рѣки и моря,

---

[1]) Виталій Яковлевичъ Шульгинъ.

Всѣмъ пальцемъ указалъ,—гдѣ утренняя заря
Красуется на всѣ манеры,
Выводитъ солнце на востокъ,
Плыветъ оно то вверхъ, то вбокъ,
Спустившись ляжетъ въ океанѣ,
Проспавшись же, какъ на диванѣ,
Спѣшитъ опять вставать заранѣ.
А какъ ты Грековъ вспоминалъ,
Да Римлянъ въ помощь всѣхъ призвалъ;
Какъ вдругъ нагрянули всѣ Ливіи, Тациты,
Ксенóфонтъ, Геродотъ, сѣдинами покрытый;
Они жъ какъ стали вызывать
На помощь всю военну рать
Героевъ Греціи и всѣхъ героевъ Рима,—
Явилась вкругъ тебя толпа необозрима!...
Герои Трои всѣ, всѣ гречески цари,
Не то что нынѣшни нѣмецки пушкари,
И Ксеркъсъ и Ганнибалъ, Брутъ, Фабій, Сципіоны,
Не то что нынѣшни французскіе шпіоны,—
Такъ гдѣ жъ тутъ и кому съ тобою устоять,
Увидѣвши такую рать?
Противники твои всѣ порознь зажужжали,
И думали сперва—въ расплохъ они напали;
Да видятъ у самихъ зарябило въ глазахъ,—
Напалъ на мошекъ страхъ!...
Давай онѣ кусать смѣлѣе,
У коихъ зубы повострѣе,
Чтобъ въ плѣнъ имъ не попасть.
А ты имъ истины претвердые доводы:
И дни, и числа всѣ, и годы
Поставилъ въ явную напасть.
Дошло до потасовки!
Хватилися они за новыя уловки—
На помощь Нибура и Мальтуса зовутъ...
„Друзья! вашъ тщетный трудъ!...
„Не знаетъ Нибуръ вашъ, сколь древни лапти наши,

„А Мальтусъ вамъ не дастъ безъ денегъ щей да каши.
„Да зналъ ли Мальтусъ вашъ, что русскій нашъ мужикъ
„Богатъ, и сытъ, и пьянъ, и самъ себѣ великъ?...
„И плодитъ семью безъ заботы,
„Пока достанетъ въ немъ охоты.
„Увѣренъ, что семья его числомъ сильна,
„А пищей вся земля у Господа полна.
„Не всѣмъ же соусъ ѣсть и жирные котлеты.
„Была-бъ капуста и горохъ
„А нѣтъ—съѣдимъ исландскій мохъ.
„Къ чему же Мальтусомъ лжи голода пропѣты?“...
Тутъ рѣчь твоя дошла до третьяго Ивана,—
Какъ цѣпь съ Руси онъ снялъ, да наложилъ на хана.
Сраженью тутъ конецъ,
Ты выигралъ вѣнецъ!
Противниковъ толпа вся пьяна!
Для подкрѣпленья силъ
Иной ужъ такъ хватилъ,
Что еле живъ остался...
И то ужъ честь ему, что онъ съ тобой сражался.
Ура! Виталій мой!
Magister дорогой!
Теперь по праву ты герой!
И честь тебѣ, и слава!...
Какъ вижу я, война—тебѣ одна забава;
Не выйду я съ тобой въ наукахъ на дуэль,
Лишь смѣло въ мельники могу пуститься
Надѣюсь—тутъ сто разъ случится
Тебя мнѣ посадить на мель.
Dixi [1]).

Е. Р.

---

[1]) Въ отвѣтъ на это посланіе В. Я Шульгинъ говоритъ: „Вы вызвали для поздравленія меня всѣхъ грековъ и римлянъ, потревожили всѣхъ великихъ людей: явилась такая гурьба народу, что я испугался страшно, хотѣлъ было благодарить Васъ стихами, да куда! и проза вся отъ перепугу изъ головы вышла!... Письмо адресовано „Viro humanissimo, ornatissimo, poetae praeclarissimo, ac in pugna, quam Rossi *мельниж* vocant, bellatori egregio Domino Eusthafio de Rudykowsky“.

4. Виталію Я. Ш.

По полученіи перваго выпуска его сочиненія: „О состояніи женщинъ въ Россіи до Петра Великаго“.

Изъ толстой женщины твоей
Такая, вижу, вышла крошка?!!
Предлинная фата на ней!
Одна лишь только видна ножка!
Когда-жъ намъ явишь всю красу,
Виталій, женщины—богини?
Я первый ѳиміамъ несу
На жертвенникъ ея святыни.
Величественъ обширный храмъ,
Созданью современный міра,
Открытъ поклонникамъ мужамъ,
Имъ тамъ злата играетъ лира.
Привратники въ немъ и жрецы
Одни благоговѣйны мужи,
А наглецы тамъ и льстецы
Не вынесутъ безмѣрной стужи.
Любовью тамъ сердца горятъ [1]).
И дышутъ райской теплотою,
Красамъ жены себя дарятъ [2]),
Чтобъ быть достойной ей четою.
Узрѣвши Евины красы,
Адамъ растаялъ [3]) весь душою,—
Такъ пораженъ былъ въ тѣ часы
Жены небесной красотою—
Власть женщины съ тѣхъ самыхъ поръ
Въ потомствѣ всей вселенной правитъ.
Откуда жъ могъ возникнуть споръ,
Чтобъ власть у женщины убавить?

---

[1]) *Вар*: Любовью мужа тамъ горятъ

[2]) *Вар*: Женъ красоткамъ себя дарятъ .. имъ...

[3]) Затрепеталъ.

Мы всѣ имѣли матерей
И къ матерямъ благоговѣли,
Взросли-жъ, женились,—и въ своей
Любви къ подругамъ охладѣли!...
Священны женщины права
Мужчины-дикари покрали!...
Но ты, Виталій, всѣ сперва
Открой намъ этихъ правъ скрижали;
Веди насъ въ этотъ дивный храмъ,
Гдѣ женщины сидятъ на тронахъ,
При томъ подвластны всѣ мужьямъ
И равенство хранятъ въ законахъ.
Но какъ дались тебѣ ключи,
Тебѣ отъ храма—холостому?...
Или женись, или молчи,
Иначе трепещи ты грому.
Женившись, просвѣтишь мужчинъ
И всѣхъ ихъ знать свой долгъ научишь—
Женъ уважать, какъ половинъ,
За что ты самъ вѣнецъ получишь.

Е. Р.

3 апрѣля 1850 г.
Кіевъ.

XXIV.

Элегія.

При прощаніи съ поэзіею февр. 15 дня 1843.

Прости, любимый мой конекъ,
Намъ не доѣхать до Парнаса,
А путь туда еще далекъ.
Гдѣ жъ крыльевъ взять тебѣ Пегаса?
Хоть жемчугъ превратить въ овесъ
И дать шампанское для пойла,
И тутъ никакъ бы не отвезъ
Меня конекъ мой дальше стойла.

Пора отстать намъ отъ стиховъ,
Поэзія намъ не дается.
Она была языкъ боговъ,
А нынѣ людямъ просто—вретея!
За то читать насъ не берутъ!
И никогда не возьмутъ въ руки,
А если возьмутъ, такъ умрутъ,
Зѣвая во весь ротъ отъ скуки.
Бывало!... Пиндаръ прозвучитъ
Съ самой вершины Геликона,
Такъ Грецiя вся задрожитъ
Отъ гармоническаго звона,
О миръ!... бывало всѣхъ богинь
Съ богами вѣчно перессоритъ
И онъ же ихъ миритъ одинъ,
Никто не смѣлъ съ нимъ въ этомъ спорить.
Онъ всѣхъ ихъ на Олимпъ, на пиръ
Сбиралъ, какъ ямщиковъ въ харчевнѣ!...
Какъ тѣшился тѣмъ древнiй миръ,
Хоть драки были тамъ плачевны.
Героевъ, греческихъ царьковъ,
Онъ свелъ подъ Трою всѣхъ на драку,
Лили жъ они, какъ воду, кровь,
Не зная рому и араку.
Какихъ потомъ явилъ намъ Римъ
Пѣвцовъ?!... Виргилiй и Горацiй!...
Мы ихъ по днесь боготворимъ!...
А сколько жъ ихъ изъ прочихъ нацiй?...
Явились въ мірѣ Данте, Тассъ,
Жрецы поэзiи священной!!
Европа ими поднялась
Изъ тьмы невѣжества презрѣнной.
Потомъ открылся рядъ свѣтилъ:
Мильтоны, Байроны, Шекспиры!...
И кто бы блескъ ихъ помрачилъ?
Безсмертiемъ цвѣтутъ ихъ лиры

Было!... у насъ и на Руси
Явились дивные поэты.
А нынѣ—есть-ли гдѣ, спроси,
Подобныхъ даже хоть примѣты!...
Державинъ, Пушкинъ не умрутъ!
А дальше?... разъ, два, три,... обчелся!...
Чуть чуть было я,—экой шутъ!—
И самъ въ родню къ нимъ не приплелся.
Да въ пробный положилъ каминъ
Стихи мои для испытанья...
И чтожъ? Горятъ они! Аминь!...
Какого жъ ждать тутъ воздаянья?!
Узнавъ, что Музамъ я не милъ,
Прости! сказалъ я Аполлону,
И лиру въ дребезги разбилъ,
Отвѣсивъ Музамъ по поклону.
Не критикамъ обязанъ я
Тѣмъ, что съ поэзіей простился;
Въ томъ-то и слава вся моя—
Я самъ къ разсудку возвратился.
Не бывъ въ поэты посвященъ,
Въ цехъ риѳмоплетовъ не вступаю,
Парнасъ не ими населенъ,
Ословъ я самъ оттоль сгоняю.
Прошли златыя времена!...
На вѣкъ поэзія угасла!...
И чѣмъ затеплится она?...
Никто не подливаетъ масла!...
Было... къ поэмамъ клонятъ слухъ
Цари, вельможи и герои,
Свой ими восхищаютъ духъ
И въ часѣ бранномъ, и въ покоѣ.
А палъ прелестный какъ любилъ
Рондо, сонеты, мадригалы!...
Поэтъ тогда лишь ими жилъ,
Прелесты жъ ими и дышали!...

Геройство жъ и красы пѣвцы
Были не очень прихотливы;
Награда ихъ была—вѣнцы
Изъ лавра, мирты и оливы...
Иной поэтъ за милый взглядъ
Въ поэзіи сталъ исполиномъ;
А въ насъ такой огонь наврядъ
Разжегъ-бы кто карболеиномъ.
Намъ—золото давай скорѣй,
Намъ дай аренды, майоратства!...
На аукціоны у людей
Пошли душевныя богатства!..
Теперь вездѣ, куда ни взглянь,
Терзаютъ духъ одни итоги,
Разсчеты, щепетильна дрянь!...
Поэзіи жъ нигдѣ! О боги!!
Капризный и скеляжный вѣкъ!
Ты все самъ дробишь на атомы,—
Тебѣ-жъ поэтъ—не человѣкъ,
Стиховъ не напечатавъ томы.
Бѣгу... отъ ритмъ, и стопъ, и формъ—
Ихъ не забрать и паровозу!...
Конекъ мой! на подножный кормъ!
А я пущусь пѣшечкомъ въ прозу.
И жду, покамѣсть на Парнасъ,
На акціяхъ ритмъ, понемногу,
Устроитъ Англія для насъ
Уже желѣзную дорогу.
По ней домчимся мы какъ разъ
На верхъ Парнаса въ полъ-минуты
Намъ будутъ оды на заказъ
Туда вѣрнѣйшіе маршруты.

XXV.

День моего рожденія.

Сент. 21 дня 1848.

Шестьдесятъ и пятый годъ!
Здравствуй мой пріятель!
Вновь идти съ тобой въ походъ
Мнѣ велитъ Создатель!
Слушаю,—иду, иду,—
И несу всю ношу;
Тяжело, терплю бѣду,
А ее не брошу.
За спиною выросъ горбъ,
Голова плѣшива,
И весь сталъ въ морщинахъ лобъ,
Рожа не красива.
Нечѣмъ ѣсть, ужъ нѣтъ зубовъ,
Худо носятъ ноги,
И не вижу безъ очковъ
Столбовой дороги.
Днемъ и ночью: ахъ да ахъ!
Гдѣ мой сонъ дѣвался?
Кажется бъ упалъ да легъ,
Спалъ, не просыпался.
А какъ легъ,—болятъ бока!
Гдѣ покой желанный?
Скорчишь рожу старика
И встаешь какъ пьяный.
Такъ! не спавши и вставай
На дѣла, къ работамъ;
Богъ далъ день,—а пищу?—Знай,
Нѣтъ конца заботамъ!
Созданъ человѣкъ на трудъ:
Благо какъ есть силы;
А какъ хворости придутъ,
Какъ тутъ до могилы?...

Станешь и годамъ не радъ,
Радъ придать имъ бѣгу,
Только бы не опоздать
Къ вѣчному ночлегу.
Вы какъ мыслите, друзья?
И жена, и дѣти!
Не заврался ли ужъ я?
Можно въ эти лѣта!...
Надо намъ поговорить
Скоро о Духовной.
Но какъ нечѣмъ васъ дѣлить,
То пунктъ сей не спорный.
Повода не будетъ вамъ
За дѣлежъ браниться,
И моимъ чрезъ брань костямъ
Въ гробѣ шевелиться.
Бога въ сердцѣ я имѣлъ,—
Вотъ мое имѣнье!
Оставляю вамъ въ удѣлъ
На благословенье.

XXVI.

Годъ 67 моей жизни.

И шестьдесятъ седьмой примчался на рысяхъ!!!
Тяжелый грузъ тащу! пищу: Увы и Ахъ!!!
Да долголь мнѣ еще дежурить?
По чести—я усталъ;
И на дежурствѣ брови хмурить
Я по неволѣ сталъ...
Вѣкъ цѣлый бился, бился,
Какъ рыба бѣдная объ ледъ,
А до покоя не добился.
Глотай полынь ты,—а не медъ.

И вышло: истинны Крылова аксіомы
(Но мнѣ по слуху лишь онѣ были знакомы),
Что Мишенька зимой имѣетъ что сосать,
Коль лѣтомъ лапу въ медъ умѣлъ онъ запускать.
Что тѣмъ звѣркамъ на старость слава, честь,
У коихъ болѣе пушку на рыльцѣ есть.
Не всѣмъ же удалось быть въ жизни Муравьями.
Чтобъ къ зимѣ—старости собрать довольный кормъ:
Довольно и того—не быть чтобъ Стрекозами;
А нужно жъ имъ имѣть хоть норку или домъ,
Подъ старость гдѣ бъ могли улечься,
И хоть голоднымъ, да согрѣться.
А ты, о труженикъ! чернорабочій Волъ!
Или ярмо таскай, иль подъ обухъ пошолъ!...
На старость нѣтъ тебѣ средины,
Не жди ты корму—а дубины.
Былъ молодъ, въ силахъ—ты пахалъ,
Я кормъ тебѣ давалъ,
За то теперь отдай ты кожу
Съ говядиной... Я словъ не множу.

Сентября 21 дня 1850 года.

СОВРЕМЕННАЯ МАЛОРУССКАЯ ЭТНОГРАФІЯ.[1]

Въ 1890 г. П. В. Ивановъ помѣстилъ въ харьковскомъ сборникѣ—сборникъ *народныхъ разсказовъ о кладахъ* (48 страницъ), записанныхъ сельскими учителями и учительницами въ Купянскомъ уѣздѣ. Малороссія—классическая страна кладовъ; здѣсь дѣйствительно ихъ много и въ особенности много народныхъ разсказовъ о кладахъ. Эта любопытная область фольклора, гдѣ warheit и dichtung переплелись между собой весьма тѣсно, впервые подробно разсмотрѣна г. Ивановымъ. До сборника г. Иванова было нѣсколько сообщеній у Чубинскаго, Руликовскаго, Кольберга, Я. Новицкаго, Драгоманова (14 разсказовъ), Кіев. Старинѣ, въ разныхъ газетахъ (напр. Харьк. Вѣд. 1887, № 146) и въ разныхъ провинціальныхъ этнографически-статистичискихъ изданіяхъ (напр., въ Опис. Черниг. епархіи Филарета V, 218). Г. Ивановъ даетъ 75 разсказовъ, записанныхъ непосредственно изъ народныхъ устъ, причемъ разсказы эти распредѣлены по ясной системѣ, вслѣдствіе чего этотъ трудъ г. И. заслуживаетъ вниманія не только любителей фольклора, но и вообще изслѣдователей мѣстной старины. Въ разсказахъ обнаруживается страсть малоруссовъ къ кладоискательству, раскрываются мѣстныя бытовыя особенности, историческія воспоминанія и кое-какія миѳологическія черты.

Въ началѣ статьи г. И. говоритъ, что повѣрья и разсказы о кладахъ могутъ послужить основаніемъ для разнородныхъ

[1]) Кіевск. Старн. 1892 г. № 6.

соображеній, выводовъ и сближеній. Въ нихъ можно отмѣтить черты локализаціи небесныхъ явленій, вѣры въ силу человѣческаго слова, анимизма и демонологіи. При этомъ г. И. доказываетъ мнѣніе, что нѣкоторыя повѣрья и сказки о кладахъ могли возникнуть подъ вліяніемъ изображеній на старинныхъ монетахъ на творческую фантазію народа. Такъ, на лицевой сторонѣ древнихъ кіевскихъ монетъ находится изображеніе сидящаго старика, отъ шеи и отъ рукъ котораго идутъ ряды колецъ, принимаемыхъ нѣкоторыми нумизматами за украшающіе одежду жемчужные снурки; они легко могли быть приняты за цѣпи, которыми прикованъ къ сидѣнію старикъ, и вызвать повѣрье, что это серебро старика, прикованнаго и стерегущаго кладъ. На другихъ древнихъ монетахъ княжескаго періода встрѣчаются изображенія разныхъ четвероногихъ животныхъ и птицъ, которыя также могли потомъ считаться охранителями кладовъ.

Обращаясь къ народнымъ разсказамъ, г. Ивановъ группируетъ ихъ въ такомъ порядкѣ:

1) Разсказы о томъ, кто зарывалъ клады и какими обрядами сопровождалось зарываніе ихъ. Зарывали разбойники, или татары, или турки, съ заклятіями.

2) Когда и въ какомъ видѣ выходятъ изъ земли клады. Выходятъ весной или подъ большіе праздники, они являются людямъ или въ видѣ дряхлаго старика, или въ видѣ животнаго. Въ видѣ старика кладъ является въ 7 разсказахъ, причемъ въ однихъ случаяхъ старикъ служитъ прямымъ олицетвореніемъ клада, въ другихъ—даетъ деньги или совѣтъ, какъ вырыть кладъ. Въ 5 разсказахъ кладъ является въ видѣ коня, въ 2—собаки, 2—быка, 2—барана, 2—свиньи, 4—пѣтуха, 10—квочки. Нѣсколько разсказовъ о свѣчѣ надъ кладомъ, о томъ, что его можно взять только по назначенію, съ молитвою. Описаніе пріемовъ, какъ взять кладъ. Перечень 12-ти страховъ, какими черти пугаютъ людей, намѣревающихся сорвать цвѣтъ папороротника. Отмѣчено нѣсколько случаевъ упорнаго исканія клада. Приведены народныя указанія на мѣста нетронутыхъ кладовъ.

Нѣкоторые разсказы вызываютъ частныя сравненія, напр., разсказъ о томъ, какъ мужикъ для полученія заклятаго клада долженъ былъ вспахать поле двумя пѣтухами.

Во II т. Сборника Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества (1890 г.) П. В. Ивановъ помѣстилъ *„Игры крестьянскихъ дѣтей въ Купянскомъ уѣздѣ"*. Въ ряду другихъ сборниковъ малорусскихъ дѣтскихъ игръ сборникъ г. Иванова выдается по полнотѣ и подробности въ описаніи игръ. Всѣхъ игръ 95, именно: 15 игръ съ палками, 10 съ мячемъ, 4 съ ножичкомъ, 8 съ дощечками, камышками или косточками, 3 съ жгутомъ, 4 въ куплю-продажу, 21 съ ловлею (прятки, жмурки), 4 въ адъ и въ рай, 6 игръ съ гонкою и 13 игръ съ переговорами и припѣвками. Г. Ивановъ исключилъ воспроизводительныя игры, т. е. игры, въ которыхъ дѣти подражаютъ взрослымъ. Это исключеніе представляется неправильнымъ. На подражательныхъ играхъ можно прослѣдить, какія бытовыя и общественныя явленія въ настоящее время дѣйствуютъ на умъ и воображеніе дѣтей, что вноситъ школа. Г. Ивановъ ограничивается замѣчаніемъ, что дѣвочки воспроизводятъ обыкновенно занятія и слова матерей, мальчики-отцовъ; иногда они воспроизводятъ явленія общественной жизни, судъ и расправу, церковныя процессіи. По наблюденіямъ г. И. для взрослой деревенской молодежи игры на воздухѣ потеряли свою привлекательность. Подъ описаніемъ каждой игры указано мѣсто, гдѣ она записана. Употребляемые при играхъ термины, приговоры занесены въ текстъ буквально. Собиратель пользовался для сравненій сборниками Сахарова, Терещенка и Чубинскаго. Указываю здѣсь литературу предмета.

1) *Сахаровъ*, Сказанія русскаго народа, 1837; во 2 части помѣщено 62 игры.

2) *Терещенко*, Бытъ русскаго народа, 1848, въ IV томѣ масса игръ—223, въ томъ числѣ собственно дѣтскихъ 27.

3) *Чубинскій*, Труды этногр.-стат. экспед. въ зап.-рус. край, т. III (1872 г.) 58 игръ и въ IV (1877) 28, всего 86.

4) *Сементовскій* въ Маякѣ 1843 г. XI, дѣлаетъ обзоръ слѣдующихъ дѣтскихъ игръ въ полтавской и черниговской гу-

берніяхъ: король, перепелка, галка, щитка, укравъ рипки, дробушка, воронъ (подробное описаніе); упоминаются игры въ хрещикъ, гуси, довголаза, горидубъ и шесть игръ въ мячъ (въ гилку, стѣнку, капи, свинку, горобця и городка).

5) *Срезневскій* въ Маякѣ 1843, XI, подробно описалъ игру въ короля; упоминаются кривой танецъ, коструболоньки и нѣкот. др.

6) *Метлинскій* въ Маякѣ 1843, XI, упоминаетъ объ игрѣ въ крашанки или на-вбитки.

7) *Максимовичъ*, Дни и мѣсяцы украинскаго селянина (напеч. въ Русской Бесѣдѣ 1856 г., потомъ во 2 т. Собр. соч. 1877 г.). Здѣсь приведены слѣдующія дѣтскія и дѣвическія игры, съ превосходными историческими и бытовыми комментаріями: 1) дзвоныця (съ приказкой о татарахъ), 2) танци, или корогоды, круговые и ключевые, 3) перепелка, 4) заюшка, 5) выступець (съ историческимъ именемъ Вишневецкаго), 6) просо сѣять, 7) шумъ (эта игра связана съ Днѣпромъ), 8) дѣтская приказка при купаньѣ въ рѣкѣ, 9) завиваніе вѣнковъ (троицкое), 10) сухой дубъ, 11) дробушки (игра эта связана съ русалками) и 12) коструболоньку, (стр. 471, 474—479, 496, 505—509, 514, 521). Игры, запис. Максимовичемъ, относятся къ Кіевской губерніи, къ Наднѣпровью.

8) *Шейковскій*, бытъ Подолянъ 1860 (вып. I). Здѣсь приведено нѣсколько весеннихъ игръ и пѣсенъ, съ приложеніемъ мало идущихъ къ дѣлу замѣчаній о міросозерцаніи древняго человѣка.

9) *Свидницкій*, въ статьѣ „Великдень у подолянъ, нап. въ окт. и нояб. книжкахъ „Основы“ 1861 г., подробно описываетъ слѣдующія парубоцкія игры: 1) шила быты, 2) кашу варыты, или въ коня граты, 3) харлай, 4) довга лоза (парубоцкій и дѣвичій варіанты игры), 5) чортъ, 6) дзвоныця (то же, что „вежа“ Лозинскаго), 7) игры въ мячъ, 8) въ просо, 9) въ дзвена, 10) въ баштана, 11) въ нимця, 12) жмурки, или пижмурки (подробное описаніе), 13) кривой танецъ, 14) горошокъ, 15) заинька, 16) шумъ, 17) жельманъ (весьма подробное описаніе), 18) коструболоньку, 19) колодій. Въ этнографическомъ отношеніи статья Свидницкаго (особенно сдѣланное имъ опи-

саніе дѣтскихъ и парубоцкихъ игръ) представляется весьма цѣнной.

10) *Лозинскій* въ „Зорѣ Галицкой“ 1860 г. (львовское изданіе) описалъ слѣдующія весеннія (великодныя) игры галицко-русскихъ крестьянскихъ молодыхъ людей и дѣтей: 1) мала купа, 2) вежа (становятся другъ на друга), 3) проба писанокъ, 4) млынокъ, 5) качало, 6) проба ланцюха, 7) гусакъ, 8) кручокъ, 9) воробчикъ, 10) мышка, 11) колесо, 12) дѣдъ, 13) чадо, 14) впустъ до раю, 15) галя. Кромѣ того, приложено 5 игорныхъ пѣсенъ, изъ коихъ одна относится къ игрѣ въ коструболоньку.

11) *Маркевичъ*, Обычаи и повѣрья малороссіянъ, 1860 г. На стр. 70—77 описаны игры: 1) воронъ, 2) перепелка, 3) король, 4) дурне колесо, или укравъ рипки, 5) дробушка, 6) галка, 7) щитка, 8) просо, 9) макъ, 10) деръ-деръ, и затѣмъ упоминаются горѣлки, бабки и кулачный бой. Описаніе помянутыхъ игръ почти дословно взято у Сементовскаго (изъ Маяка 1843 г.).

12) *Лисенко*, Молодощи, 1875 (Кіевъ). Здѣсь приведено нѣсколько игръ и приложены мелодіи веснянокъ и игорныхъ пѣсенъ.

13) *Bykowski* во 2 т. „Zbiór wiadom. do antrop. krajow.“. 1878 г. описалъ весеннюю дѣвичью игру „кустъ“ въ окрестностяхъ Пинска, причемъ привелъ 12 сопровождающихъ эту игру пѣсенъ. По языку пѣсни вполнѣ малорусскія. Объ игрѣ въ „кустъ“ говорится, между прочимъ, въ соч. г. Мандельштама. „Опытъ объяс. обыч.“ с. 228.

14) *Moszynska*, Kupajlo, w Zbiór wiadom. do antrop. krajow. 1881. V. Здѣсь описаны: 1) вязаніе колодокъ (съ пѣснями), 2) володарь, 3) кривый танецъ, 4) шумъ, 5) макъ, 6) зайчикъ, 7) нелюбчикъ, 8) царенко, 9) квасъ, 10) краска, 11) пижмурокъ, 12) бжолы, 13) блохи, 14) жукъ, 15) мышка, 16) жинка, 17) грибъ, 18) шулякъ, 19) гуси, 20) реготунъ, 21) хрещикъ, 22) карапусныця, 23) силь, 24) довга лоза, 25) верниголова, 26) коромысло и 27) щука. При многихъ описаніяхъ приведены игорныя пѣсни. Всѣ игры записаны въ окрестностяхъ Бѣлой Церкви кіев. губ.

15) *Kolberg*, Pokucie I 1882. Въ отдѣлѣ „Zabawy na Welykden“ находятся описанія дѣвичьихъ игръ: 1) воробей, 2) огирокъ, 3) вербовая доска, 4) жукъ, 5) мужъ и жинка, 6) костубъ, 7) дидъ и баба, 8) рынокъ, 9) перепелочка, 10) дивороюваты, 11) жельманъ, 12) жинка, 13) воротарь, 14) журыло, 15) крутый рядъ, 16) горщикъ, 17) сосненька, 18) ворота, 19) грушка, 20) сваты, 21) бильце, 22) билоданчикъ, и парубоцкія: 23) деркачъ, 24) дзвинъ, 25) хвистъ, 26) котъ, 27) лозы, 28) лубокъ, 29) перескички, 30) пынки, 31) шекало, 32) крамарь, 33) монастырь, 34) зграя, 35) Богъ и дидко, 36) дидъ, 37) шипорни, 38) плазъ, 39) вакъ и копецъ. Дѣвичьи игры сопровождаются пѣснями, къ которымъ приложены ноты. Игры №№ 1, 2, 3, 4, 9, 11, 13, 18, 23 приводятся въ нѣсколькихъ варіантахъ, такъ что всѣхъ №№ у Кольберга считается не 38, а съ варіантами 62. Описаніе игръ сдѣлано съ свойственной Кольбергу точностью.

16) *Потебня*, Объясненіе малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсенъ, 1883 г. Здѣсь находятся обширныя и въ высокой степени цѣнныя въ научномъ отношеніи изслѣдованія слѣдующихъ весеннихъ игръ и пѣсенъ: 1) сѣянье проса, 2) ворота, 3) воротарь, 4) мосты, 5) вербовая дощечка и 6) горю-дубъ.

17) *Szablewska*—подробное описаніе игры „Кривой танецъ“ подъ Збаражемъ, въ Żbiór wiadom. do antrop. krajow. 1883. VII.

18) *Сборникъ* матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа, изд. Управленія Кавказскаго учебнаго округа, т. V. 1886 г. Здѣсь описаны дѣтскія игры и забавы въ Кубанской и Терской областяхъ. Описаніе составлено учителями станичныхъ и городскихъ училищъ, по приглашенію Окружнаго начальства и по иниціативѣ д—ра Е. А. Покровскаго. Этотъ сборникъ дѣтскихъ игръ почти всецѣло вошелъ въ вышедшій вскорѣ сборникъ г. Покровскаго.

19) *Покровскій*, Дѣтскія игры, преимущественно русскія (съ 105 рисунками), 1887 г. Въ этомъ громадномъ и цѣнномъ сборникѣ дѣтскихъ игръ встрѣчаются изрѣдка и малорусскія. Огромное большинство—игры великорусскія; затѣмъ есть игры вотяцкія, калмыцкія, грузинскія. Въ обширномъ „введеніи“

г. Покровскій говоритъ объ историческомъ, этнографическомъ и педагогическомъ значеніяхъ дѣтскихъ игръ. Пѣсни исключены, поговорокъ почти совсѣмъ нѣтъ; отдѣльныхъ техническихъ словъ въ сборникѣ г. Покровскаго весьма мало.

20) *Исаевичъ* собралъ въ окрестностяхъ г. Переяслава значительное число дѣтскихъ игръ, которыя напечатаны были съ предисловіемъ г. Горленка въ іюньской книжкѣ „Кіевской Старины“ 1887 г. Здѣсь находимъ: 1) Игры въ мячъ: а) высокій дубъ, или горе-дубъ, б) гилка простая, в) гилка сложная, г) гилка матковая, или матка, д) чортючка, е) каша, ж) яйца пички (великорус. ямки), з) баранъ, и) стинка № 1, і) стинка № 2; 2) Игры въ карты: а) пьяныця, б) свиня, в) видьма, г) визъ, д) дурень, е) невирный дурень, ж) хвалька, з) цыганъ, и) сыжъ, і) хвыль, к) шистъ, л) хлюстъ, м) нисъ, н) скубки, о) джгутъ, п) манахвейка, р) лава; 3) игры въ палки и кости: а) даровище, б) швайка, в) швайка съ цуркою, г) цурка, д) булка или бурда, е) школубъ или генъ-генъ, ж) тыкало, з) голый у голого, и) шапучка, і) шалахва, к) шкареберть, л) шкандыбки, м) шуль, н) скракли, о) палочки, короли, п) паци (бабки); 4) Игры „Зборная дружина:“ а) коромысло, б) рипка, в) таранъ, г) шуба, д) перевозить бабу, е) пукалка, ж) сикавка, з) плести лозу, и) довга лоза, і) сухій вовкъ, к) мала куча, л) тисна баба, или давить олію, м) куца баба, или ци-ци баба, н) квачъ, о) горилки, п) кони, р) ковзалка, репалка с) спускалка, т) крутилка, у) гуси, ф) воронъ, х) котики, ц) сучка, ч) кулачки. Итого въ короткихъ чертахъ описано 10 игръ въ мячъ, 17 игръ въ карты, 16 игръ въ палки и кости и 24 игры „Зборной дружины“, итого 67 игръ; игры въ карты составляютъ любопытную новинку въ малорусской этнографіи. Пѣсни и поговорки опущены. „Мнѣ едва ли удалось записать и четвертую часть игръ, обращающихся въ названной мѣстности“ (т. е. переяславскомъ уѣздѣ), замѣчаетъ г. Исаевичъ въ концѣ своего сборника.

21) *Kopernicki* въ Zbiór wiadom. do antrop. krajow. XI 1887 г., въ этнографическомъ описаніи Волыни приводитъ весеннія игры: 1) жена, 2) зайчикъ, 3) нелюбъ и милый и 4)

кривой танецъ и затѣмъ дѣтскія игры: 1) горобець, 2) рожа, 3) гуси, 4) деревце, 5) прижмурки и 6) основа.

22) *Сумцовъ*, въ сент. кн. „Кіевской Старины“ 1889 г. помѣстилъ краткія замѣтки о слѣд. играхъ: 1) водить тополю, 2) король, 3) кугиклы, 4) воротарь, 5) кострубонько, 6) кулачки и 7) паци (бабки).

23) *Иксъ*, Zabawy, gry i tance ludowe w okolicy Międzyrzeca podlasniego, въ Wisła 1889; между прочимъ описаны малорусскія игры въ гуль (бѣгъ парубковъ въ перегонку), кота и щура, крука, войну и кругъ съ Полынкой (Пелагеей?).

24) *Wanke (Anna)*, Halahicki, въ Zbiór Wiadomosci 1889. XIII; 14 игръ парней и дѣвушекъ: мала купа, вѣжа, млынокъ, качало, проба ланцуха, гусакъ и кручокъ (парубоцкія); воробчикъ, мышки, колесо, дидъ, чадо, впустъ до раю и галя (дѣвичьи). Подробное изложеніе содержанія этихъ игръ сдѣлано въ I кн. „Живой Старины“ 1892 г.

Для широкихъ сравненій могутъ быть привлечены великорусскія дѣтскія игры въ статьѣ г. Хрущова въ „Извѣст. Геогр. Общ.“ 1885, въ сборникѣ г. Покровскаго 1887 г., въ сборникѣ г. Тиханова въ „Матер. для изуч. крест. быта“ 1889, сербскія въ „Животерба селяка“ Миличевича III 1877 (30 игръ), болгарскія въ Сборникѣ за народ. умотв. I 1889 (14 игръ) польскія въ „Lud“ Кольберга, томы 2, 3, 5, 9, въ ст. Петрова во 2 т. „Sbiór wiadom. do antrop. krajow„, въ старинномъ соч. Голембіовскаго „Gry i zabawky“; для болѣе широкихъ сравненій драгоцѣнный матеріалъ даютъ Либрехтъ въ соч. Zur Volkskunde, Тэйлоръ въ соч. „Первобытная культура“, особенно Плоссъ въ соч. „Das Kind in Brauch und Sitte der Völker“ 1884 г. и Роланъ въ соч. „Rimes et jeux de l'enfance“ и затѣмъ французскіе сборники Тарбе, Бюжо, Пюимегра, Арбо, сборники итальянскихъ дѣтскихъ игръ Анджелети, Форнари, Дальмедичо; еврейскія дѣтскія игры въ Этногр. Обозр. 1891 II.

О дѣтскихъ присказкахъ и поговоркахъ игорныхъ см. обильные матеріалы въ Wisła 1888 и 1889 годовъ (328, 660 и др.).

Научное значеніе дѣтскихъ игръ, собранныхъ г. Ивановымъ, съ трудомъ поддается общему опредѣленію. При изученіи тѣхъ

или другихъ сторонъ фольклора можно пользоваться съ успѣхомъ этимъ сборникомъ. Я позволю при этомъ указать на свои статьи о воронѣ и зайцѣ (въ Этнограф. Обозр.), въ которыхъ нашли мѣста двѣ, какъ я думаю, весьма древнія игры, взятыя изъ сборника г. Иванова. Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ играхъ можно усмотрѣть остатки древняго почитанія силъ и явленій природы (дѣтскія приказки о дождѣ, обращенія къ божьей коровкѣ, или солнышку), можно подмѣтить слабыя историческія воспоминанія (набѣги татаръ), или историко-бытовыя культурныя переживанія (лукъ самострѣлъ, кулачки).

Въ III т. Сборника Харьк. Историко-Филол. Общества (1891 г.) г. Ивановъ помѣстилъ обширный *сборникъ народныхъ разсказовъ о вѣдьмахъ и упыряхъ*. Изъ краткаго предисловія г. И. видно, что сборникъ составлялся въ теченіе 14 лѣтъ изъ матеріаловъ, доставленныхъ учителями и учительницами сельскихъ училищъ. Въ началѣ сборника приведены общія народныя понятія о вѣдовствѣ; затѣмъ слѣдуютъ 14 пріемовъ опредѣленія вѣдьмъ, раздѣленіе ихъ на родимыхъ и робленыхъ, о полетахъ ихъ на шабашъ, оберегахъ коровъ (нѣсколько разсказовъ о собакѣ ярчукѣ), много разсказовъ объ оборотничествѣ вѣдьмъ чаще всего въ бѣлую собаку, иногда въ свинью, клубокъ, копну, колесо, муху, яблоко.—Далѣе слѣдуютъ разсказы о томъ, какъ вѣдьмы обращали людей въ животныхъ, производили засуху, о смерти и посмертныхъ явленіяхъ вѣдьмы. Сборникъ оканчивается немногими разсказами объ упыряхъ. Наиболѣе обширный и цѣнный отдѣлъ—сказки о превращеніяхъ. Многія сказки въ этомъ сборникѣ г. Иванова представляютъ историко-литературный интересъ, напр.: сказка о злой женѣ и ея мужѣ, весьма сходная съ сказкой „Диковина“ въ сборникѣ Манжуры, подробно разсмотрѣнной нами въ другомъ мѣстѣ, сказка о ѣздѣ парубка на вѣдьмѣ, смерти ея и чтеніи надъ ней въ церкви псалтыри—сказки типа Гоголевскаго Вія, уже разсмотрѣнной нами въ мартовской Кн. Кіев. Старины 1892 г., цѣлый рядъ сказокъ на тему „Гусара“ А. С Пушкина и др.

Литература предмета весьма обширна. Въ томъ же III т. Сборника я помѣстилъ библіографическій указатель сочиненій

о вѣдьмахъ и упыряхъ въ 408 №№ (204 соч. на русскомъ языкѣ, 83—нѣмецкомъ, 58—французскомъ, 33 польскомъ, 11 италіанскомъ, по 6 на англійскомъ и чешскомъ, 4 болгарскомъ, 2 сербскомъ и 1 на латинскомъ). Нѣтъ надобности здѣсь поясня̀ть, что эта библіографія далеко не исчерпываетъ предмета, чрезвычайно сложнаго и обширнаго. Отсылая интересующихся фолклоромъ къ этому указателю, я отмѣчу здѣсь, что о малорусскомъ колдовствѣ съ наибольшей подробностью, не считая г. Иванова, говорятъ Кольбергъ въ III т. „Pokucie“ Антоновичъ въ 1 т. „Трудовъ“ Чубинскаго, Драгомановъ въ Малор. нар. преданіяхъ, Чубинскій въ 1 т. „Трудовъ“, Ефименко въ Кіев. Стар. 1883 VI и XI, Кулишъ во II т. „Записокъ о юж. Руси“, Подберескій въ IV т. „Zbiór Wiadomości“, Рокоссовская въ XIII т. „Zbiór Wiadomości“, Руликовскій (ibid. т. III) и Сумцовъ въ „Культурныхъ переживаніяхъ“.

Какъ минимальное условіе при изданіи новыхъ матеріаловъ о малорусскихъ вѣдьмахъ и упыряхъ, можно поставить предварительное сличеніе ихъ, по крайней мѣрѣ, съ двумя наиболѣе подробными сборниками Иванова и Кольберга.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Отрывки изъ записокъ Автонома Акимовича Солтановскаго.[1)]

Не могу не вспомнить еще одного эпизода изъ моей гимназической жизни. Гимназія была въ 17 верстахъ отъ мѣстожительства моихъ родителей. Мать въ хорошую погоду и при хорошей дорогѣ посѣщала меня почти каждое воскресенье, привозила мнѣ изъ нашего сада фрукты и иногда домашнія печенія. Все это я истреблялъ съ товарищами дня въ три. За такое потчиваніе товарищи мнѣ уступали во всѣхъ играхъ первенство. Это мнѣ льстило. Мать мнѣ иногда оставляла на сласти коп. 10, 15 сер. Сластями я тоже дѣлился съ товарищами. Но случалось иногда для поддержанія первенства угощать товарищей въ такое время, когда у меня не было ни денегъ, ни печеній, ни фруктовъ. Я рѣшился кредитоваться у еврея, всегда торчавшаго со сластями подлѣ нашей квартиры. Съ полученіемъ денегъ я расплачивался съ евреемъ, но все таки къ концу года образовался должокъ въ 45 коп. сер. Стыдясь сознаться отцу, который за мной пріѣхалъ, я молилъ Бога, чтобы мнѣ удалось ускользнуть домой, не встрѣтясь съ евреемъ и не давши ему возможности обратиться къ отцу. Это мнѣ дѣйствительно удалось; но хотя я ему надѣялся уплатить послѣ вакацій, однако совѣсть моя не была покойна. Чуть залаютъ собаки, я такъ и жду—не явился-ли еврей. Вакаціи приходили къ концу. Я началъ успокаиваться. Но вотъ однажды отецъ, возвращаясь со службы, у воротъ нашихъ засталъ противнаго еврея, который

[1)] См. Кіевская Старина, 1892 г., № 6.

поджидалъ случая увидѣться со мною. Дѣло объяснилось. Отецъ заплатилъ еврею 45 коп. и объявилъ, что если онъ посмѣетъ впередъ отпускать мнѣ въ кредитъ, то деньги ему не будутъ уплочены. Отецъ никогда меня не наказывалъ тѣлесно, не дозволялъ наказывать и матери; никогда не горячился, не кричалъ, но только становился угрюмымъ, несообщительнымъ со мною, а затѣмъ, когда я, вполнѣ сознавъ свою вину, приносилъ извиненіе, отецъ дѣлалъ мнѣ замѣчаніе и наставленіе. Вслѣдствіе такого обращенія отца со мною, я ужасно боялся сдѣлать ему непріятное и тѣмъ измѣнить его обращеніе со мною. Мать позволяла себѣ меня бранить, прикрикивала на меня, за то я ея менѣе боялся, менѣе любилъ и держалъ себя неосторожно и даже непочтительно въ ея присутствіи. Я тогда только смирялся и просилъ прощенія, когда она успокоившись, объявляла, что все перескажетъ отцу. И по дѣлу еврея отецъ ничего не сказалъ мнѣ, но я замѣтилъ въ немъ перемѣну относительно меня. Мнѣ было больно, и я самъ заговорилъ, обѣщая никогда не дѣлать долговъ. Отецъ добрымъ голосомъ заговорилъ со мною, и сталъ мнѣ давать наставленія. Съ тѣхъ поръ и до 60 лѣтъ жизни во всѣхъ трудныхъ обстоятельствахъ я изворачивался такъ, что никогда не заводилъ долговъ.

Всѣ сослуживцы мои въ гимназіи, за исключеніемъ инспектора Т—ова, учителя Петра Дмитріевича К—ка и гимназическаго надзирателя П—скаго, оказались люди весьма добрые. Но почти всѣ они исполняли свои учительскія обязанности рутинно-механически. Впрочемъ, какъ я удостовѣрился впослѣдствіи, иначе они исполнять ихъ и не могли. Опредѣленная до мелочей программа, наборъ однихъ подходящихъ фактовъ, шпіонство надзирателя П—скаго, ревнивое наблюденіе Т—ова и Траутфеттера ставили учителей историческихъ наукъ и словесности въ механическихъ исполнителей программы и заставляли ихъ безъ всякихъ объясненій ограничиваться учебниками. Это рождало апатію, равнодушіе къ службѣ. П—скій вслѣдствіе полномочій отъ Т—ова постоянно подслушивалъ у дверей и позволялъ даже себѣ подъ разными предлогами входить въ классъ и прерывать занятія. Это порождало столкновенія между

учителями и инспекторомъ. Ученики за шпіонство и доносы не терпѣли П—скаго, и онъ былъ даже нѣсколько разъ ночью поколоченъ. Т—овъ употреблялъ его еще, какъ посредника при полученіи взятокъ съ учениковъ и какъ подрядчика общихъ квартиръ. Учителя языковъ и математики, хотя были менѣе стѣснены, но и они проникались общимъ духомъ апатіи и служили спустя рукава, лишь-бы благополучно отбыть ревизію попечителя округа или инспектора казенныхъ училищъ. Вообще для тѣхъ проходила благополучно ревизія, которые были хорошо рекомендуемы директоромъ и инспекторомъ, а прочимъ дѣлались замѣчанія со словъ директора и инспектора.

Послѣ венгерской компаніи введенъ былъ въ преподаваніе новый предметъ, поглотившій все вниманіе и усердіе инспектора. Стали обучать всѣхъ безъ исключенія учениковъ равненію, выправкѣ военной и маршировкѣ. Это ежедневно поглощало нѣсколько часовъ. Инспекторъ нашъ былъ впрочемъ человѣкъ не безъ способностей, мастеръ былъ писнуть, даже стихи. Одни изъ нихъ появились въ „Сѣверной Пчелѣ“ по случаю высадки союзниковъ въ Крыму. Въ этихъ стихахъ онъ изобразилъ Россію незыблемымъ утесомъ, о который должны разбиться всѣ усилія Европы. Т—овъ былъ сынъ коммиссаріатскаго чиновника. Отецъ его скоропостижно умеръ. Мать съ небольшимъ сбереженіемъ поселилась въ Кіевѣ и опредѣлила сына въ гимназію. Здѣсь онъ встрѣтился и подружился съ ученикомъ Л—овымъ. Окончивъ 6 классовъ, Т—овъ опредѣлился въ гражданскую службу, но когда Л—овъ, въ должности столоначальника въ канцеляріи учебнаго округа, получилъ вліяніе на дѣла округа, Т—овъ перешелъ въ учебную службу. Назначенъ былъ учителемъ въ уѣздное училище, а затѣмъ младшимъ учителемъ въ Каменецъ-Подольскую гимназію. Онъ выдавалъ себя за родственника Л—ова, и какъ только Л—овъ достигъ должности правителя канцеляріи округа, Т—овъ сейчасъ назначенъ былъ исправляющимъ должность, а затѣмъ и инспекторомъ въ Ровенскую гимназію. Т—овъ отлично владѣлъ польскимъ языкомъ, ѣздилъ кутить и жуировать въ окрестности Каменца къ мелкопомѣстнымъ польскимъ помѣщикамъ

и управляющимъ крупными имѣніями; успѣлъ понравиться дочери какого-то управляющаго, женился на ней, и получилъ въ приданое 5000 р. сер. Эта молодая женщина скоро умерла отъ родовъ, оставивъ ему трехъ сыновей. Т—овъ все время служенія его инспекторомъ, а затѣмъ директоромъ въ Ровенской гимназіи боялся меня, какъ огня, и старался подъ меня поддѣлываться; хотя я зналъ навѣрное, что подвернись только случай, онъ поспѣшилъ бы утопить меня въ ложкѣ воды. Къ счастію у меня и по должности надзирателя общихъ квартиръ, и по должности учителя все было въ должномъ порядкѣ. Траутфеттеръ, сталъ хлопотать черезъ брата о переходѣ въ другую гимназію. Вскорѣ ему представился случай перейти на высшее мѣсто директоромъ гимназіи и училищъ Подольской губерніи. Тамъ директорствовалъ Р—енко, переводчикъ одной изъ драмъ Шекспира и, кажется, сотрудникъ „Морскаго Вѣстника“. Онъ сначала служилъ директоромъ училищъ на Кавказѣ. Изъ Каменца по какимъ то причинамъ рѣшили его перевести на низшее мѣсто въ Ровно. Траутфеттеру сослуживцы не сдѣлали ни прощальнаго обѣда, ни вечера, потому что онъ былъ только сносный начальникъ, но, за исключеніемъ нѣмцевъ, никого изъ сослуживцевъ не жаловалъ и ни въ чемъ имъ не оказывалъ никакого содѣйствія. Р—енко, сухой, средняго роста человѣчекъ, блондинъ, съ огромною плѣшью, въ очкахъ, держалъ себя сановникомъ. Обошелъ классы разъ по пріѣздѣ своемъ передъ Рождеетвомъ и затѣмъ не показывался въ гимназію до самыхъ экзаменовъ. Учителямъ визита не сдѣлалъ и у себя ихъ не принималъ. Его можно было видѣть только на нѣсколько минутъ во время полученія жалованья, которое онъ раздавалъ самъ лично. Никто изъ учителей, за исключеніемъ Петра Дмитріевича Коленка, не былъ никогда имъ приглашенъ присѣсть. Р—енко пріѣхалъ въ каретѣ съ крѣпостными людьми. Визиты сдѣлалъ только высшей городской чиновной аристократіи, съ которой игрывалъ въ карты. Одинъ только Петръ Дмитріевичъ Коленко достигъ таки того, что Р—енко сталъ приглашать его къ себѣ на чай и принималъ наравнѣ съ другими своими гостями и игрывалъ съ нимъ въ карты. Посред-

ствомъ Коленка и Т—ва, Р—енко, какъ говорили, сталъ брать взятки за переводъ учениковъ изъ класса въ классъ.

Р—енко былъ въ Ровно директоромъ около двухъ лѣтъ; онъ дослуживалъ только пенсію, и въ эти два года гимназія пришла въ значительный упадокъ. Учителя дѣлались все апатичнѣе къ своимъ занятіямъ, тѣмъ болѣе, что Т—овъ съ Коленкомъ, подъ главенствомъ директора, отняли у нихъ почти все вліяніе, и отмѣтки учительскія въ мѣсячныхъ вѣдомостяхъ и экзаменаціонныхъ спискахъ ровно ничего не значили: переводы рѣшительно дѣлались по волѣ директора.

Въ Ровенской гимназіи еще свѣжи были преданія о директорствѣ Аврамова. Его, однако, не смотря на многіе его недостатки, всѣ любили и хвалили. Онъ, говорятъ, бралъ взятки, но живностью и всякою провизіей, которую везли Аврамову со всѣхъ сторонъ, онъ охотно дѣлился съ учителями. Онъ велъ знакомство и въ городѣ, но учителя у него были свои люди, товарищи. Л—овъ, правитель канцеляріи попечителя округа, получалъ отъ него подарки. При Абрамовѣ учитель латинскаго языка сколотилъ капиталъ за уроки въ 12000 руб. Другимъ учителямъ жилось тоже не дурно. Не смотря на это, Абрамовъ былъ повышенъ. Его перевели директоромъ Житомирской гимназіи и училищъ волынской губерніи. При Траутфеттерѣ и Т—овѣ инспекторѣ гимназія въ учебномъ отношеніи не улучшилась, а учителямъ сдѣлалось плохо. Начальство учителей смяло и преградило имъ всякій путь къ наживѣ. На жалованье семейнымъ почти нельзя было жить—его не хватало. Я засталъ въ Ровно слѣдующихъ учителей: законоучителя протоіерея Омелянскаго, ксендза капеллана, учителя законовѣдѣнія Невгадова, учителя словесности Тихомирова, учителя исторіи Юскевича, учителей латинскаго языка: Епифановича и Славутынскаго, учителей математики: Кирилла Петровича Яновскаго и Петра Дмитріевича Коленка. Младшихъ учителей: Гриневскаго—русскаго языка; нѣмецкаго языка учителей Баландина и Виттенбурга и французскаго языка

Лемпъ [1]). Учителемъ приходскаго училища былъ молодой человѣкъ Михальскій, воспитанникъ Ровенской гимназіи. Гимназическими надзирателями были: Пухальскій и Маруничъ. Апатія, приниженность, обособленность, недостатокъ средствъ— все это способствовало тому, что учителя во время праздниковъ позволяли себѣ кутнуть до опьяненія; этому помогала и привычка, усвоенная еще въ университетѣ. Никто наукою не занимался, никто не слѣдилъ за своимъ предметомъ. Впрочемъ, повальнаго пьянства не было, а время проводили въ игрѣ въ карты въ преферансъ по небольшой. Одинъ только Коленко (Петръ) игралъ по большой. Игралъ еще по большой Яновскій [2]), который имѣлъ въ Малороссіи небольшое имѣніе и оттуда аккуратно получалъ доходы; игралъ еще Тихомировъ, проигравшій все, что имѣлъ, и Невгадовъ, получившій послѣ отца, полковника 12 года, въ наслѣдство 3000 р. Родная сестра Невгадова была за Сухозанетомъ, впослѣдствіи военнымъ министромъ, но Невгадовъ съ нею не сносился и не хотѣлъ пользоваться покровительствомъ зятя. Играли учителя въ карты главнымъ образомъ потому, что установить другой родъ развлеченія было невозможно. Литературные вечера, музыкальные или просто собранія знакомыхъ и сослуживцевъ, если только на нихъ не происходила картежная игра, никого не занимали. Траутфеттеровскіе буттерброды тоже соединены были съ игрою въ карты.

Вообще нужно сказать правду, что всѣ тогдашніе учителя были добрые люди, добрые товарищи и хорошо обращались съ учениками; исключеніе составлялъ одинъ Петръ Коленко. Нѣмцы сталкивались постоянно съ учениками, не умѣя съ ними обращаться, и ученикамъ изъ-за нихъ таки доставалось отъ начальства; но такъ какъ и ученики бывали не вполнѣ правы въ этихъ столкновеніяхъ, а иногда сами затѣвали ихъ съ умысломъ, то расположеніе учениковъ къ нѣмцамъ было такъ же хорошо, какъ и къ прочимъ наставникамъ. Одного Коленка Петра всѣ

---

[1]) Пропущенъ учитель географіи—Зражевскій или Малавскій.—Ред.

[2]) Впрочемъ, очень рѣдко.—Ред.

ненавидѣли. Траутфеттеровскій режимъ не нравился учителямъ, и кто могъ—старался перейти въ другое мѣсто. Кириллъ Петровичъ Яновскій перешелъ раньше другихъ въ одесскій округъ [1]); за нимъ послѣдовалъ туда-же Тихомировъ. О послѣднемъ я ничего не слыхалъ болѣе [2]). Кириллъ же Петровичъ Яновскій женился на весьма богатой молдаванкѣ и вскорѣ получилъ мѣсто директора Кишиневской гимназіи и училищъ бессарабской области. Онъ и гимназію и училища, по разсказамъ, привелъ въ порядокъ и, главное, открытою жизнью и милымъ характеромъ пріобрѣлъ всеобщее уваженіе и дружбу вліятельныхъ лицъ.

Мнѣ удалось получить послѣ Тихомирова мѣсто старшаго учителя словесности русской и надзирателя общихъ квартиръ и казенную комнату. Жалованье мое возрасло до 600 р. въ годъ, такъ что я, одинокій человѣкъ, почувствовалъ себя нѣсколько обезпеченнымъ и могъ, не стѣсняясь, пособлять родителямъ. Т—овъ въ это время ко мнѣ еще благоволилъ, а Траутфеттеръ цѣнилъ мое усердіе и видимые успѣхи учениковъ, такъ что мнѣ удалось получить повышеніе по должности и надзирательскую должность, не уплативъ никому ни копѣйки взятки. Я въ карты не игралъ, не пилъ ничего, и потому только изрѣдка посѣщалъ товарищей и, порядочно скучая, весь занялся своимъ предметомъ и чтеніемъ. Принялъ безплатно въ свое вѣдѣніе гимназическую библіотеку, учредилъ по подпискѣ между учениками ученическую библіотеку, самъ раздавалъ ученикамъ книги ежедневно послѣ уроковъ. Это заняло все мое время. Поляки ученики стали заинтересовываться русскими писателями. нѣкоторые даже увлекались чтеніемъ; русскій языкъ видимо сталъ дѣлать успѣхи въ гимназіи: все менѣе и менѣе встрѣча-

---

[1]) Теперь Попечитель Кавказск. Учебн. Округа. Здѣсь, кажется, авторъ записокъ ошибается: К. П. Яновскій, насколько намъ извѣстно, ушелъ изъ Ровно, благодаря недовольству его директорствомъ Аврамова, а не Траутфеттера, о чемъ онъ самъ говорилъ, прощаясь съ знакомыми въ Ровно; но дѣйствительно, переводъ его, кажется, состоялся уже въ то время, когда Аврамовъ былъ назначенъ въ Житомиръ.—Ред.

[2]) Окончилъ службу въ должности директора Керченской гимназіи.—Ред.

лось ошибокъ въ правописаніи, стали являться замѣчательно хорошія сочиненія и по изложенію, и по языку, и по содержанію. Нѣкоторые ученики 7 класса стали представлять цѣнныя диссертаціи, обнаруживавшія начитанность и привычку пользоваться матеріаломъ. Я торжествовалъ, но начальство мало обращало на это вниманія.

Съ городскимъ обществомъ я вовсе не знакомился: оно мнѣ было не по душѣ; благодаря товарищамъ я близко ознакомился съ дѣятельностью, характеромъ каждаго изъ членовъ этого общества и общимъ его направленіемъ. Въ городѣ жилъ съ семействомъ пенсіонеръ, бывшій директоръ Иркутской гимназіи, статскій совѣтникъ Линденъ. Онъ и его супруга были страстные любители игры въ карты, потому въ ихъ квартирѣ часто сходились городскіе аристократы и холостые учителя гимназіи, бывшіе въ состояніи поддерживать игру и любившіе потанцовать. Въ этомъ домѣ бывали: Тихомировъ, Коленко Петръ, Яновскій, Юскевичъ, Невгадовъ, а изъ женатыхъ Славутынскій. Другой домъ, гдѣ бывали тѣ же учителя, былъ домъ окружнаго начальника надъ казенными имѣніями, Жуковскаго. Это были простые, добрые люди, окруженные огромнымъ семействомъ. У нихъ была дочь невѣста, Октавія, страшно избалованная родителями и довольно некрасивая блондинка. Родители готовы были выдать ее за всякаго, кто ей приглянется. Они жили открыто, каждый день въ домѣ были гости, шла карточная игра, и часто танцовали. Они пользовались общимъ уваженіемъ и любовью. Онъ не дѣлалъ притѣсненій по службѣ, но деньги, и провизія и безъ того поступали въ карманъ къ окружному. Старикъ Жуковскій думалъ, что, служа честно, онъ до смерти будетъ окружнымъ, и ничего не сберегалъ. Но вотъ управляющимъ казенными имѣніями Волынской губерніи сдѣланъ какой то баронъ, нѣмецъ. Онъ сейчасъ же уволилъ одного за другимъ бывшихъ окружныхъ и на ихъ мѣста назначилъ новыхъ. Жуковскій не перенесъ этого удара—умеръ. Вдова съ огромнымъ семействомъ переѣхала въ Житомиръ и стала содержать себя трудами своихъ рукъ и кормленіемъ квартирантовъ — учениковъ гимназіи, а дочь сдѣлалась швеей и

замужъ не вышла. Пенсію вдовѣ съ дѣтьми за 35 лѣтъ службы мужа назначили въ годъ 200 руб. Аптекарь Степунковскій, какъ горячій польскій патріотъ, человѣкъ состоятельный, водился со сливками ровенскаго чиновничества и съ окрестными помѣщиками, а изъ учителей принималъ у себя одного Славутынскаго. Городничій Петре, полякъ, служившій прежде въ канцеляріи генералъ-губернатора, занималъ большое помѣщеніе, состоявшее изъ дома и флигеля, лежавшаго на самомъ берегу прудовъ. Петре былъ холостъ. Ежедневно по вечерамъ и ночамъ игралъ въ карты, но игралъ неудачно. Въ годъ, какъ говорили, проигрывалъ до 4000 р. сер. При немъ городъ былъ переполненъ контрабандой, и происходили по ночамъ неслыханныя воровства и даже грабежи. Когда его перевели въ Липовецъ, то оказалось, что всѣ купцы евреи ему должны по нѣсколько тысячъ. Мнѣ сознавался одинъ купецъ еврей, что Петре для нихъ былъ дороже родного отца, что у него будтобы во флигелѣ былъ главный складъ контрабанды, доставляемой туда по ночамъ на лодкахъ. Купцы за укрывательство и сбереженіе контрабанды платили ему порядочные проценты. Петре приглашалъ къ себѣ иногда учителей, игравшихъ въ карты, со Славутынскимъ же игралъ гдѣ нибудь ежедневно.

Сливки ровенскаго аристократическаго общества составляли дома: капитана инвалидной команды Ишлинскаго—поляка; исправника Аренса; стряпчаго, тоже поляка, товарища исправника по университету; городоваго врача, поляка изъ евреевъ Тарногродскаго; уѣзднаго врача, поляка, Левинскаго; холостяка старика уѣзднаго судьи Голубовскаго. Выше же всѣхъ, какъ нѣчто очень аристократическое, считался домъ польки, полковницы Павловой. Они жили въ собственномъ каменномъ помѣщеніи, расположенномъ въ саду. Этотъ садъ и домъ ей подарили князья Любомирскіе; она была, по словамъ однихъ, воспитанницей, а по словамъ другихъ—незаконной дочерью Любомирскаго. Говорили также, что она отличалась необыкновенной красотой, которой и плѣнила Павлова. У нея были двѣ взрослыя дочери, перешедшія за 20-лѣтній возрастъ, и сынъ. Они держались вдали ото всѣхъ, бывали у князя Любомир-

скаго, какъ свои люди, и только изрѣдка являлись у кого-нибудь изъ мѣстной аристократіи на вечерахъ. Быть принятымъ у Павловой считалось особенно лестнымъ даже аристократамъ ровенскимъ.

Ишлинскій не имѣлъ никакого состоянія, получалъ жалованья менѣе 300 руб. въ годъ, но доходы отъ продовольствія и обмундированія команды, отъ огромнаго огорода, обрабатываемаго безмездно этой командой, давали Ишлинскому порядочныя средства для жизни. Дѣтей у Ишлинскихъ не было, но страсть ихъ была хорошо и открыто жить и непремѣнно быть въ городѣ въ числѣ первыхъ. Кромѣ именинъ, онъ давалъ по балу ежемѣсячно. Ежемѣсячно вся аристократія у него танцовала подъ бальную музыку, ѣла, пила, играла въ карты,— тутъ бывали даже и тѣ, до которыхъ стали доходить подозрительные объ Ишлинскомъ слухи, и которыхъ прямою обязанностью было бы принять противъ него мѣры и обо всемъ донести высшимъ властямъ. Не знаю, знало ли обо всемъ этомъ губернское начальство, по крайней мѣрѣ ничѣмъ оно не обнаружило въ этомъ дѣлѣ своего авторитета. Евреи стали слать анонимныя жалобы и доносы на Ишлинскаго корпусному командиру внутренней стражи. Явились для дознанія разные лица играли у Ишлинскаго въ карты, пили, угощались, танцовали, и Ишлинскій оставался бѣлѣе снѣга, а всѣ жалобы и доносы оказывались злобною клеветою его враговъ. Но корпусному наконецъ надоѣло,—онъ рѣшилъ перевести Ишлинскаго въ другой городъ. Благопріятели предувѣдомили Ишлинскаго. Онъ струсилъ: съ переводомъ его все могло обнаружиться. Но еврей факторъ, принимавшій участіе во всѣхъ его злоупотребленіяхъ, боясь за собственную свою шкуру, какъ то выручилъ Ишлинскаго. Но вотъ въ городѣ расположился, какой не помню, пѣхотный полкъ. Командовалъ имъ полковникъ Бибиковъ, богатый холостякъ. Бибикову какъ то удалось раскрыть всѣ беззаконія и злоупотребленія Ишлинскаго, онъ донесъ обо всемъ генералъ-губернатору, корпусному внутренней стражи и военному министру. Ишлинская полетѣла въ корпусную квартиру, но спасти мужа уже оказалось невозможнымъ. Онъ былъ

преданъ суду и посаженъ въ Житомирѣ на военную гауптвахту. Бибиковъ имѣлъ большія связи въ Петербургѣ, и съ нимъ оказалось невозможнымъ бороться и замять все дѣло. До окончанія суда Ишлинскій заболѣлъ и умеръ въ военномъ госпиталѣ, а жена выхлопотала право содержать у себя на квартирѣ гимназистовъ Житомирской гимназіи, которымъ внушала ненависть къ Россіи и ея правительству. Сдѣлавшись ярою патріоткой, она имѣла у себя на квартирѣ постоянно состоятельныхъ учениковъ, завела связи со всѣмъ враждебнымъ правительству, домъ свой опять поставила на аристократическую ногу и въ манифестаціяхъ 62 и 63 годовъ играла не послѣднюю роль. Не имѣй полковникъ Бибиковъ связей—дѣло вѣроятно было-бы замято.

Городовой врачъ Т—скій, горячій польскій патріотъ, женатый на полькѣ патріоткѣ, старался держать свой домъ въ уровень съ самыми аристократичными. Онъ давалъ балы и устраивалъ карточные вечера. Около его красивой брюнетки дочери, съ манерами очень развязными, но не лишенными граціи, всегда увивались квартировавшіе въ городѣ офицеры, и наконецъ ей удалось выйти замужъ за адъютанта какого то генерала. Т—скій жилъ хорошо. Больница городская доставляла ему доходъ. Но главныя доходныя статьи Т—скаго были: 1) рекрутскій пріемъ, доставлявшій ему ежегодно тысячи четыре и 2) выдача разрѣшеній для погребенія умершихъ евреевъ. За каждое такое разрѣшеніе онъ установилъ плату по полуимперіалу золотомъ, а съ зажиточныхъ евреевъ бралъ по три и по пять полуимперіаловъ. Евреямъ эти разрѣшенія стояли поперекъ горла. Они жаловались, писали анонимныя письма, но все напрасно. Наконецъ евреи придумали ловушку Т—скому. Явилась еврейка съ воплемъ поздно ночью къ Т—скому и, подавая ему полуимперіалъ, просила разрѣшенія похоронить умершаго мужа. Т—скій выдалъ разрѣшеніе. А черезъ мѣсяцъ это разрѣшеніе было представлено при жалобѣ губернатору, съ поясненіемъ, что Т—скій за деньги, уплоченныя ему врагами жалобщика, сдѣлалъ распоряженіе похоронить его, хотя онъ никогда не болѣлъ и не умиралъ, и что его жизни теперь грозитъ опасность, такъ какъ враги, на основаніи разрѣшенія

Т—скаго, могутъ схватить и похоронить живымъ жалобщика. При этомъ указывались всѣ злоупотребленія Т—скаго. Назначено было разслѣдованіе, которое замяло все дѣло, и Т—скаго только перевели въ другой городъ.

Л—скіе были люди весьма порядочные, гостепріимные, любезные и отличались замѣчательнымъ тактомъ. У нихъ не было заносчивости и надутости другихъ чиновныхъ аристократовъ. Вечера ихъ не отличались роскошью, напротивъ были очень скромны относительно угощенія; но за то у нихъ было все прилично и весело. Двѣ дочери невѣсты, очень недурныя, Камилла и Олимпія, были музыкальныя и премилыя дѣвушки. Извѣстно, впрочемъ было, что Л—скіе сильно преданы польскому патріотизму и близки съ ксендзами. Кромѣ собственнаго дома у нихъ ничего не было. Братъ Л—скаго, студентъ—медикъ кіевскаго университета, не безъ задней мысли, познакомился со мною передъ моимъ выѣздомъ въ Ровно, просилъ передать брату письмо и просилъ бывать въ домѣ брата. Изъ учителей впрочемъ никто не ухаживалъ за Л—скими дѣвушками потому, что домъ этотъ считался во первыхъ вполнѣ польскимъ; а во вторыхъ дѣвушки привыкли къ такой обстановкѣ, которой учитель не въ состояніи имъ былъ дать. Камилла вышла замужъ за стряпчаго, а Олимпія осталась въ дѣвушкахъ и въ 1863 году принимала живое участіе въ патріотическихъ манифестаціяхъ, за что и отсидѣла въ Житомірѣ подъ арестомъ. Сынъ Л—скаго, отличный ученикъ, окончилъ гимназію съ медалью, а университетъ со степенью доктора медицины.

Былъ еще въ Ровно одинъ домъ, считавшійся аристократичнымъ, домъ Ц—скаго, который основалъ въ городѣ винную торговлю французскими винами, получаемыми прямо съ мѣста ихъ выдѣлки, и при этой торговлѣ открылъ буфетъ. Ц—скій былъ въ эмиграціи во Франціи вмѣстѣ съ вторымъ братомъ Павловой еще съ 1831 года. Братъ Павловой женился на дочери французскаго виноторговца, и по возвращеніи на родину вмѣстѣ съ Ц—скимъ сталъ торговать винами.

Хотя эта торговля пошла весьма успѣшно, такъ какъ окрестные помѣщики были охотники до хорошихъ винъ и съ

удовольствіемъ ихъ пили и покупали у польскихъ патріотовъ, но Павловой и Любомирскимъ не нравилось, что братъ торгуетъ. Поэтому, вся торговля осталась въ рукахъ Ц—скаго, а братъ Павловой взялъ аренду. Ц—скіе вели знакомство съ окрестными помѣщиками, а въ городѣ только водились съ домами Павловой, Л—скимъ и Степулковскимъ.

У инженера, маіора шоссейнаго, никто изъ учителей не бывалъ. На званіе учителя онъ и его семейство смотрѣли пренебрежительно. Былъ еще въ городѣ состоятельный человѣкъ полякъ докторъ Лямпрехтъ. Онъ не имѣлъ дѣтей и жилъ вдвоемъ съ молодою еще женою въ собственномъ домѣ недалеко отъ аптеки. Лямпрехтъ былъ глубокій старикъ и отличный докторъ и акушеръ. Онъ лѣчилъ богатыхъ помѣщиковъ и нажилъ порядочное состояніе. Въ городѣ Ровно онъ поселился на отдыхъ и весьма рѣдко выѣзжалъ въ окрестности къ больнымъ. Въ городѣ же лѣчилъ почти безвозмездно, и отъ учителей вознагражденія не принималъ, называя ихъ коллегами академиками. Лямпрехтъ въ карты не игралъ и вечеровъ не давалъ. Знакомство велъ только съ Степулковскимъ и Л—скимъ, хотя на вечерахъ у нихъ никогда не являлся ни онъ, ни его жена. Въ городѣ былъ еще состоятельный человѣкъ, глубокій старикъ казначей Лучинскій. У него были дома, садъ, большое хозяйство и собственная земля, на которой онъ производилъ посѣвъ хлѣба. Дочерей отъ перваго брака онъ уже пристроилъ, а отъ втораго брака у него былъ только одинъ сынъ гимназистъ. Лучинскій дружилъ только съ домомъ Жуковскаго, стараго сослуживца по житомірской казенной палатѣ; приглашалъ онъ къ себѣ на чай, ужины и обѣды исключительно однихъ только учителей; нѣкоторые изъ нихъ репетировали съ его сыномъ. Сынъ кончилъ гимназію и юридическій факультетъ университета.

Частью къ городскимъ жителямъ, а частью къ училищному штату принадлежалъ протоіерей Омелянскій. Онъ часто давалъ карточные и танцовальные вечера, потому что у него было двѣ дочери невѣсты. Учителя всѣ бывали на этихъ вечерахъ. Кромѣ дочерей, у Омелянскаго было еще два сына.

Оба они по окончаніи семинаріи поступили въ университетъ на медицинскій факультетъ и оба умерли отъ чахотки, служа военными докторами. Старшая дочь вышла за мужъ за подсудка уѣзднаго суда и годъ спустя умерла тоже отъ чахотки. Самъ Омелянскій, воротившись зимою изъ бани, отслужилъ въ своемъ холодномъ соборѣ вечерню, простудился и въ нѣсколько дней умеръ. Младшая дочь, полная краснощекая дѣвушка, умерла спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ смерти отца. Такъ что въ теченіе трехъ лѣтъ вымерло все семейство Омелянскихъ, за исключеніемъ самой Омелянской, еще красивой, хорошо сохранившейся женщины. Омелянскій былъ некрасивъ, рябой блондинъ, высокаго роста съ жиденькой бородой. Эмеритъ [1]) учитель, полякъ Т—вичъ, содержалъ на квартирѣ учениковъ, воспитывалъ двоихъ сыновей въ гимназіи и разъ въ годъ тоже угощалъ учителей у себя. Онъ былъ страшный патріотъ; но весьма ловко велъ свои дѣла, такъ что во время возстанія и послѣ къ нему не могли придраться. Притомъ онъ состоялъ подъ особеннымъ покровительствомъ князей Любомирскихъ, помѣщиковъ города Ровно. Б—кіе, вошедшіе въ заговоръ готовившагося возстанія, боялись, что домъ ихъ можетъ въ случаѣ неудачи подвергнуться конфискаціи, и потому продали его разорившемуся помѣщику Д—скому, который, хотя еще пользовался своимъ имѣніемъ, чрезвычайно запутаннымъ, переѣхалъ на жительство въ городъ. Этого, кажется, требовало и участіе его въ политическомъ заговорѣ. Домъ онъ купилъ на имя жены и имѣніе тоже было переведено на ея имя, а самъ готовился въ предводители. Онъ прежде служилъ въ русской кавалеріи и знакомъ былъ съ военнымъ дѣломъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

[1]) Пенсіонеръ.

Присяга на вѣрность Императору Павлу въ юго-западномъ краѣ.

6 ноября 1796 года скоропостижно скончалась имп. Екатерина и на престолъ вступилъ ея сынъ Павелъ. Въ тотъ же день былъ изданъ соотвѣтствующій манифестъ съ повелѣніемъ о приведеніи подданныхъ къ присягѣ. Тогдашній начальникъ юго-западнаго края, минскій, волынскій, брацлавскій и подольскій генералъ-губернаторъ Тутолминъ, кромѣ манифеста, получилъ еще 22 ноября особое увѣдомленіе объ этомъ генералъ-прокурора гр. Самойлова и въ тотъ же день разослалъ правителямъ губерній распоряженіе съ самымъ подробнымъ наставленіемъ о томъ, въ какомъ порядкѣ должно происходить приведеніе подданныхъ къ присягѣ на вѣрность имп. Павлу. Распоряженіе это, обращая на себя вниманіе излишнею заботливостью о точной регламентаціи всѣхъ частностей и мелочей предстоящаго обряда, невольно заинтересовываетъ всякаго; особенно бросается въ глаза настойчивое требованіе быстроты въ исполненіи изданнаго распоряженія и тутъ, опять невольно, приходятъ на память тѣ своеобразныя и нѣсколько исключительныя обстоятельства, при которыхъ происходила перемѣна правленія.

Въ Житомирѣ Тутолминъ самъ присутствовалъ при выполненіи присяги жителями. Поджидали также изъ Острога еп. Варлаама, которому чрезъ вице-губернатора было заранѣе послано увѣдомленіе, но такъ какъ онъ къ назначенному дню не явился, то генералъ-губернаторъ, совершивъ обрядъ съ мѣстнымъ духовенствомъ, просилъ Варлаама ускорить выполненіе

„со стороны духовной сего священнѣйшаго долга вѣрноподданства съ подобающею ревностію, благоговѣніемъ и порядкомъ".

Подольскому же губернатору предварительно было сообщено, чтобы онъ пригласилъ мѣстнаго епископа Іоанникія и летичевскаго католическаго бискупа Сѣраковскаго въ Винницу, удержалъ здѣсь присутствующихъ и вызвалъ отсутствующихъ предводителей дворянства, а затѣмъ ждалъ дальнѣйшихъ распоряженій. 22 ноября, *„тогоже самаго момента по полученіи"* увѣдомленія отъ генералъ-прокурора, Тутолминъ и дѣлаетъ это распоряженіе и предписываетъ, чтобы *„въ тужъ минуту по пріѣздѣ нарочнаго"* съ его предписаніемъ собрать чиновниковъ „всѣхъ безъ изъятія степеней и орденовъ" въ православную и католическую соборныя церкви—сообразно религіи каждаго, обнародовать чрезъ губернскаго прокурора Высоч. манифестъ и указъ сената, выполнить всѣмъ, начиная съ высшихъ, свѣтскихъ и духовныхъ, лицъ въ губерніи, присягу „на непоколебимую на вѣки вѣрность" и наконецъ подписаться на особомъ листѣ. Во 2-хъ, въ присутствіи губернскихъ чиновъ, привесть къ присягѣ остальныхъ жителей города купцовъ, мѣщанъ, цеховыхъ, господскихъ служителей и всякаго состоянія людей. Въ 3-хъ, отслужить обычный молебенъ. Въ 4-хъ, разослать изъ намѣстническаго правленія *„со всевозможнымъ поспѣшеніемъ и въ тотъ же непремѣнно день* по полученіи сего ордера" во всѣ губернскія и уѣздныя присутственныя мѣста манифестъ и указъ сената. Таковы распоряженія, касавшіяся губернскаго города.

Неменьшею пунктуальностью отличаются требованія, заявленныя относительно уѣздовъ. Прежде всего въ каждый уѣздъ должно назначить по „одному благонадежнѣйшему, расторопному и отличному, изъ званій болѣе уважительныхъ, чиновнику" и всѣхъ ихъ отправить „единовременно въ *тотъ же самый день*" въ уѣздные города. По пріѣздѣ каждаго изъ этихъ чиновниковъ „со всевозможнымъ и деннонощнымъ неусыпнымъ попеченіемъ" въ назначенные города, они должны, по соглашенію съ мѣстнымъ православнымъ и католическимъ духовенствомъ, созвать *„ту жъ минуту"* всѣхъ жителей въ церкви и по обнародованіи манифеста, *„немедленно"* привести ихъ къ

присягѣ, а вслѣдъ затѣмъ отслужить молебенъ—словомъ, дѣйствовать тѣмъ же порядкомъ, какъ это дѣлалось въ губернскомъ городѣ. Послѣ этого „собрать въ общее засѣданіе уѣздной и нижній земской суды того города и *тотъ же часъ* между членами оныхъ подѣлить греческіе, римскіе, и гдѣ еще суть уніатскіе приходы, парафіи и монастыри, и послать ихъ всѣхъ *вдругъ и немедленно* въ округу, съ тѣмъ чтобъ каждый въ части ему назначенной, переѣзжая съ *поспѣшностью* изъ одного мѣста въ другое, созывалъ въ парафіальные и приходскіе костелы, церквы и монастыри всѣхъ окрестныхъ и тутошныхъ, къ той парафіи или приходу принадлежащихъ дворянъ, чиновную и околичную шляхту, духовныхъ и поселянъ“ и, по объявленіи манифеста, приводилъ ихъ къ присягѣ. Грамотные должны были сами росписываться, а за неграмотныхъ имѣли росписаться священникъ, помѣщикъ и чиновникъ, присутствовавшій при выполненіи присяги. Въ дальнѣйшихъ пунктахъ предписанія Тутолминъ еще разъ напоминаетъ, что „каждый по сему государственному дѣлу въ уѣздъ отряженной губернской чиновникъ обязанъ ѣхать во всѣ мѣста округа ему доставшейся наблюсти, чтобъ принятіе всеподданической присяги каждымъ порознь и всѣми вообще совершено было съ подобающею важностію, благоговѣніемъ и порядкомъ, смотрѣть, дабы всѣхъ состояній вѣрноподданные непремѣнно присягнули“. Такимъ образомъ, помимо уѣздныхъ чиновниковъ, подѣлившихъ между собою всѣ приходы, должны были разъѣзжать по всему уѣзду и губернскіе чины.

Не забыты въ этомъ распоряженіи и евреи, которые должны были присягать, въ присутствіи назначенныхъ чиновниковъ, „въ школахъ, гдѣ оные токмо въ городахъ, мѣстечкахъ и селеніяхъ находятся, по обрядамъ ихъ вѣры“, причемъ кагальные старшины и школьникъ должны подписаться на присяжномъ листѣ, что „всѣ вѣдомства того кагала евреи присягу вѣрноподданническую совершили“. Особо упомянуто также о пограничныхъ чиновникахъ, которые въ болѣе важныхъ пунктахъ, каковы таможни, таможенные заставы и карантины, должны были присягать въ присутствіи командированныхъ чинов-

никовъ, а во всѣхъ остальныхъ случаяхъ—подъ надзоромъ и руководствомъ своего непосредственнаго начальства. Что касается владѣльцевъ, отсутствующихъ изъ мѣста своего жительства, то о нихъ должны быть составлены особые регистры, и всѣ эти лица немедленно имѣютъ быть вызваны въ губернское правленіе для привода къ присягѣ. Присяжные же листы съ подписями присягавшихъ предписывается „какъ *найскорѣе*“ представить въ намѣстническое правленіе, а оттуда, послѣ надлежащей разсортировки, немедленно къ генералъ-губернатору. Наконецъ требуется, чтобы какъ въ губернскихъ, такъ и въ окружныхъ городахъ, а равно по уѣздамъ въ разныхъ мѣстахъ, какъ-то: на публичныхъ площадяхъ, на торгахъ, при входахъ церковныхъ, полиція „пристойнымъ образомъ“ выставила печатные и писанные экземпляры манифеста для общенароднаго свѣдѣнія. Въ заключеніе всего „отправляемымъ въ уѣзды чиновникамъ рѣшительно предписать, чтобы все имъ повелѣнное не далѣе какъ черезъ восемь дней было непремѣнно со всевозможнымъ поспѣшеніемъ и вѣрноподданническою ревностью исполнено, подъ опасеніемъ за противное тому неизбѣжнаго предосужденія ихъ службы, и для того настоятельнѣше подтвердить имъ, чтобъ не щадили ничего отъ возможности человѣческой зависящаго на выполненіе сего толико важнаго государственнаго дѣла съ подобающею ревностію“ [1]).

Та крайняя торопливость, какая въ изложенномъ предписаніи требовалась отъ администраціи, въ дальнѣйшихъ инстанціяхъ еще усилилась и, напр., Варлаамъ, еп. житомирскій, въ своей резолюціи велѣлъ „нудительнѣйше начальникамъ духовенства подтвердить, дабы они со всѣми безъизъятно имъ подчиненными, дѣйствительными и праздными священно и церковнослужителями, и всѣми, также безъизъятно, ихъ взрослыми дѣтьми, вѣрноподданническій свой долгъ со всякимъ рвеніемъ и усердіемъ выполнили и по поспѣшнѣйшемъ толико важнаго дѣла совершеніи самопоспѣшнѣйше и самовѣрнѣйше въ кон-

---

[1]) Содержаніе этого предписанія заимствовано изъ архива волынской духовной консисторіи, ноябрьская связка 1796 года, № 614.

систорію репортовали“ (Арх. В. Д. К. № 614). Нечего и говорить, что всѣ эти столь категорическія требованія выполнялись со всевозможною точностью. Генералъ-губернаторъ Тутолминъ понималъ съ одной стороны, высокую важность самаго акта государственной присяги, съ другой—не совсѣмъ обычное положеніе края, такъ недавно ставшаго достояніемъ россійской короны, и находилъ необходимымъ точно опредѣлить въ своемъ предписаніи всякую мелочь и требовалъ отъ чиновниковъ неутомимой энергіи при исполненіи даннаго порученія.

В. Храневичъ.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Мѣщанская семейная драма прошлаго столѣтія. 14 декабря 1789 года въ ратушѣ города Хмѣльника [1]) собрано было засѣданіе магистратскаго суда въ необычно торжественномъ составѣ. Подъ предсѣдательствомъ ляндвойта, пана Якова Гаевскаго, на судейскихъ мѣстахъ засѣдали: бурмистръ Александръ Судылковскій, райцы: Яковъ Судылковскій и Иванъ Войтенко и депутаты отъ поспольства: Павло Охота и Денисъ Тыщенко. Коллегіи этой предстояло по требованію старостинскаго уряда постановить приговоръ по небывалому до того времени въ городѣ уголовному преступленію: покушенію на отравленіе одного изъ городскихъ обывателей его пріятелемъ во время дружеской бесѣды.

Слѣдствіе по дѣлу было произведено магистратомъ еще въ іюлѣ мѣсяцѣ, но приговоръ не могъ состояться по встрѣтившимся юридическимъ препятствіямъ, которыя поставили магистратъ въ безвыходное положеніе.

По произведенному слѣдствію фактъ преступленія выяснился до мельчайшихъ подробностей; дѣло состояло въ слѣдующемъ: Въ числѣ обывателей города Хмѣльника былъ нѣкто Мыкита Пивоваръ, человѣкъ не первой молодости, довольно зажиточный, занимавшійся разными торговыми предпріятіями, между прочимъ онъ арендовалъ у города питейное заведеніе, помѣщавшееся въ самой ратушѣ. Семь лѣтъ назадъ Пивоваръ женился, и бракъ его былъ заключенъ при нѣсколько исключительныхъ условіяхъ: жена его, Елена, отличавшаяся поразительною красотою, была по происхожденію еврейка; прельстившись горячею любовью Мыкиты, а, можетъ быть, и его

[1]) Подольской губ. Литинскаго уѣзда. Разсказъ основанъ на документахъ книги Хмѣльницкой городовой ратуши № 5778.

облеченнымъ положеніемъ, она присоединилась къ христіанству и повѣнчалась съ Пивоваромъ; супруги жили въ согласіи и дружбѣ до 1788 года, но были бездѣтны. Въ это время ихъ питейное заведеніе сталъ посѣщать гость, вновь поселившійся въ городѣ и выдѣлявшійся довольно значительнымъ для того времени и среды развитіемъ. Это былъ нѣкто Грицько Гайдошчукъ; родомъ онъ былъ крестьянинъ изъ села Воронинецъ; въ молодыхъ лѣтахъ, вслѣдствіе какой то счастливой случайности, онъ выучился хорошо читать и писать по русски и по польски и усвоилъ знаніе церковной службы. Подготовившись такимъ образомъ, онъ занялъ должность дяка въ собственномъ селѣ, исполнялъ эту должность умѣло и толково, и потому вскорѣ его стали перезывать въ другіе болѣе богатые приходы, доставлявшіе ему болѣе значительное содержаніе и доходы. Въ теченіе 14 лѣтъ, мѣняя постоянно мѣста на болѣе выгодныя, онъ перебывалъ дьякомъ въ селахъ: Клитыщахъ, Люзной, Чернятинцахъ, Глинскѣ и, наконецъ, въ мѣстечкахъ Янушполѣ и Улановѣ.

Здѣсь случилось происшествіе, которое разрушило дальнѣйшую причетническую карьеру Гайдошчука—у него завелась любовная связь, кончившаяся скандаломъ, послѣ котораго невозможно было состоять дольше въ церковномъ причтѣ. Впрочемъ отставной дьячекъ не потерялся, немедленно изъ Уланова онъ переѣхалъ въ Хмѣльникъ, гдѣ получилъ выгодную должность; онъ сталъ писаремъ у пана Синицкаго, арендатора мельницъ и питейныхъ сборовъ во всемъ Хмѣльницкомъ старостве; свободное отъ занятій время Гайдошчукъ проводилъ въ питейномъ ратушномъ заведеніи, гдѣ вскорѣ онъ познакомился и сблизился съ хозяевами. Пивоваръ пригласилъ его посѣщать, въ качествѣ знакомаго, его частную квартиру и просилъ его, какъ человѣка грамотнаго, принять на себя бухгалтерію заведенія и записывать долги лицъ, пользовавшихся кредитомъ въ ратушномъ шинкѣ. Гайдошчукъ согласился вести записи и сталъ чаще посѣщать квартиру Пивовара, чѣмъ его заведеніе; вскорѣ впрочемъ оказалось, что услужливость его зависелa не только отъ дружелюбныхъ отношеній къ Пивовару; онъ влюбился страстно въ его жену и сталъ ей объясняться въ любви; въ виду постояннаго отказа раздѣлять его чувства, Гайдошчукъ становился все болѣе и болѣе настойчивымъ, и объясненія его принимали крайне страстный характеръ. Во время одного изъ такихъ объясненій разговоръ принялъ слѣдующій оборотъ: «Люблю тебя болѣе собственной жизни, сказалъ писарь, и если не добьюсь твоей взаимности, умру съ горя» — «Зачѣмъ тебѣ умп-

рать», отвѣтила Елена; «еслибы любовь твоя была столь сильна, какъ ты утверждаешь, ты-бы давно уже постарался устроить такъ, чтобы умеръ мой мужъ».—«Но вѣдь это тяжкій грѣхъ покушаться на чужую жизнь».—«Конечно, отвѣтила женщина, но такіе случаи бываютъ, и, отдѣлавшись отъ препятствія, многіе счастливо живутъ и наслаждаются любовью.»

Слова эти глубоко запали въ душу влюбленнаго писаря; онъ вскорѣ освоился съ мыслью объ убійствѣ и, какъ полагалъ, придумалъ средства преступленія. Онъ вспомнилъ, что въ то время, когда онъ былъ дьячкомъ въ Янушполѣ, приглашены были маляры для украшенія церкви. Гайдошчукъ, какъ человѣкъ любознательный, часто бесѣдовалъ съ мастерами, распрашивая ихъ о свойствахъ и употребленіи красокъ. Маляры сообщили ему много техническихъ свѣдѣній и, окончивъ работу, въ виду его интереса къ живописи, подарили ему остатки употребленныхъ ими красокъ; передавая ихъ они предупредили, чтобы съ желтою краскою—аурипигментомъ—онъ обращался поосторожнѣе, такъ какъ краска эта составляетъ сильный ядъ.—Рѣшившись на преступленіе, Гайдошчукъ розыскалъ данный ему аурипигментъ, истолокъ его въ порошекъ и сталъ носить при себѣ въ узелкѣ, поджидая удобнаго случая. Случай такой вскорѣ представился: Гайдошчукъ встрѣтилъ на рынкѣ Пивовара, завелъ съ нимъ дружескую бесѣду и пригласилъ выпить стаканъ меду; пріятели зашли въ питейное заведеніе еврея Воля Янкелевича, выпили по стакану меду, затѣмъ писарь потребовалъ цѣлую кварту напитка и, разливая въ стаканы, незамѣтно бросилъ въ стаканъ собесѣдника горсть аурипигмента. Чокнувшись, поднесли напитокъ къ губамъ, но Пивоваръ замѣтилъ какую-то необычную гущу въ медѣ, съ досадою выплеснулъ содержимое на полъ и, прикрикнувъ на хозяина за то, что онъ подаетъ гостямъ медъ, переполненный дрожжами, вышелъ изъ заведенія. Послѣ ухода гостей, еврей, обиженный выговоромъ, осмотрѣлъ стаканы и въ одномъ изъ нихъ нашелъ густой золотистый осадокъ; онъ догадался въ чемъ дѣло, отправился къ Пивовару и предостерегъ его, чтобы онъ пересталъ водить компанію съ писаремъ, стаканъ-же съ осадкомъ доставилъ въ старостинскій урядъ. Началось слѣдствіе, допросы обвиняемыхъ, разсказавшихъ всѣ изложенные факты, и затѣмъ собрана была магистратская коллегія для постановленія приговора. Обоимъ подсудимымъ угрожала по магдебургско музакону мучительная смертная казнь. Спасителемъ ихъ явился пострадавшій Пивоваръ. Пользуясь тѣмъ, что уголовное преступ-

леніе по обычаямъ магдебургскаго права, подлежало суду только въ томъ случаѣ, когда искъ предъявлялъ пострадавшій или его наслѣдники, Пивоваръ, не смотря на настоянія и старостинскаго уряда, и магистрата, отказался отъ роли истца; онъ не подалъ жалобы, не представилъ свидѣтелей, упорно отрицалъ покушеніе на свою жизнь и не явился въ торжественное засѣданіе магистратскаго суда.—Послѣдній былъ поставленъ въ необходимость прекратить уголовное дѣло и освободилъ Елену изъ-подъ ареста; не такъ легко отдѣлался Гайдошчукъ; оставивъ и по отношенію къ нему уголовное дѣло, магистратъ предъявилъ ему искъ отъ своего имени за нарушеніе общественнаго порядка въ городѣ и примѣнилъ къ нему высшую мѣру дисциплинарнаго наказанія: по приговору суда, Грицько Гайдошчукъ долженъ былъ отсидѣть 4 недѣли въ тюрьмѣ Хмѣльницкаго замка, при чемъ каждую пятницу его выводили въ одинъ изъ концовъ города и публично наказывали 50 ударами розогъ. Затѣмъ, по истеченіи четырехъ недѣль, если Пивоваръ будетъ упорствовать въ своемъ отказѣ отъ иска, Гайдощукъ долженъ будетъ уплотить 50 гривенъ въ пользу церкви, 25 гривенъ штрафа въ магистратъ, и будетъ выпровоженъ за черту города магистратскими пахолками съ запретомъ когда-либо являться въ Хмѣльникъ.

Этотъ приговоръ магистрата былъ въ точности исполненъ, такъ какъ Пивоваръ до конца сохранилъ свой великодушный образъ дѣйствія, отплачивая своему врагу по христіанскому чувству добромъ за зло.

В. А.

Къ біографіи Петра Конашевича Сагайдачнаго. Въ метрикѣ коронной, хранящейся въ Варшавѣ, въ книгѣ 3, на листѣ 144, сохранилась краткая юридическая помѣтка, содержащая нѣкоторыя данныя, относящіяся къ подробностямъ біографіи Петра Конашевича Сагайдачнаго [1]).

Помѣтка эта гласитъ, что въ 1624 г., іюля 31 выданъ былъ позовъ по жалобѣ дворянина Федора Даровскаго, владѣльца села Вырвы (нынѣ Радомыслъскаго уѣзда, Кіевской губ.), требующій къ отвѣту въ гродскій судъ *Настасью, урожденную Повченскую, въ первомъ бракѣ жену Петра Конашевича Сагайдачнаго, во второмъ бра-*

---

[1]) Помѣтку эту въ копіи сообщилъ намъ обязательно г. Алекс. Яблоновскій.

къ жену Ивана Піончинскаго, за то, что она произвела заѣздъ на село Вырву и совершила въ немъ разныя насилія, причинившія истцу убытка на сумму 7,087 злотыхъ. Кіевскій судъ призналъ претензію Даровскаго подлежащею удовлетворенію и, вслѣдствіе неявки въ судъ Настасіи Піончинской, приговорилъ ее къ баниціи. **В. А.**

Къ исторіи старинной малорусской школы. Характеристика старинныхъ «дяковъ» въ Малороссіи очень хорошо опредѣлена въ статьѣ г. Житецкаго (Кіев. Стар. 1892 г. № 2); изъ этой характеристики видно, что въ большинствѣ случаевъ типъ дяка представлялъ изъ себя своеобразно талантливую фигуру, способную обнаружить свои способности въ дѣяніяхъ какъ положительнаго, такъ и отрицательнаго свойства. Эти послѣднія дѣянія и были причиною многихъ анекдотовъ о нихъ, а иногда прямо таки жалобъ на ихъ безобразія, и, конечно, вызвали приводимое ниже предписаніе митрополита Варлаама Ясинскаго съ цѣлью обуздать «сваволю дяковъ и ихъ выростковъ».

Варлаамъ Ясинскій мстію Божію православный архіепископъ митрополитъ Кіевскій, Галицкій и всея Россіи.

Превелебному в Богу отцу ігумену монастыря глуховского, пречестному отцу протопопѣ тамошнему и всему духовенству, намъ въ Духу Святомъ благопослушнымъ сыномъ при благословеніи Божомъ и при молитвахъ нашихъ архіерейскихъ ознаймуемъ, ижъ дойшло насъ отъ певныхъ особъ зжалосной скарги вѣдати о великихъ роспустахъ и сваволи дяковъ и ихъ выростковъ по школахъ въ Глуховѣ живучихъ, которые людей безчестятъ поночи ходячи, бютъ и обдираютъ, до монастыра девичого безчинно волочатся и инные тымъ подобные душевредные роспусты пополняютъ, з образою Божою, а з соблазнію людскою, а то подобно чинятъ, не мѣючи надъ собою достодолжного за свои збродни караня. Зачимъ хотячи мы таковое безчиніе исправити, жебы болшъ престола митрополитанскаго, затрудненного по.....ими и публичными церковными дѣлами, таковыми привитными не турбовано скаргами, даемъ власть превелебному отцу ігумену глуховскому таковыхъ сваволныхъ и роспустныхъ дековъ и ихъ выростковъ, такъ тежъ и паламаровъ, смирети и жестоко карати за согласіемъ любовнымъ пречестного отца протопопы глуховского, который жебы таковой нашой волѣ не противился, пастырско желаемъ. Писанъ в катедр.....анской кіевской . . . . . 18 д. Вишшеименованый митрополитъ рукою власною. *(Съ подлинника).*

Шевченко въ Академіи Художествъ. О времени пребыванія Шевченка въ петербургской Академіи Художествъ записаны нѣкоторыя воспоминанія и сохранились его автобіографическіе разсказы въ прозаическихъ его новостяхъ. Но біографы поэта не обратили вниманія на одинъ источникъ, хотя сухой, но точный и дающій подлинныя даты его академической карьеры,—это сборникъ матеріаловъ для исторіи Императорской Академіи Художествъ за столѣтіе ея существованія», изданный подъ редакціей П. И. Петрова въ 1865 году. Въ напечатанныхъ здѣсь дѣлахъ правленія Академіи, мы находимъ слѣдующія данныя, относящіяся къ двукратному въ ней пребыванію Шевченка:

1839 годъ.— «Опредѣлено записать въ списокъ удостоенныхъ по третному экзамену, происходившему 29 апрѣля 1839 года къ полученію серебряныхъ медалей перваго и второго достоинства, между другими, удостоеннаго медали второго класса «посторонняго» Шевченка (Сборникъ, т. 2, стр. 384).

1840 г. Награжденъ серебряною медалью второго достоинства за первый опытъ его въ живописи масляными красками Тарасъ Шевченко за картину его «Нищій мальчикъ, дающій хлѣбъ собакѣ». Сверхъ того положено объявить ему Шевченкѣ похвалу. (Сборникъ, т. 2., стр. 406).

1841 г. сентября 26. Опредѣлено: вольноприходящихъ учениковъ академіи за успѣхи въ художествѣ, доказанные представленными работами по живописи исторической и портретной, между ними Тараса Шевченка за картину изображающую Цыганку, наградить серебряною медалью второго достоинства (т. 2, стр. 419).

1845 г. марта 22. По двумъ прошеніямъ вольноприходящихъ учениковъ академіи Тараса Шевченка и Алекс. Волоскова, коими просятъ удостоить ихъ званія свободнаго художника, опредѣлено, поелику Шевченко и Волосковъ извѣстны совѣту по своимъ работамъ и награждены уже за успѣхи въ живописи серебряными медалями второго достоинства—то удостоить ихъ этого званія (т. 3, стр. 31).

Послѣ ссылки Шевченко воротился въ Академію, измѣнивъ, подъ вліяніемъ утерянаго времени, родъ занятій и отдавшись гравюрѣ. Къ этимъ годамъ въ академическихъ бумагахъ относятся двѣ замѣтки:

1859 г. 16 апрѣля. По прошенію гравера Тараса Шевченка (№ 676) при которомъ, представляя двѣ исполненныя имъ гравюры проситъ удостоить его по онымъ званія академика или задать программу на полученіе этого званія, опредѣлено: Шевченка по пред-

ставленнымъ гравюрамъ признать назначеннымъ въ академики и задать программу на званіе академика по гравированью на мѣди.

1860 г. 2 сентября. Опредѣлено, въ уваженіе искусства и познаній въ художествахъ, доказанныхъ исполненными работами по заданной отъ академіи программѣ и по другимъ извѣстнымъ трудамъ, признать академикомъ по гравированію Тараса Шевченка (т. 3, стр. 329 и 355).

Къ предполагаемому „Описанію харьковской губерніи“. Нѣкоторые члены Харьковскаго Губерн. Статистическ. Комитета задумали составить «Описаніе Харьковской губерніи» и съ этой цѣлью напечатали въ «Харьковскомъ Сборникѣ» программы для собиранія различныхъ свѣдѣній, относящихся къ этнографіи, исторіи, географіи, археологіи, быту и языку въ этомъ краѣ. Кромѣ личныхъ работъ члены комитета надѣются, что на эти программы отзовутся и лица разныхъ культурныхъ слоевъ края, сообщая всѣ, даже мельчайшія подробности, отвѣчающія какому-нибудь изъ пунктовъ этихъ программъ. Въ видахъ распространенія этихъ программъ, перепечатываемъ ихъ въ полномъ объемѣ, добавляя для свѣдѣнія г.г. корреспондентовъ, что отвѣты по вопросамъ программы можно присылать или въ Харьковскій Губернскій Статистическій Комитетъ, или авторамъ программъ.

1.

Программа для собиранія этнографическихъ свѣдѣній о крестьянскомъ населеніи Харьковской губерніи.

Харьковская губернія весьма мало изслѣдована въ этнографическомъ отношеніи. Въ послѣдніе годы изданы Петромъ Вас. Ивановымъ весьма цѣнные въ научномъ отношеніи матеріалы для характеристики міросозерцанія и быта крестьянскаго населенія Купянскаго уѣзда. Этнографическія данныя объ остальныхъ уѣздахъ Харьковской губерніи крайне незначительны и крайне разбросаны. Если усердіемъ и трудами одного уѣзда сдѣлано такъ много, что матеріалами г. Иванова пользуются теперь не только русскіе, но и иностранные ученые, то можно по этому судить, какъ много лежитъ у насъ матеріала совсѣмъ нетронутаго и какъ сильно подвинулось бы впередъ дѣло изученія крестьянскаго населенія Харьковской губерніи, если бы примѣру г. Иванова послѣдовали многіе сельскіе учители и

учительницы, священники и другія лица, близко стоящія къ народу. Желая посильно содѣйствовать укрѣпленію и расширенію мѣстныхъ этнографическихъ изученій, я предлагаю программу для собиранія этнографическихъ матеріаловъ о крестьянскомъ населеніи Харьковской губерніи. Программа составлена краткая, чтобы не утруждать и не запугать сложностью требованій тѣхъ лицъ, которыя могутъ быть привлечены къ этому дѣлу. Къ программѣ приложено нѣсколько руководящихъ наставленій относительно способа собиранія этнографическаго матеріала.

1) Мѣстоположеніе описываемаго села (уѣздъ, разстояніе отъ ближайшихъ городовъ и т. п.). Какъ народъ объясняетъ названіе и происхожденіе села. Преданія о прошломъ.

2) Численность и наружность жителей. Не обнаруживается ли въ наружности вліяніе инородческихъ примѣсей.

3) Языкъ. Особенности мѣстнаго говора въ словообразованіи и въ произношеніи словъ. Мѣстныя слова, реченія и поговорки. Слѣды вліянія литературнаго языка.

4) Что читаетъ народъ. Какія книжки распространяются въ народѣ, какими путями.

5) Жилище. Устройство и убранство хатъ. Какое значеніе имѣютъ части дома: передній уголъ, печь, порогъ и др. Устройство двора и расположеніе дворовыхъ построекъ. Новѣйшія измѣненія въ устройствѣ хатъ. Въ какихъ частяхъ хаты бываютъ украшенія (рѣзьба, раскраска). Гдѣ встрѣчаются въ хатахъ сволоки съ надписями и съ какими надписями.

6) Одежда мужчинъ и женщинъ, лѣтняя и зимняя, будничная и праздничная. Остатки старинныхъ одеждъ. Вліяніе городское. Стоимость одежды.

7) Пища богатыхъ и бѣдныхъ въ скоромные и въ постные дни; улучшается она или ухудшается и почему; городское вліяніе; значеніе мѣстныхъ лавчонокъ. Способы освѣщенія.

8) Болѣзни наиболѣе свойственныя селенію. Народныя врачебныя средства. Мѣстные знахари. Отношеніе къ врачамъ. Какъ и чѣмъ лѣчатъ скотъ.

9) Главныя занятія: земледѣліе, пчеловодство, садоводство, кустарные промыслы—прежде и нынѣ.

10) Религіозное настроеніе народа. Сектанты. Сказанія и преданія о мѣстныхъ наиболѣе чтимыхъ иконахъ, церквахъ, монастыряхъ. О крестьянской благотворительности. Шпитали.

11) Умственное состояніе народа. Мѣстныя средства образованія. Отношеніе крестьянъ къ школѣ и учителю (сравн. § 4).

12) Нравственное состояніе народа. Положеніе женщины въ семьѣ и обществѣ. Отношеніе родителей къ дѣтямъ, хозяевъ къ наймитамъ. Кабаки. Пьянство. Проституція.

13) Пѣсни и обычаи, соблюдаемые при рожденіи и крещеніи ребенка. О вечерницахъ. Свадебныя пѣсни и обряды. Свадебные расходы. Похоронные обряды, причитанія и поминки.

14) Народный календарь. Пѣсни, обряды и повѣрья, относящіеся къ празднику Рождества Христова, масляной, Воскресенію Христову, Вознесенію, ко дню св. Георгія Побѣдоносца, дню Ильи пророка и др.

15) Повѣрья, обряды, поговорки и сказанія, связанные съ пасхальными писанками. Какіе рисунки бываютъ на писанкахъ. Народныя названія писанокъ и на что употребляются онѣ въ быту народномъ.

16) Пѣсни, обряды и повѣрья при посѣвѣ хлѣба, жатвѣ, свозкѣ въ клуни, печеніи хлѣба и т. п.

17) Народныя игры и забавы, дѣтскія, юношескія, взрослыхъ людей. Танцы. Музыка. Мѣстные музыкальные инструменты.

18) Повѣрья и обычаи при повальныхъ болѣзняхъ, скотскомъ падежѣ, пожарахъ. Обычаи базарные и ярмарочные.

19) Народная демонологія: колдуны, вѣдьмы, упыри, вовкулаки, лѣшіе, водяные, русалки и проч. Обереги отъ злыхъ духовъ и вѣдьмъ.

20) Народная зоологія: повѣрья и сказки о мѣстныхъ животныхъ.

21) Народная ботаника: повѣрья и сказки о мѣстныхъ растеніяхъ; названія ихъ.

22) Народные юридическіе обычаи относительно сватовства, развода, раздѣла имущества, найма рабочихъ, арендъ и по преступленіямъ противъ собственности, личной безопасности, женской чести, противъ нравственности и благочинія.

23) Народная поэзія: сказки, пѣсни, преданія, заговоры, пословицы и пр. О кобзаряхъ и лирникахъ (имя, фамилія, гдѣ учились, у кого, какія пѣсни и сказанія извѣстны).

24) Отношеніе малороссовъ къ великороссамъ, и обратно великороссовъ къ малороссамъ, къ евреямъ и цыганамъ.

Примѣчанія: 1) При описи обозначается званіе, имя, отчество, фамилія и мѣсто жительства автора.

2) Описатель по своимъ личнымъ наклонностямъ и по количеству и качеству имѣющагося въ распоряженіи этнографическаго матеріала одни параграфы въ этой примѣрной программѣ можетъ совсѣмъ пропустить, другіе внести отъ себя, можетъ остановиться только на одномъ параграфѣ и разработать его подробно.

3) Въ записяхъ излагается лишь фактическій матеріалъ безъ теоретическихъ разсужденій. Литературнаго изложенія не требуется.

4) Всѣ записи должны быть написаны съ широкими полями и съ обратной бѣлой стороной бумаги.

5) Подробностями не пренебрегать, какъ бы сообщаемые факты ни казались малыми и незначительными. (Наука не знаетъ мелочей въ народной жизни: для нея все одинаково важно).

6) Пѣсни, преданія, повѣрья нужно записывать точно, со словъ крестьянъ, не внося собственныхъ дополненій или поправокъ. Указывать всѣ поясненія крестьянъ, какъ бы странными и ошибочными не представлялись они.

7) При каждой пѣснѣ, сказкѣ или преданіи должно быть обозначено—когда, гдѣ и отъ кого (имя, отчество, фамилія, возрастъ) записано.

8) По каждому изъ параграфовъ программы можно получить дополненія и разъясненія, обратившись письменно къ профессору Харьковскаго университета, члену Статистическаго Комитета, Николаю Ѳедоровичу Сумцову.

9) Желающіе получить подробную программу для собиранія этнографическихъ свѣдѣній благоволятъ обратиться съ просьбой въ Этнографическій отдѣлъ Императорскаго общества любителей естествознанія при Московскомъ университетѣ.

10) Этнографическіе матеріалы и изслѣдованія доставляются въ Харьковскій губернскій статистическій комитетъ.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

2.

Программа для собиранія историко-географическихъ и археологическихъ свѣдѣній.

Нѣтъ ли остатковъ старыхъ земляныхъ укрѣпленій въ селеніи или окрестностяхъ его? Нѣтъ ли пещеръ? Что въ нихъ находили?

Каковы преданія о нихъ? Не было ли раскопокъ въ послѣднее время? Гдѣ находятся найденные предметы? Нѣтъ ли старыхъ зданій, воздвигнутыхъ въ прошломъ вѣкѣ, и каково ихъ назначеніе (напр. церквей)? Нѣтъ ли старыхъ надписей на дверяхъ, потолкахъ и т. п.? Нѣтъ ли памятниковъ надъ могилами мѣстныхъ выдающихся дѣятелей, съ эпитафіями, надписями на нихъ? Не было ли находокъ (за послѣднее время): старинныхъ монетъ, оружія, предметовъ домашняго быта, одеждъ, украшеній и т. п., и какова была судьба находокъ? Нѣтъ ли у кого коллекцій мѣстныхъ древностей или отдѣльныхъ предметовъ, найденныхъ въ Харьковской губ., и каковы именно (старинная посуда, утварь, украшенія)? Нѣтъ ли въ храмахъ иконъ стараго письма, церковно-богослужебныхъ книгъ, старинной стѣнной живописи, древней церковной утвари, замѣчательныхъ въ какомъ-либо отношеніи колоколовъ? Нѣтъ ли во владѣльческихъ усадьбахъ или вообще у кого-либо старинныхъ письменныхъ документовъ, въ видѣ архивовъ, фамильныхъ записокъ, воспоминаній, писемъ, важныхъ для характеристики мѣстныхъ дѣятелей; извѣстно, напримѣръ, что существовали раньше записки Квитокъ, Лесевицкихъ, Кондратьевыхъ, Тевяшевыхъ, Шевича; гдѣ онѣ теперь? Нѣтъ ли экономическихъ книгъ прошлаго вѣка, важныхъ для характеристики хозяйства, документовъ, касающихся состоянія крѣпостныхъ крестьянъ? Нѣтъ ли фамильныхъ или другихъ какихъ-либо портретовъ XVII—XVIII вѣковъ, картинъ мѣстнаго пейзажа или жанра (преимущественно харьковскихъ художниковъ), альбомовъ, памятниковъ литературныхъ? Не сохранилось ли отъ стараго времени шпиталей (т. е. богадѣленъ), церковныхъ братствъ, цеховъ? Нѣтъ ли бандуристовъ или лириковъ?

Нѣтъ ли свѣдѣній о времени основанія селеній по письменнымъ документамъ или преданію? Нѣтъ ли указаній на прежнія названія того или иного селенія? Нѣтъ ли особыхъ названій для отдѣльныхъ частей селенія? Нѣтъ ли преданій или разсказовъ о переселеніяхъ жителей? Что разумѣется въ данной мѣстности подъ терминами—село, деревня, слобода, слободка, мѣстечко, хуторъ и т. п.? Нѣтъ ли преданій объ историческихъ событіяхъ, происходившихъ въ этой мѣстности (татарахъ, запорожцахъ, шведахъ, гайдамакахъ, разбойникахъ). Нельзя ли получить свѣдѣнія о замѣчательныхъ уроженцахъ данной мѣстности и ея дѣятеляхъ? Нѣтъ ли въ окрестностяхъ селенія старинныхъ шляховъ (дорогъ)—татарскихъ, чумацкихъ и т. п. и каковы ихъ названія? Не сохранились ли въ народѣ наз-

ванія старыхъ шляховъ—Муравскаго, Изюмскаго, Калміусскаго, Бакаева, Ромодана и др. и если да, то нельзя ли отмѣтить хотя отчасти ихъ протяженія и направленія? Въ Зміевскомъ и Изюмскомъ уѣздахъ и теперь существуютъ остатки такъ называемой Украинской линіи; желательно было-бы сдѣлать описаніе и измѣреніе остатковъ ея земляныхъ укрѣпленій (крѣпостей, редутовъ), а также и другихъ подобныхъ сооруженій (валовъ возлѣ сѣверскаго Донца и т. п.).

Какъ называетъ себя само населеніе и какъ называютъ его сосѣди? Чистое или смѣшанное населеніе (въ племенномъ отношеніи) живетъ въ данномъ поселкѣ? На сколько въ немъ сохранились старыя черты быта и на сколько оно подверглось вліянію новыхъ условій жизни (города, фабрикъ, солдатъ)? Какъ эти новыя условія дѣйствуютъ на женщинъ и мужчинъ, старыхъ и молодыхъ и т. п.? Кто проявляетъ большую устойчивость въ сохраненіи своихъ старыхъ формъ и племенныхъ особенностей—великороссы или малороссы? Каковы взаимныя отношенія между великорусскимъ и малорусскимъ населеніемъ въ однихъ и тѣхъ же селеніяхъ? Вліяютъ ли они другъ на друга или остаются безъ взаимодѣйствія? Если вліяютъ, то въ какихъ отношеніяхъ (въ сферѣ языка, привычекъ, костюма и т. п.? Какъ часты между ними взаимные браки и какое вліяніе они оказываютъ въ этомъ отношеніи? На какомъ языкѣ говоритъ, напримѣръ, женщина—великороссіянка, попавшая въ малороссійскую семью и наоборотъ? Каковы отношенія между великоруссами и малоруссами смежныхъ, сосѣднихъ и болѣе отдаленныхъ селеній? Нѣтъ ли насмѣшливыхъ прозвищъ и пословицъ у однихъ по адресу другихъ и т. п.? Каково отношеніе малороссіянъ и великороссіянъ къ евреямъ? Не вліяетъ ли мѣстное населеніе на евреевъ въ сферѣ языка, домашняго быта и т. п.? Какія складываются отношенія между туземнымъ населеніемъ и пришлымъ нѣмецкимъ—нѣмецкими колонистами, покупающими землю въ южной части Харьковской губерніи? Какое вліяніе оказываютъ нѣмцы на бытъ мѣстнаго крестьянства? Нельзя ли представить нѣсколько примѣровъ (за послѣднее время) покупокъ *нѣмцами колонистами земель въ Харьковской губ.*

Примѣчанія для собирателя:

1) Можно отвѣтить не на всѣ, а только на нѣсколько и даже на одинъ какой-либо вопросъ, но только возможно полно и обстоятельно.

2) Съ предметовъ древностей желательно имѣть снимки и рисунки.

3) За разъясненіями можно обращаться къ профессору Дмитрію Ивановичу Багалѣю въ Харьковскій университетъ.

4) При записяхъ нужно руководствоваться такими же правилами, какія помѣщены въ этнографической программѣ пр. Н. Ѳ. Сумцова.

Д. И. Багалѣй.

3.

Программа для описанія быта сельскаго населенія.

1) Населенныя мѣста: разнаго рода поселенія и ихъ характеръ.

2) Крестьянскія постройки: разные виды построекъ, общій планъ, матеріалъ и стоимость. Предметы обстановки и домашней утвари. Матеріалы для отопленія и освѣщенія.

3) Пища и одежда крестьянъ: описаніе той и другой съ указаніемъ происходящихъ въ нихъ измѣненій и стоимость ихъ.

4) Крестьянская семья; составъ ея и отношенія между членами семьи. Семейные раздѣлы и ихъ причины.

5) Потребности средней крестьянской семьи и средства для ихъ удовлетворенія (бюджетъ крестьянскаго хозяйства).

6) Отходъ и переселенія крестьянъ: направленіе отхода и переселеній, размѣръ, причины того и другого; вліяніе ихъ на благосостояніе крестьянскаго населенія.

7) Формы мѣстнаго крестьянскаго землевладѣнія: участковое, старозаимочное и общинное владѣніе землей. Отличительныя черты того или другого; время возникновенія и происходящія въ нихъ видоизмѣненія.

8) Разныя формы, въ которыхъ проявляются общественныя и индивидуальные инстинкты мѣстнаго населенія, напримѣръ, земельныя и промышленныя товарищества, разнаго рода артели, цехи, братства и проч.

9) Измѣненія, происходящія въ области нравовъ, нравственности и формъ жизни сельскаго населенія; причины этихъ измѣненій.

П. С. Ефименко.

4.

Программа для собиранія данныхъ о языкѣ великорусск. населенія.

Изъ какого уѣзда, села сообщаются свѣдѣнія.

Какъ называютъ себя жители даннаго села, и какъ ихъ называютъ сосѣди.

Какому измѣненію подвергается въ ихъ говорѣ звукъ *о неударяемый*. Какъ произносятъ, напримѣръ, слова: *голова, хорошо, огурцы, того?*

Какъ измѣняется *о ударяемое*. Какъ произносятъ слово—*хоть?*

Нѣтъ-ли случаевъ перехода *неударяемаю а* въ *о*. Какъ произносятъ слова: *Андрей, Александръ, работникъ, пароходъ, самоваръ?*

Какъ измѣняются *ударяемые е* и *ѣ*. Какъ, примѣрно, произносятъ слова: *купецъ, идетъ, тетка, овесъ, цѣпъ, цѣпы, ослѣпъ, береза, зеленый, ель?* (Употребленіе звука *ё* въ говорѣ нужно тщательно отмѣчать въ сообщеніи).

Какъ измѣняются *е* и *ѣ неударяемые*. Какъ, напримѣръ, произносятся слова: *земля, цвѣты, сестра, ребята, медовый, лѣсной, сѣмена, бѣловатый, зеленоватый, черезъ пóле, черезъ дорогу, жена, пшеница, на мѣстѣ, еще, нельзя, человѣкъ, теремокъ?*

Какъ измѣняется *ы*. Напримѣръ, какъ произносятся слова: *былъ, была, не былъ, колыбель, умываться, крышка?*

Есть-ли случаи употребленія *в* вмѣсто *у* и наоборотъ. Какъ произносятъ слова: *ударить, взять, вдова, всѣ?*

Какому измѣненію подвергается *у*. Какъ произносятъ: *будто, буйная голова, глубоко, откуда, кукушка?*

Нѣтъ-ли случаевъ употребленія *придыханія*. Какъ произносятся слова: *онъ, утка, этотъ.*

Какимъ переходамъ подвергаются звуки *д* и *т*. Какъ произносятъ слова: *дѣти, видѣлъ, тѣло, свѣтель, мѣсяцъ, въ золотѣ, видѣть, знать, темный, отлетѣлъ?*

Нѣтъ ли случаевъ измѣненія *гортанныхъ г, к, х*, въ *ж, ч, ш*, и въ *з, ц, с*. Какъ произносятъ: *на рѣкѣ, на лугу, въ лугахъ, на берегу, при дорогѣ, въ кабакѣ*. Какъ произносятъ слова: *копейка, хозяйка, чайку, яблочковъ, корольковъ, рѣдька, палочка, на рѣчку, шапочка, кашка?*

Какъ измѣняются *губные: б, в, м, п;* какъ произносятся слова: *граблю, ловлю, ломлю, куплю?*

Нѣтъ-ли какихъ либо особенностей въ произношеніи *плавныхъ* звуковъ. Какъ, напримѣръ, произносятся слова: *вихорь, грибы, крикъ, кропива, рама, завтра, царапать?*

Какимъ измѣненіямъ подвергаются *шипящіе* звуки *ц, ч, ш* и *щ*. Какъ произносятся слова: *цѣпь, цапля, улица, щека, щавель, знающій, большущій?*

Измѣняются-ли въ концѣ словъ звучные согласные въ *отзвучные* или нѣтъ? Говорятъ: *дубъ* или *дупъ*, *городъ* или *горотъ*, *лугъ* или *лухъ* и проч.?

Какое окончаніе имѣютъ имена прилагательныя въ именительномъ и родительномъ падежахъ ед. числа? Какъ произносятъ, напримѣръ, *черный*, *бѣлый*, *синій*, *хорошій*, *добрый*, *деревенскій*, *городской*? Какъ род. пад.?

Какъ произносятъ родительный и дательный падежи мѣстоименій: *я*, *ты*, *себя*, *онъ*, *кто*, *тотъ*. Какъ произносятъ *тебѣ*, *себѣ*, *ею*, *кого*, *того*?

На что́ оканчиваются глаголы во 2-мъ и 3-мъ лицахъ единственнаго числа и 3-мъ множественнаго? Какъ произносятъ: *ведешь*, *знаешь*, *несешь*, *печешь*, *печетъ*, *ведетъ*, *несетъ*, *читаетъ*, *пишетъ*, *мутитъ*, *шумитъ*, *лжетъ*, *сѣетъ*, *пашетъ*, *учиться*, *учится*, *учишься*, *толкаться*, *толкаешься*, *толкается*, *знаютъ*, *ведутъ*, *говорятъ*, *шумятъ* и друг.?

Нѣтъ ли въ говорѣ данной мѣстности какихъ-либо непонятныхъ словъ, названій, прозвищъ, странныхъ оборотовъ и выраженій?

Желательно имѣть точно записанными нѣсколько обыденныхъ фразъ или пословицъ, или—небольшую сказку.

Нужно непремѣнно обозначать ударенія въ словахъ, и вообще, *всѣ слова и выраженія, взятыя изъ народнаго говора, должны быть переданы на письмѣ совершенно такъ, какъ они произносятся крестьянами.*

О малорусскихъ говорахъ.

1. Обозначеніе мѣстности, изъ которой доставлены свѣдѣнія?

2. Чистое ли малорусское населеніе или смѣшавшееся съ великорусскимъ?

I.

Примѣры измѣненій *о* и *е* въ *и*: року—рикъ; овесъ—ивса; жинка; лидъ?

Примѣры перехода *е* въ *ё*: *жовтый*, *чорный лёнъ*, *синёю*, *здоровьёмъ*, *зеленый*, *его*?

Примѣры перехода *ѣ* въ *і*.

Какимъ измѣненіямъ подвергается неударяемое *о*: какъ произно́сятся, напримѣръ, слова: *горячій*, *хозяинъ*, *въ соборѣ*, *тополя*, *тоска* и др.?

Какъ произносится звукъ *е* (твердое *е* обознач. или *е* или *э*, мягкое *є*).

Какъ произносится звукъ *и*?

Какъ произносится звукъ *ы*?

Гдѣ слышатся гласные неопредѣленные или дифтонги (двугласные).

II.

Какъ произносится звукъ *г* (*g* или *h*)?

Какъ произносятся сочетанія: *жа*, *ча*, *ша*, *шу*, *чу*, *жу*, и под.?

Какимъ измѣненіямъ подвергаются гортанные: *г*, *к*, *х*?

Какимъ измѣненіямъ подвергаются звуки: *з*, *ц*, *с*?

Какъ измѣняются губные: *б*, *п*, *в*, *м*?

Какъ измѣняются зубные *д* и *т*?

Слышится-ли гдѣ-либо звукъ *дж*: напримѣръ, *походжено*?

Какъ измѣняются *л* и *р*?

Какъ измѣняется звукъ *ф*?

Случаи удвоенія согласныхъ: *бвзлюддя*, *клоччя*?

Случаи придыханія: *в—вирла*, *вивса*.

Нѣсколько примѣровъ разговорной рѣчи, пословицъ поговорокъ или сказку.

М. Г. Халанскій.

Библіографія.

Сборникъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Импер Ак. Наукъ; вып. 48, Спб. 1890 г. Сочиненія А. А. Котляревскаго, т. 2, 1890 г.—т. 3.

Читателямъ нашимъ былъ уже предложенъ отзывъ о первомъ томѣ сочиненій покойнаго славяновѣда «средняго поколѣнія» славистовъ А. А. Котляревскаго. Не имѣвъ возможности, по обстоятельствамъ, раньше предложить разсмотрѣніе слѣдующихъ томовъ, дѣлаемъ это теперь на основаніи мудраго изреченія «лучше поздно, чѣмъ никогда», а также помня чрезвычайно основательное мнѣніе покойнаго учителя о крайней важности библіографическихъ обзоровъ и отзывовъ о книгахъ для науки [1]). Въ статьѣ «На память будущимъ библіографамъ» (т. 2, стр. 109—119), конечно, идетъ рѣчь о необходимости правильныхъ, систематически ведомыхъ библіографическихъ обзоровъ; но изъ нея же вытекаетъ и нарочитая важность для повременныхъ изданій неукоснительнаго веденія сколько нибудь упорядоченныхъ книжныхъ обзоровъ... Центръ тяжести вышеуказанной статьи заключается, между прочимъ, въ слѣдующемъ вполнѣ справедливомъ положеніи, которое авторъ подтверждаетъ цѣлымъ рядомъ примѣровъ, взятыхъ изъ дѣйствительности т. е. примѣровъ несоблюденія означеннаго положенія. «Не только старина выдается за новое, но часто предлагаются такія мнѣнія, о которыхъ не могло бы быть и помину, если бы изслѣдователь былъ знакомъ со всею предыдущею литературою предмета; часто строятся цѣлыя системы, оказывающіяся потомъ совершенно ложными, и все это только потому, что

[1]) Этимъ взглядомъ можно объяснить и извѣстную склонность А. А. Котляревскаго къ библіографіи склонность, переходившую въ страсть...

изслѣдователь упустилъ изъ виду какое нибудь свидѣтельство, или документъ, помѣщенный гдѣ нибудь въ старомъ, забытомъ изданіи». Разсматриваемый второй томъ на нашъ взглядъ представляетъ еще болѣе интереса, чѣмъ первый. Тутъ мы находимъ сжатый, но цѣльный и толково написанный, не потерявшій значенія даже и въ наше время, очеркъ «Сравнительное языкознаніе» (138—212 стр., 1870 г.), извѣстный обстоятельный разборъ сочиненія А. Аѳанасьева «Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу» (256—358 стр.), произведшій въ свое время довольно значительное впечатлѣніе; разборъ книги «Историческія пѣсни малорусскаго народа съ объясненіями Вл. Антоновича и М. Драгоманова (416—432), присудившій этой книгѣ меньшую Уваровскую награду; живой, читающійся, почти какъ романъ, очеркъ «Металлы и ихъ обработка въ доисторическую эпоху у племенъ индоевропейскихъ» (1865 г., стр. 522—555); славянскія книжныя обозрѣнія (Успѣхи славяновѣдѣнія, 359—393); рѣчи и поминки (о В. И. Григоровичѣ, объ О. М. Бодянскомъ, О. Я. Шафарикѣ, о Н. А Ивановѣ, о С. В. Ешевскомъ). Собственно къ русской исторіи относятся слѣдующія статьи: «Славяне и Русь древнѣйшихъ арабскихъ писателей» (73—109 стр.) и большой, основательный разборъ книги И. Забѣлина «Исторія русской жизни съ древнѣйшихъ временъ» (444—521 стр.). Отсылая любознательнаго читателя къ самимъ «Сочиненіямъ А. А. Котляревскаго», я нѣсколько остановлюсь только на слѣдующихъ мысляхъ этого автора, заслуживающихъ вниманія читателя. Въ статьѣ «Исторія всеобщей литературы въ Россіи» (212—243 стр.) онъ высказываетъ, между прочимъ слѣдующее, вполнѣ справеоливо мнѣніе: «По неимѣнію или недоступности хорошихъ русскихъ переводовъ многихъ произведеній литературы, на историкѣ ея лежитъ также обязанность хрестоматора: конечно, можно ограничиться немногими замѣчательными отрывками, общими изложеніями содержанія произведеній; и они необходимы уже и затѣмъ, чтобы приговоры изслѣдователя не были голословны и не поражали читателя своею неудобопонятностію». Какъ вѣрна и глубоконаблюдательна эта мысль, которую я многократно слыхалъ и лично изъ устъ покойнаго Котляревскаго и затѣмъ самъ примѣнилъ на дѣлѣ въ своей книгѣ «Очеркъ исторіи чешской литературы» (Кіевъ, 1886 г.). Благородныя славянолюбивыя, въ лучшемъ смыслѣ этого слова, мысли автора читатель найдетъ, наприм., хоть въ его прекрасной рѣчи о В. И. Григоровичѣ, произнесенной въ засѣданіи Кіевскаго Славянскаго Общества 23 дек. 1876 г., гдѣ, между прочимъ, находимъ слѣдующую похвалу Григо-

ровичу»:... сдѣланное имъ видимое далеко не перевѣшиваетъ того, что сдѣлано имъ и невидимо, хранится въ его ученикахъ: любовь къ славянству, славянская идея взрощены имъ широко и прочно въ сердцахъ и умахъ многихъ поколѣній»; въ другомъ мѣстѣ рѣчи этотъ ученый называется «учителемъ, непоколебимо среди житейскихъ искушеній соблюдшимъ вѣру свою и другихъ въ великое значеніе славянской науки и великую миссію славянской идеи». Взгляды эти приводятъ насъ къ мысли, что было бы очень любопытно, ежели бы кто нибудь взялся представить характеристику славянскихъ воззрѣній А. А. Котляревскаго на основаніи его сочиненій; это было бы очень важно для освѣщенія одной изъ сторонъ сложной духовной личности покойнаго русскаго славяновѣда...

Третій томъ сочиненій К—аго состоитъ изъ двухъ крупнѣйшихъ его трудовъ: извѣстнаго изслѣдованія «О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ славянъ», посвященнаго гр. А. С. Уварову, и «Книги о древностяхъ и исторіи поморскихъ славянъ въ XII вѣкѣ» (Сказанія объ Оттонѣ Бамбергскомъ въ отношеніи славянской исторіи и древностей). Труды эти, особенно первый, по своей извѣстности, не нуждаются въ какихъ нибудь объясненіяхъ и указаніяхъ, и мы заключимъ наше обозрѣніе искреннимъ пожеланіемъ имъ возможно болѣе широкаго распространенія въ нашемъ читающемъ обществѣ.

А. Степовичъ.

Памятная книжка Курской губ. на 1892 г.—Изданіе Курскаго Губ. Статист. Комитета. Составлено Т. І. Вержбицкимъ. Ц. 1 р. 20 к.

Намъ не однажды приходилось говорить на страницахъ «Кіевской Старины» о разныхъ «Памятныхъ книжкахъ» южно-русскихъ губерній, и независимо отъ того или другого достоинства этихъ книжекъ, мы съ удовольствіемъ привѣтствовали всегда ихъ выходъ въ свѣтъ, какъ проявленіе извѣстной духовной дѣятельности нашихъ провинцій; конечно, такія книжки обращали наше вниманіе особенно въ тѣхъ случаяхъ, если въ нихъ находили себѣ мѣсто какія либо историческія или этнографическія и проч. замѣтки либо матеріалы, а не одни лишь голыя числовыя данныя статистики. Предлежащая книга составлена настолько удачно и толково, что можетъ считаться однимъ изъ лучшихъ изданій этого рода. Прекрасная, даже изящная внѣшность, присутствіе нѣсколькихъ недурно сдѣланныхъ видовъ г.

Курска (съ описаніями ихъ) производятъ особенно пріятное впечатлѣніе. Кромѣ обычныхъ отдѣловъ (мѣсяцесловъ и разныя календарныя свѣдѣнія, статистическаго, адресъ-календаря и т. п.), мы находимъ въ книгѣ еще и недурной «Краткій очеркъ Курской губ.». «Матеріалы для описанія Курскаго края», обнимающій на протяженіи 46 страницъ историко-географическое обозрѣніе городовъ курской губ. Обозрѣніе это составлено довольно занимательно, по документальнымъ даннымъ и заставляетъ пожелать, чтобы и всѣ остальные губернскіе статистическіе комитеты русскихъ городовъ позаботились объ изданіи своихъ памятныхъ книжекъ съ подобными же обозрѣніями .. Очень пріятно замѣчаніе на 44 страницѣ «очерка», что составитель книги считаетъ эту работу только «началомъ собиранія матеріала для будущаго *всесторонняго* описанія Курскаго края», и мы вполнѣ искренне желаемъ ему полнаго успѣха въ этой полезной дѣятельности. Позволимъ себѣ выразить пожеланіе, чтобы собственно адресъ-календарь, составляющій добрую половину книги и имѣющій важность и значеніе только для курянъ, печатался отдѣльной книжкою, что давало бы возможность лицамъ, интересующимися историко географическими и народоописательными данными разныхъ краевъ нашего обширнаго отечества, пріобрѣтать основную часть книги за болѣе дешевую цѣну; всего лучше бы распредѣлять матеріалъ между двумя книгами такимъ образомъ: въ первую часть помѣщать святцы, календарныя данныя и адресъ-календарь, а во вторую—статистическія данныя и историко-географическія съ народоописательными, если таковыя окажутся.

А. Степовичъ.

Южный Сборникъ въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая, изданный одесскимъ обществомъ вспомоществованія литераторамъ и ученымъ. Одесса. 1892. Стр. X+2 ненум.+256 + 2 нен. + 222.—Цѣна 2 р. 50 к.

Это—второй уже сборникъ, изданный въ Одессѣ въ пользу голодающихъ, если не считать Новороссійскаго календаря съ литературно-научнымъ отдѣломъ его, изданнаго одесскимъ городскимъ управленіемъ. «Сборникъ» напечатанъ безплатно разными одесскими типографіями, остальныя издержки по изданію покрыты добровольными приношеніями, литературный матеріалъ весь безплатный также. Съ особеннымъ удовольствіемъ прочли мы въ заявленіи редакціоннаго

комитета, что обиліе предложеннаго разными авторами, преимущественно мѣстными, (въ числѣ 130) литературнаго матеріала было столь велико, что половиной его не удалось воспользоваться.

«Сборникъ» раздѣленъ на два отдѣла: беллетристическій и научный. Въ первомъ помѣщено большое число стихотвореній (и на первомъ мѣстѣ два стихотворенія высокопоставленнаго поэта, пишущаго подъ иниціалами К. Р.), очерковъ, разсказовъ и пр., во второмъ 14 статей по разнымъ научнымъ вопросамъ и почему то также одно стихотвореніе.

Изъ произведеній перваго отдѣла съ мѣстнымъ интересомъ укажемъ прежде всего очеркъ П. А. Зеленаго подъ заглавіемъ «Лахтіонъ». Это, конечно, не болѣе, какъ эскизъ, набросокъ, но эскизъ, написанный съ большой наблюдательностью и очень интересный по предмету, избранному авторомъ. Лахтіонъ—собственно,—не имя и не фамилія, а кличка крестьянина Ермократа Иларіоновича Яковлева, данная, какъ это нерѣдко, по словамъ автора, случается, вслѣдствіе неудобопроизносимости христіанскаго имени. Лахтіонъ — грядущая сила, будущій милліонеръ, новый типъ крестьянина-землевладѣльца, купившаго у разорившагося помѣщика 880 десятинъ и мечтающаго еще значительно закруглить свои владѣнія посредствомъ прикупки. Живыми чертами обрисовываетъ авторъ личность этого Лахтіона, выразившуюся въ его темномъ прошломъ, послужившемъ основаніемъ его благополучія, въ его отношеніи къ наемнымъ рабочимъ, въ способѣ хозяйства, въ семейныхъ дѣлахъ и въ домашней обстановкѣ.

Далѣе, укажемъ очеркъ г-жи Антонины Саломонъ «Хема» (картинка изъ жизни галицкихъ крестьянъ). Хема—имя несчастной и добрѣйшей няньки автора. На старости лѣтъ одинокая Хема поддалась соблазну обзавестись собственнымъ угломъ и для этого выйти замужъ; замужество оказалось погибельнымъ для сбереженнаго ею капитальца, захвативъ который, ея нареченный быстро исчезъ, но Хема снова вступила въ обязанности няньки, ничего не утративъ изъ своихъ душевныхъ сокровищъ. Развитіе разсказа даетъ автору поводъ нарисовать картйнку галицкой свадьбы.

Можно назвать еще «Званый вечеръ у чиновника Буднищева» драматическія сцены А. П. Романовскаго, въ которыхъ, впрочемъ, мѣстный элементъ очень не великъ и, кажется является, помимо намѣреній автора. Вещица, вообще, блѣдная по содержанію и наивная по формѣ.

Есть въ «Сборникѣ» и стихи, навѣянные мѣстной природою и исторіей. Таковы стихотворенія П. А. Искры «На берегу моря въ

Люсдорфѣ», «Хаджибейскій заливъ зимой» и «На развалинахъ Херсонеса».

Обращаемся къ научному отдѣлу. Изъ статей, имѣющихъ отношеніе къ югу Россіи, здѣсь мы находимъ, во первыхъ, двѣ статьи В. А Яковлева: «Къ исторіи голодныхъ годовъ въ Одессѣ» и «Когда были заложены первыя церкви въ Одессѣ»? Первая изъ нихъ имѣетъ предметомъ голодные годы 1794—95-й и 1805-й, написана по архивнымъ матеріаламъ и не лишена интереса. Вторая, посредствомъ сопостановленія извѣстныхъ уже въ печати данныхъ, переноситъ время заложенія первой церкви въ Одессѣ съ 1794 г., къ которому событіе это пріурочено г. Скальковскимъ, на 1794 г. Статья эта, въ качествѣ реферата въ одесскомъ обществѣ исторіи и древностей, уже напечатана въ протоколѣ 262 засѣданія этого общества и, признаемся, мы не понимаемъ причины ея вторичнаго появленія въ «Сборникѣ».

А. А. Шапеллонъ знакомитъ читателей съ интересными мемуарами графа Рошешуара, появившимся въ Парижѣ въ 1889 году. По словамъ автора, записки эти представляютъ большой интересъ для новороссійскаго края, такъ какъ значительная часть ихъ посвящена дѣятельности герцога де Ришелье, при которомъ графъ Рошешуаръ состоялъ адъютантомъ впродолженіи семи лѣтъ, (1805—1812). Статья читается съ интересомъ, но нельзя не пожалѣть, что авторъ не почерпнулъ изъ мемуаровъ гр. Рошешуара побольше матеріала собственно о новороссійскомъ краѣ.

Статья И. К. Эйзенъ фонъ Шварценбергъ помѣстилъ въ «Сборникѣ» свои воспоминанія о военныхъ дѣйствіяхъ на Кавказѣ въ 1844—45 г. Для новороссійскаго края статья эта представляетъ отдаленный интересъ въ томъ отношеніи, что въ означенныя годы намѣстникомъ и главнокомандующимъ кавказской арміей былъ кн. М. С. Воронцовъ, бывшій прежде новороссійскимъ генералъ губернаторомъ.

Г. Ящуржинскому принадлежитъ небольшая статья «Колядки о хлѣбѣ», матеріалы для которой заимствованы изъ сборниковъ Чубинскаго и Головацкаго.

Общее впечатлѣніе отъ «Сборника» благопріятное. Правда, есть въ немъ вещи и слабоватыя, но есть и написанныя съ неоспоримымъ талантомъ и знаніемъ. Пожелаемъ ему заслуженнаго успѣха, особенно въ виду благой цѣли и благородныхъ жертвъ и трудовъ, принесенныхъ для достиженія ея.

В. Ястребовъ.

Кіевскій Сборникъ въ помощь пострадавшимъ отъ неурожая. Подъ редакціей И. В. Лучицкаго. Кіевъ, 1892 г. Стр. 1—433+14 фототипическихъ снимковъ. Ц. 2 р. 50 к.

Названіе книги «*Кіевскій* Сборникъ», по установившейся привычкѣ, даетъ право предполагать, что въ ней мы найдемъ совершенно опредѣленный характеръ статей какъ беллетристическаго, такъ и научнаго содержанія, иными словами,—что въ ней обнаружатся стремленія мѣстныхъ людей своимъ посильнымъ трудомъ и талантомъ прійти на помощь страждущимъ собратьямъ и, какъ гласитъ изрѣченіе «чѣмъ хата богата», принесть на литературный рынокъ продукты мѣстнаго производства. Къ сожалѣнію, первыя же строки предисловія къ сборнику сразу отнимаютъ у васъ надежду встрѣтить въ книгѣ этотъ мѣстный характеръ и сотрудниковъ, и темъ, такъ какъ редакторъ прямо заявляетъ, что «редакція поставила своей задачей придать сборнику, насколько то было возможно, международный характеръ». Какъ и почему на долю Кіева выпала эта роль «интернаціонализма», мы разбирать не станемъ, но, по всей вѣроятности, у редактора, помимо личныхъ симпатій, были очень основательныя причины,—заставившія его придать своему сборнику именно такой отпечатокъ. Въ виду только что сказаннаго, мѣстному научному журналу почти нѣтъ надобности останавливаться на этомъ сборникѣ въ своихъ библіографическихъ обзорахъ, такъ-какъ мѣстнаго элемента въ немъ нѣтъ; однако, разсмотрѣвъ весь сборникъ, мы найдемъ въ немъ нѣкоторыя крупицы, касающіяся и нашей украинской полосы, что нисколько не противорѣчитъ характеру международности.

Конечно, на первомъ планѣ мы должны поставить статью *М. Владимірскаго-Буданова* «Формы крестьянскаго землевладѣнія въ литовско-русскомъ государствѣ XVI в.» (стр. 357—387). Это есть какъ бы одна глава ихъ обширнаго по своей задачѣ изслѣдованія о положеніи западно-русскаго крестьянства, юридически никогда не бывшаго въ литовско-русскомъ государствѣ крѣпостнымъ, но фактически оказавшагося закрѣпощеннымъ уже въ концѣ 16-го вѣка. Данная статья только занимается разсмотрѣніемъ и уясненіемъ тѣхъ формъ землевладѣнія крестьянскаго въ западной Руси, которыя господствовали до утвержденія крѣпостнаго права. Тутъ разсматриваются такія формы землевладѣнія: 1) *Дворище*, т. е. участокъ земли, принадлежащій группѣ лицъ, связанныхъ родовымъ единствомъ; при этомъ выясняется личный составъ этихъ дворищъ (глава дворища и оп-

тужники), число лицъ въ немъ (до 40 челов.), составляющееся изъ нѣсколькихъ родственныхъ семействъ, имущественный составъ дворища (усадьба и пахатная земля), количество пахатной земли (отъ 20 до 300 десятинъ) и, наконецъ, повинностный характеръ дворищъ—*жребій и служба*. Это послѣднее даетъ поводъ предполагать, не образовались ли дворища искусственно, ради болѣе удобнаго обложенія повинностями со стороны государства; однако—говоритъ авторъ—предположеніе это не опровергаетъ вывода о естественномъ бытовомъ значеніи дворища. 2) *Сельская община*, т. е. совладѣніе нѣсколькихъ дворищъ, что и составляетъ *село*. Тутъ предполагаются древнія формы общиннаго владѣнія: во первыхъ, непосредственныя права сельской общины простираются на земли, не подѣленныя на дворища, во вторыхъ, иногда сельской общинной власти до извѣстныхъ предѣловъ подлежитъ земля, принадлежащая дворищамъ и находящаяся въ наслѣдственномъ владѣніи лицъ, которыя составляютъ дворища. 3) *Волость и ея подраздѣленія*. Волость въ Западной Руси имѣла болѣе административное значеніе, нежели частноправное, чѣмъ она и отличается отъ сѣверно-русской волости. Авторъ по этому поводу и разсматриваетъ значеніе волости административное, хотя останавливается и на имущественныхъ отношеніяхъ, которыхъ въ смыслѣ общинности тоже не лишена была западно-русская волость. Всѣ эти земельныя и имущественныя права и формы разсматриваются въ статьѣ при помощи фактическихъ справокъ изъ разныхъ актовыхъ книгъ, отчего сама статья получаетъ особый интересъ и становится болѣе удобочтомой.

Достаточно теперь только назвать остальныя научныя статьи, вошедшія въ сборникъ, чтобы видѣть, что, даже при самомъ бо́льшемъ интересѣ въ ихъ содержаніи, «Кіевской Старинѣ» не приходится останавливаться на разборѣ ихъ. Вотъ онѣ: 1) *Максимъ Ковалевскій* «Кромвель и свобода совѣсти въ Англіи», 2) *П. Броуновъ* «Погода и ея предсканіе», 3) *И. Сикорскій* «Голодъ и его послѣдствія», 4) *А. Абрамсонъ* «Двѣ недѣли въ Средней Азіи», 5) *Р. Савельевъ* «Къ вопросу о предсказаніи неурожаевъ», 6) *Г. Бобриковъ* «Матеріалы для исторіи войны 1877—78 гг.», 7) *Л. Куперникъ* «Шарль Фурье», 8) *В. Малининъ* «Надсонъ какъ поэтъ», 9) *П. Морозовъ* «Война, ея орудія и жертвы», 10) *Максъ Нордау* «Fin de siècle», 11) *И. Лучицкій* «Земледѣліе и земледѣльческіе классы въ современной Испаніи», 12) *В. Ермаковъ* «О преподаваніи алгебры». Единственная статья, которая имѣетъ хотя нѣкоторое отдаленное отношеніе къ программѣ

нашего журнала, это—маленькое сообщеніе *Т. Флоринскаго* «Новое открытіе въ области южно-славянскаго народнаго эпоса». (337—348 стр.), гдѣ говорится о совершенно невѣдомомъ до послѣдняго времени отдѣлѣ сербскаго эпоса, записаннаго изъ устъ босняковъ и герцеговинцевъ мусульманской вѣры и изданнаго Костою Хёрманомъ.

Въ отдѣлѣ беллетристики, гдѣ преобладающими явились иностранные писатели и писательницы, особенно скандинавскіе, мы встрѣчаемъ имя извѣстныхъ нашихъ двухъ беллетристовъ, Вас. Немировича-Данченка и Вл. Короленка, изъ которыхъ послѣдній далъ въ распоряженіе редактору Сборника главу изъ повѣсти «На зарѣ» подъ названіемъ «Щось буде». Уже самое заглавіе заставляетъ насъ сказать нѣсколько словъ объ этомъ отрывкѣ г. Короленка. Это очень красивенькій по построенію набросокъ изъ жизни юго-западной Руси въ концѣ 50 хъ годовъ, въ тотъ моментъ, который далъ такъ много характерныхъ осложненій въ разныхъ слояхъ русскаго общества на сѣверѣ Россіи, а тѣмъ болѣе на нашемъ югѣ. Глухіе толки послѣ роковой Севастопольской компаніи о разныхъ новыхъ вѣяніяхъ и реформахъ, неясныя ожиданія какихъ-то иныхъ условій жизни,—все это заставляло трепетно озираться по сторонамъ и, при сравнительно слабомъ развитіи общества, только и вызывало многозначительное восклицаніе «щось буде!» Вотъ этотъ-то моментъ и освѣщается авторомъ, правда еще только въ общихъ наброскахъ, требующихъ, по нашему мнѣнію, въ иныхъ мѣстахъ обработки, но и теперь производящихъ впечатлѣніе своими талантливыми росчерками. Особенно хороши мѣста въ изображеніи этюда съ *марой*, гдѣ и солдатъ очень мило выступаетъ съ своимъ залихватствомъ, и становой не менѣе рельефенъ съ той буланой кобылкой, которая послѣ приключенія съ марой появилась у него на пристяжкѣ.

Всѣ прочія беллетристическія піески, какъ нашихъ писателей, такъ и заграничныхъ, давая очень много интереснаго и разнообразнаго чтенія, по темамъ своимъ совсѣмъ не подходятъ подъ цѣли, преслѣдуемыя «Кіевской Стариной», а потому—о нихъ мы говорить не будемъ, равно какъ умолчимъ и о стихотвореніяхъ по той же причинѣ. Остается упомянуть еще о рисункахъ, изъ которыхъ иные сюжетами своими затрогиваютъ жизнь нашего юга, а именно: первымъ поставленъ фототипическій снимокъ съ картины проф. Орловскаго «Днѣпръ»,—снимокъ, заставляющій желать многаго лучшаго; нисколько не лучше и другой снимокъ съ картины г. Платонова «Ко сну»; не много лучше снимокъ съ картины г. Пимоненка «Сва-

танье», и наконецъ, далеко превосходитъ всѣхъ ихъ послѣдній снимокъ съ извѣстной картины г. Бодаревскаго «Свадьба въ *Малороссіи*».

Въ заключеніе не можемъ не выразить благодарности И. В. Лучицкому, взявшему на себя во многихъ отношеніяхъ нелегкую задачу составить литературный сборникъ въ Кіевѣ и тѣмъ снявшему съ кіевлянъ тотъ упрекъ, который, можетъ быть и незаслуженно, но былъ-бы посылаемъ по ихъ адресу за равнодушное отношеніе къ страждущимъ собратьямъ. Теперь оправданіе—на лицо: сборникъ, и содержаніемъ, и объемомъ не уступающій другимъ, находится передъ нами; остается только пожелать ему самаго широкаго распространенія.

В. Н—ко.

Отъ редакціи. Обозрѣніе журналовъ будетъ помѣщено вмѣсто іюльской въ августовской книжкѣ «Кіевской Старины».

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

ВЫШЛИ И РАЗОСЛАНЫ ПОДПИСЧИКАМЪ

43-Й и 44-Й ВЫПУСКИ

(*Кальдеръ - Каштанъ*)

НАСТОЛЬНАГО ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКАГО СЛОВАРЯ,

изданіе бывш. т-ва А. Гарбель и К° въ Москвѣ (Больш. Никитская, Долгоруковскій пер., д. 8).

Подписная цѣна (съ пересыл.) на все изданіе (105—115 вып. или 8 том.): на лучш. бумагѣ 23 р., на обыкн. б.—25 р.; на томъ (14 вып.) въ переплетѣ: на лучш. б. — 6 руб., на обыкн. б.—4 р. 50 к.; на серію въ 10 вып.: на лучш. б.—4 р., на обыкн. б.—3 р. Отдѣльные выпуски продаются: на лучш. б.—по 40 к., на обыкн. б.—по 30 к.

Дозволено ценз. Кіевъ, 26 іюня 1892 г.

1. юнь. Вовтор. Обѣдалисмо у себе сами, а по обѣдѣ нашемъ пріехали Гамалѣи Стефанъ, Василь и Григорій, и стали близъ насъ обозомъ. Потомъ поехалисмо до табору и заехали просто до п. п. Миклашевскихъ и тамъ просидѣлисмо часъ немалій. Козакъ полку нѣжинского у рѣчки Хотомлю, где обозъ стоитъ, утонулъ, купаючись, которого поховали при стрелбѣ мушкетной, да на томъ же мѣстцу еще нѣсколько козаковъ померло. Отехавши отъ п. п. Миклашевскихъ, заехали до прилучанъ п. п. Федора, Горленка и прочіихъ, где книжку писанную лѣтописную о козакахъ взялисмо для прочитанія. Гасло било у насъ Марія. Зъ обозу Гамалѣевъ визивали ихъ козаки нашихъ на вкулачки, и когда наши вийшли бытись съ ними, то при нашихъ побѣда осталася и заледво розогнать возмогли онихъ отъ того бою. Книжку тую, позиченную, лѣтопись, читаючи начиталисмо: *1-mo*, что козаки отъ рѣчки прозиваемой Козара назвались, первей, козарами, а потомъ, за временемъ, прозвани козаками. *2-do*, князи ихъ козарстіи обладали кіевскою и другими странами, а взимали дань отъ двора, по бѣлковой шкурѣ, а отъ плуга по шелягу. *3-tio*, Гедимъ, вел. князь литовскій, подбилъ подъ свою область Кіевъ и другіе сторони и намѣсникомъ тамъ своимъ оставилъ князя Голшанского. *4-to*, 1471 року, Казѣмиръ четвертій, король полскій, княженіе кіевское на воеводство перемѣнилъ. *5-to*, 1516 року, за Жикгмунта первого, короля полского, всѣ жители малороссійскіе стали козаками зватись. *6-to*, 1534 року, за Генриха француза, короля полского, гетманъ Свѣрчовскій, упрошенній отъ Івани, господара волоского, былъ при немъ зъ своимъ войскомъ, которого тилко на 1400 было и баталѣю имѣлъ зъ турками 14 разъ. *7-mo*, 1575 року, козаки човнами, рѣкою Днѣстромъ, на орди напавши, много онихъ въ плѣнъ взяша. *8-vo*, Тогда жъ зъ гетманомъ Богданкомъ землю татарскую повоевали. *9-no*, 1576 року, король полскій Стефанъ Баторій, учредивши гетмана запорожского, устроилъ въ войску обознихъ, судей, асауловъ, полковниковъ, сотниковъ и атаманы и мѣстечко Терехтемировъ далъ имъ на зимовую квартеру. Тогда козаки Азію на тисячу миль повоевали, Трапезонтъ взяли и витяли, Синопъ

збурили и подъ Константинополемъ многіе взяли користи. *10-mo*, За того жъ короля, 1577 року, гетманъ запорожскій Шахъ, прийшовши въ волоскую землю, зъ войскомъ своимъ, устроилъ тамъ козака Подкову господаремъ волоскимъ, по прошенію волохъ, а Петра воеводу, господара тамошнего, изъ господарства изгналъ. Послѣди тому жъ Подковѣ, хитростію пойманному отъ поляковъ, король велѣлъ въ Львовѣ голову отсѣкти. *11-mo*, Того жъ року, соборъ былъ въ Брестѣ Литовскомъ и унѣя началася. *12-do*, 1597 року, гетманъ запорожскій Наливайко, прийшовши зъ козаками на Литву, много розорилъ мѣстечокъ и сѣлъ, а потомъ, отъ гетмана коронного Жолкевского пойманний, подъ Лубнями на мѣстцу урочищѣ, прозиваемомъ Солоница, и запроваженний до Варшави, на мидяномъ волѣ роспаленномъ сожженъ зосталъ. *13-tio*, 1606 року, Петро Конашевичъ Сагайдачный, гетманомъ запорожскимъ учинившись, ходилъ подъ Кефу, турецкое мѣсто, и оного воевалъ. *14-to*, 1608 року, за Жигмунта, короля полского, гетманъ коронний Жалковский, зобравши зъ Украини козаковъ, ходилъ на Цецору, между которими билъ и Михаилъ Хмелницкій, отецъ гетмана Богдана Хмелницкого, сотникомъ надъ козаками. *15-to*. На Цецорѣ отъ турковъ и татаръ Жолковскій збитъ и Михаилъ Хмелницкій убіенъ, а синъ его Богданъ въ плѣнъ взятъ и, по двоелѣтномъ своемъ плѣненіи, отъ козаковъ викуплѣнъ; родомъ билъ, сказуютъ, зъ Лисянки. *16-to*. 1623 року, Османъ, царь турецкій, побѣдивши поляковъ на Цецорѣ, прийшолъ въ годъ потомъ на полскую землю зъ многими силами, а король полскій Жикгмунтъ сина своего вислалъ противъ его Владислава, до которого призванний и гетманъ Сагайдачній прийшолъ въ помочъ зъ шестма тисачами козаковъ и переднее мѣсто удержалъ зъ великимъ турецкимъ уроном, такъ далеце, же мусѣлъ султанъ мира просить и учинилося тогда примиреніе зъ королевичомъ. *17-mo*, 1622 року, Сагайдачний гетманъ померъ, а тѣло его поховано въ Братскомъ Кіевскомъ монастирѣ, въ проводную неделю. *18-vo*, По смерти Сагайдачного, по многой войнѣ Ляховъ зъ Шведами, войска полскіе въ кіевское переведени воеводство и поставлени на консистенцію по городахъ

и селахъ бувши, многіе озлобленія жителямъ чинили; тогда гетманъ коронний Конецпольскій зъ гетманомъ запорожскимъ Тарасомъ войну имѣли подъ Переяславлемъ и побѣжденни стали отъ козаковъ. *19-no.* Гетманъ запорозкій Павлюкъ зъ Поляки войну имѣлъ подъ Кумейками декавр. 6. и отъ Конецпольского побѣжденъ зосталъ, а подъ Боровицею примиреніе учинилось; але скоро потомъ пойманъ Павлюкъ и запроваженъ до Варшави, тамъ въ голову усѣченъ зосталъ. *20-mo.* 1638 року, козаки, устроивши себѣ гетмана Остраницю, бились знову зъ Ляхами, подъ Говтвою, Лубнями, Лукомлемъ и Жовниномъ, где другий козакъ Тимошевичъ Гуня гетманомъ обранъ зосталъ, але на рѣчкою Старцемъ пакта мирніе зъ Поляками составили. *21-mo,* Отъ того часу у козаковъ вмѣсто гетмана комисаръ великій зъ лядской сторони, также и полковники были устроенни. *22-do.* 1639 року, Кодакъ городокъ надъ Днѣпромъ у низу отъ Конецпольского былъ устроенъ и нѣмцами служивими осаженъ, даби зъ Украини бѣжачихъ козаковъ за пороги могли переймать. *23-tio.* Чаплинскій, подстаростѣй Івана Даниловича старости Чигиринского, отнялъ у Богдана Хмелницкого Суботовъ и самого въ вязенне осадилъ, але, на прозбу жени своей, потомъ освободилъ. *24-to.* Хмелницкій Богданъ у Барабаша, асаули енералного, о привилеяхъ довѣдавшись королевскихъ, у жени его оніе отобралъ и, зъ оними побѣгши, первей, въ Микитиномъ Розѣ 300 козаковъ сискалъ и зъедналъ себѣ, а потомъ за позволеннемъ хана Исламъ Герея мурза Тогамъ Бей помоществовалъ ему. *25-to.* Первую баталѣю Хмелницкій имѣлъ зъ Ляхами на Жовтой Водѣ, где гетмана коронного Потоцкого синъ, два рази устрѣленъ, умре, асіе било 1648 року, въ постъ великий. *26-to,* Другую баталѣю имѣлъ подъ Корсуномъ, где также Ляхи побити и оба гетмани Потоцкій и Калѣновскій въ плѣнъ достались татарамъ. *27-mo.* Подъ Пилявцами била баталѣя и тамъ побѣжденни Поляки такъ, же однихъ возовъ кованнихъ осталось у козаковъ сто тисячъ. *28-vo.* Отъ того часу Хмелницкій печать войсковую устроилъ. *29-no.* Полковники во всей Украинѣ отъ Хмелницкого устроени стали: чигиринскій, черкасскій, переяславскій, каневскій, браславскій, бѣлоцерковскій,

уманскій, корсунскій, калницкій, гадяцкій и прочіи року 1649. *30-то.* Подъ Збаражемъ Хмелницкій зъ Фирляемъ, главнимъ енераломъ полского войска, баталѣю имѣлъ, где стисненни Поляки до такой пришли нужди, что мусѣли зъ великого голоду конскіе, собачіе, мишачіе и кошечіе мяса исти, куда и король Казѣмиръ прийшовши на помочъ, также нужду утерпѣлъ, отъ которой мусѣлъ на трактати, зъ сторони козацкой предложенніе, соизволити, между которими и тотъ билъ включенъ пунктъ, жеби митрополитъ кіевскій первій по примасѣ въ Сенатѣ имѣлъ стулецъ. *31-то.* Але когда пріехалъ до Варшави митрополитъ кіевскій Силвестръ Косовъ, не дано ему въ Сенатѣ мѣста и такъ отехалъ въ Кіевъ. *32-до.* Хмелницкій списалъ козаковъ и роздѣлилъ на 60 (sic) полковъ и сколко въ коемъ полку козаковъ, а именно; чигиринскомъ—3189, въ черкаскомъ—2989, въ каневскомъ—3120, въ корсунскомъ—3472, въ уманскомъ—3930, въ браславскомъ—2072, въ калнѣцкомъ—2046, въ кіевскомъ—2080, въ переяславскомъ—2150, въ кропивянскомъ—2059, въ остранскомъ—1958, въ миргородскомъ—3158, въ полтавскомъ—2785, въ нѣжинскомъ—985, въ чернѣговскомъ—996. *33-tio.* Отъ солтана турского прийшолъ Османъ aga до Хмелницкого зъ предложеннемъ таковимъ, дабы онъ, отступивши Ляховъ, поддался подъ солтана турского и привезлъ ему чугу, мечъ, короговъ и булаву. *34-то.* 1651 року, баталѣя била подъ Берестечкомъ, где король Казѣмиръ билъ зъ посполитимъ рушеннемъ, а войска било ладско(го) на 300 тисячъ. Тамъ же Хмелницкій и ханъ Кримскій зъ своими силами били. Але когда ханъ, оставивши козаковъ съ татари, пойшолъ въ свояси и за нимъ Хмелницкій въ слѣдъ пошолъ же, а войско при Виговскомъ и полковникахъ оставилъ, тогда козаки утѣсненни зостали отъ поляковъ и мусѣли, оставивши все, арматъ 60, утекти оттуду. *35-то.* Того жъ року, уже королю зъ посполитимъ рушеннемъ повернувшуся до Варшави, била акцѣя подъ Бѣлою Церквою, где Хмелницкій новіе пакта учинилъ. *36-то.* 1652 року, гетманъ Хмелницкій послалъ сина своего Тимоша и зъ нимъ воиска 36 тисячъ козацкого и татарского до Молдавского воеводи, дабы дочь свою отдалъ за его

Тимоша, якій путь поневажъ Калѣновскій гетманъ заступилъ билъ ему Тимошеви; того ради великая учинилась баталѣя на Батозѣ, где все войско полское побито и самому гетману голову урѣзалъ татаринъ и принеслъ предъ самого Хмелницкого, тамъ тогда згодившогося, и Нурадинъ Салтана. По семъ Хмелницкій, вернувшись до Чигирина, послалъ уже сина своего Тимоша зъ 20-ма тисячами коннихъ козаковъ на веселле до Яссъ, где мусѣлъ господарь отдать дочь свою за его. *37-mo*, 1653 року била война козаковъ зъ поляками подъ Монастирищемъ, где зъ козацкой сторони Богунъ Чернецкого такъ устрашилъ, убравши козаковъ въ одежу татарскую, же Ляхи, покинувши обозъ свой, утекли; а помянутій Чернецкій зъ войскомъ полскимъ того ради присланъ билъ на козаки, что извѣстно учинилось онимъ смятеніе между козаками, ибо когда Хмелницкій до солтана посилалъ своихъ пословъ, поддаючись ему, тогда полковники нѣкоторіе, не пристаючи до того, укарали его, за що Гладкому, полковнику миргородскому, и Хмелецкому голови велѣлъ отсѣкти, а Гуляницкій, нѣжинскій, у монастирѣ крился. *38-vo*. Сенаторъ полскій Радзіовскій, отъ канцеллярiи отстановленний, бѣжалъ у шведскую землю и оттуду писалъ до Хмелницкого, жебы крѣпко стоялъ противу поляковъ, понеже и король шведскій хочетъ бить козакамъ помощенъ. *39-no*. Адамъ Кисѣль, воевода кіевскій, умеръ. *40-mo* Тимошъ, синъ Хмелницкого, тестя своего господара Мултянского, отъ венгерского князя Ракочого изгнанного, посадилъ знову на господарствѣ, але потомъ знову оний изгнанъ билъ, а Тимошъ въ Сочавѣ въ засадѣ билъ, где и убитъ зосталъ зъ армати. *40-mo*. Надъ Жванцемъ баталѣя била Хмельницкому зъ самимъ королемъ Казѣміромъ, где войско лядское до такой прийшло нужди, же мусѣли зборовскіе потвердити пакта и хану, тамъ же бывшому, въ закладъ двохъ сенаторовъ отдати. *42-do*. Хмелницкій блаженной и вѣчнодостойной памяти царю Алексѣю Михайловичу поддался въ Переяславлѣ, при Василіевичу Бутурлину, 1654 року, январ. 16. *43-tio*. Царь Алексѣй Михайловичъ, увѣдавши отъ Хмелницкого о томъ, что король полскій и ханъ кримскій, услишавши о подданствѣ Хмелницкого великому государю

учинившомся, пріязнь между собою учинили и приговорили войною ити на Москву, послалъ боярина Срѣбрного и Хованского въ литовскіе краи, а потомъ и самъ своею особою, мѣючи при себѣ наказного гетмана Золотаренка, тудажъ пошолъ и первую имѣлъ баталѣю зъ Радивиломъ надъ рѣчкою Березицею, подъ Шкловомъ, и славную получилъ викторію, и много мѣстъ доставши и плѣнивши, повернулся назадъ. *44-to.* По смерти Исламъ Герея хана, Месли Герей ханъ зъ поляками воевали козаковъ и въ Уманѣ облегли крѣпко, которихъ хотячи освободить, Хмелницкій пошолъ туда на отсѣчъ, але зачувши о томъ ханъ и поляки, обернулись на его и между Ставищами и Охматовомъ въ полѣ (которое потомъ Дрижиполемъ названо) осадили, откуду, сквозь обозъ лядской пробившись, Хмелницкій прибѣгъ до Умани и освободилъ онихъ зъ Пушкаренкомъ осаженнихъ и, совокупившися, подъ Буки пойде и тамъ пять полковъ козацкихъ зосталъ, а поляки повернулись назадъ; татаре зась, зъ позволенія лядского, народъ, поддавшийся имъ, въ неволю побравши, вернулися зъ онимъ до Криму.

2. Середа. П. п. Гамалѣи, столвшіи зъ нами здо обозомъ, отехали совсѣмъ и стали купно зъ табором. Послани Демянъ да Леско кухаръ въ Бурлуки до Захаржевского и въ Балаклійку до Лѣсаневича зъ листами моими, для покупки риби, пива и меду, на що п. Михайло далъ 3 р., а Заборовскій 2 р. Обѣдалисмо сами безъ всякихъ гостей. Гасло сего вечора у насъ било Потапъ.

3. Четвер. Рано сего дня поехавши зъ обозомъ, переехалисмо рѣчку Хотумлю, и пріехали на становиско обѣдное болшъ милѣ и сталисмо обозомъ своимъ у версту отъ табору, недосжджая Бурлукъ, якби у едину версту. Обѣдалисмо у п. Семена Лизогуба, оттоль сидѣли у п. Миклашевскихъ, Бурковского и Василя Томари, а передъ вечоромъ до своего обозу пріехалисмо, где погожую криницю у яру увидѣлисмо, изъ оной пили воду зъ шербетомъ п. Михайловимъ. Захаржевскій, владѣлецъ Бурлукъ, пріехалъ былъ въ село свое, а потомъ и отехалъ, знать збуваючи гостей. Посиланніе Демянъ да Леско повернулись зъ нѣщимъ, да риби толко достали мало. Гасло было у насъ маляръ.

4. Пятокъ. Рушилисмо зъ всѣмъ табором въ предлежащій путь и пріехали въ мѣстечко Бурлуки п. Захаржевского, где я, осмотрѣвши церкви, билемъ въ дворѣ его, куда потомъ п. Семенъ Лизогубъ зъ всѣмъ товариствомъ пріехалъ и покилка кубковъ пива и меду випили; а Бурлуки отъ Салтова въ разстояніи будутъ близъ 4 миль. Поехавши оттуду, разлучилемся зъ знакомъ и самъ зъ п. Сулимою, швакгромъ, ехалемъ зъ милю добрую, а потомъ, совокупившись зъ п. Михайломъ, пріехалисмо на становиско, якъ би у 20 верстъ отъ Бурлукъ обрѣтаючееся, недоижджаючи села неподалеку будучого, називаючогося Колодяжнее, владѣніе волоховъ. Тутъ осмотрувалемъ реестровъ Мартина и Вѣжевского, взятихъ въ дорогу рѣчій. П. Іванъ Забѣла посидѣлъ у вечеру зъ нами и правилъ намъ нѣчто до нашего утѣшенія. Меду купили боклагъ, цицю и барилце. Гасло у насъ теперъ мѣрочникъ, а то въ другое на памятку Алексѣецъ.

5. Субота. Обѣдали у себе, а по обѣдѣ уснувши, ходилемъ до Бурковского, оттоль до Тамари, зъ которимъ и въ свой обозъ прийшолемъ и кушалисмо вечеру. Гасло било у насъ фурда.

6. Неделя. Рано барзо рушилисмо всѣ зъ обозами въ предлежащій путь и пріехалисмо до села Колодяжного, въ владѣніи волохъ девяти человѣкъ обрѣтаючогося, которое отъ Бурлукъ якби у 3 милѣ легкихъ отстоитъ, и тамъ службы Божой вислухавши, поехалисмо далѣй и пріехалисмо до мѣстечка Каменки, полку узюмского, подъ которимъ рѣка Осколъ иде, на якой и млини суть; а въ Камянцѣ сотникомъ Горпинченко Андрей Ивановичъ. Неостановляючись въ городку, виехалисмо далѣй и, верстъ зо двѣ отъ городка отехавши, стали на обѣдъ и поневажъ тамъ паши не было для коней, того ради ми, побувавши у Семена Лизогуба, поехалисмо зъ п. Михайломъ и зъ курѣнчиками нашими, Іваномъ Забѣлою, Заборовскимъ и Ѳомою Скоропадскимъ, и пріехали до села, прозиваемаго Тополѣ, въ 8 верстахъ отстоящого отъ Камянки, а до Камянки жъ належачого, и тутъ черезъ мостъ переехалисмо рѣку Осколъ и стали близко обозомъ своимъ. Гасло било у насъ Михайло.

7. Понеделокъ. Рано заехали къ намъ Костенецкій, Федоръ Чуйкевичъ, Якубовичъ и Худолѣй и, випивши водки, отехали, а мы сами, своимъ куренемъ, кушали у себе обѣдъ. По обѣдѣ Семенъ Лизогубъ зъ всѣми бунчуковими, переехавши черезъ мостъ, мимо насъ проехали и стали отъ насъ якъ би у версту обозами своими, а потомъ пріехали къ намъ Василь Гамалѣя, Федоръ Марковичъ дядко, Терновіотъ и Березинскій (которій говорилъ, что полковникъ Яропкинъ у Харкови, взялъ въ конвой себѣ зъ Прилуцкого, Гадяцкого и Миргородского полковъ по 10 козаковъ въ конвояхъ себѣ до Царицина) и Андрей Горленко и посидѣвши отехали. П. Федоръ говорилъ, что Карпѣки, бувши у князя, чули отъ его самого и въ Ахтирцѣ о ясневелможной и Квѣтцѣ, харковскомъ полковнику, розговоръ. Гасло било у насъ Роменъ.

8. Вовторникъ. Рано передъ обѣдомъ ездилисмо ободва зъ п. Михаиломъ до обозу, где, заехавши до прилучанъ, были у нихъ на водцѣ, а оттоль пошовши до Семена Лизогуба, зосталисмо на обѣдъ у его, зъ которимъ полѣтичную имѣли контроверсѣю, а потомъ, отехавши зъ обозу, пріехалисмо сами передомъ въ обозъ свой. Посля насъ пріехали прилучане п. п. Федоръ дядко, Андрѣй Горленко и Павелъ Раковичъ и кушали у насъ, куда заехалъ до насъ Петракій, а потомъ Синдаровскій и, по обѣдѣ, розехалися, зъ онихъ до лазнѣ нѣкоторіе, а другіи въ обозъ. Въ день заехали до насъ Василь Томара, Федоръ Сулима, п. Федоръ дядко и, посидя, розехались. Тогда жъ Василь Томара позичилъ у мене атлясъ на время. П. Андрѣй Горленко сказовалъ, когда конь якій заднимъ копитомъ переднего касается, то въ передномъ копитѣ около мичку помазать діогтемъ. Гасло било у насъ Глуховъ.

9. Середа. Обѣдали у насъ Костенецкій и Грабовскій. По обѣдѣ были у насъ Томара и Григорашъ нашъ. Черевко зъ возами своими мимо насъ ишолъ къ Царицину. У вечеру дожчъ зъ превеликимъ громомъ бувъ. Гасло било у насъ Березнее. Гаврило посиланъ билъ отъ насъ до Кандиби и Семена Лизогуба объ отводѣ намъ мѣста въ таборѣ.

10. Четверъ. Ездилъ п. Михайло въ обозъ до Семена Лизогуба за тимъ же, за чимъ вчорась Гаврило посиланъ былъ и привюзъ резолюцію его, чтобъ нашему куреню быть въ куренѣ прилучанъ, а атаманомъ надъ всѣми быть Андрѣю Горленку. Повернулся п. Михайло и пріехалъ къ намъ Худолѣй зъ Черевкомъ и Семеномъ Литвиномъ, присланнимъ зъ Ромна зъ грошми сотнянамъ роменскимъ, будучимъ у Сулаку; и обѣдалъ у насъ Худолѣй. А Черевко зъ Литвиномъ, випивши водки, отехали, черезъ которихъ писалемъ до Юска зъ товарищи въ Царичинъ, дабы они старались тамъ непремѣнно судна достать для обозу, чили багажу, при насъ обрѣтаючогося, и чтобъ губернатору дали кухву оковитой и кухву вишневой гор., а коменданту царицанскому куѳу простой. Гречаний Якимъ присилалъ асаулчика до насъ, чтобъ наши конѣ зогнанни были зъ лугу, а то по жалобѣ тутейшихъ жителей, ускаржавшихся Семену Лизогубу. Михайло, полковникъ бывшій бѣлоцерковскій, бувъ у насъ, которому по обѣтницѣ показалось. У лазнѣ милися ми, тутъ въ селѣ, а гасло было Худолѣй трусъ.

11. Пятокъ. Сего дня рано прійшолъ сюда полкъ Стародубовскій и недалече нашего обозу сталъ. Въ обѣднюю годину пріездилъ Микита Холодовичъ, а посля его Григорашъ до насъ. Черезъ Ѳедка готовали писма въ домъ и тогдажъ началемъ до брата своего п. Семена писать листомъ исторію нашего походу, а написалемъ полъ третя листа великого. Того жъ дня было у насъ гасло Коровинцѣ.

12. Субота. Рано до службы Божой ездилемъ, въ село Тополѣ, когда и полкъ Азовскій, стоявшій въ Узюмскомъ полку, прійшолъ, которій мѣетъ слѣдовать къ Царицину. По службѣ Божой заехали до насъ Забѣла Стефанъ, Григорашъ, Худолѣй и Березинскій и, випивши водки, розехались нѣкоторіе, а Худолѣй и Григорашъ обѣдали у насъ. По обѣдѣ рушилисмося зъ мѣстца своего зо всѣмъ обозомъ и пріехали до обозу всѣхъ и стали зъ прилучанами на малое время, поневажъ уже увесь таборъ приуготовился до порушенія. Зъ обозу прилуцкого Ѳедко отпущенъ въ Роменъ зъ подорожною отъ мене, Андрѣемъ Трощинскимъ написанною, а

черезъ его писма писалисмо: 1) до родителя, 2) родителки, 3) жени о присланню вина волоского и конфектовъ, и о нашемъ інтересѣ зъ швакграми и о протчемъ, 4) до ясневелможной, 5) до п. Семена зъ описаніемъ походу сего, а п. Михайло Скоропадскій до Петра Андрѣевича, Петра Петровича, прокурора, и протчіихъ. Рушившися весь таборъ и, увойшовши верстъ зъ 20, прійшлисмо надъ байракъ, у лѣвой руцѣ отъ дороги отстоящій, прозиваемій Ровеніокъ, и тутъ ночовалисмо, въ серединѣ обозу, купно зъ прилучанами.

13. Неделя. Кушалисмо у себе, а у насъ п. Федоръ дядко и п. Тарноліотъ [1]). По обѣдѣ рушивши, у половинѣ дороги зогналисмо козу дикую и гонили близко, а потомъ пріехалисмо на ночъ до рѣчки, прозиваемой Красна, отстоящой отъ Ровенка въ 15 верстахъ, а отъ Тополѣ села въ 35 верстахъ. Вѣдомо учинилось, что Яковъ Якубовичъ Петровского нашего сина порубалъ шаблею лобъ, которій на его и жаловался до Семена Лизогуба. За пріездомъ нашимъ сюда, явился тутъ чловѣкъ, повернувшійся зъ рибою зъ Черкаского, которій говорилъ, что донци вийшли въ походъ да ждутъ нашего войска.

14. Понеделокъ. На семъ же становиску обѣдъ кушалисмо сами, а зъ нами п. Андрѣй Горленко и п. Федоръ дядко и Петракій. По обѣдѣ приходили ко мнѣ п. п. Миклашевскіе и Бурковскій и розговорували де о чомъ и погарли въ маріяша, а потомъ просидѣлемъ у прилучанъ, куда зъ горѣлкою приходилъ Стефанъ Забѣла и почтувалъ всѣхъ. Зъ п. Михайломъ въ первое игралемъ въ пикетъ карти. Гасло било у насъ и во всемъ таборѣ Сула.

15. Вовторокъ. Рушилисмо барзо рано зъ становиска и переехалисмо рѣчку, прозиваемую Красную, гатѣ подѣлавши своими людми, и часть нѣкоторую переехавши, нехалисмо (sic) зъ Дону людей мдучихъ, которіи сказовали, что донцовъ 3000 вийшло и къ нимъ 2000 колмиковъ и пушокъ 5, и мѣли ити просто до Сулаку, а 2000 знову донцовъ велено вислать до лѣнѣи, отъ Волги до Дону лежачой. Оттуду поехавши, пріехали надъ рѣчку Бѣленкую, отъ

[1]) Должно быть Тернавіотъ.

Красной около 15 верстъ отстоящую, такъ же плесами якъ и Красная идучую, и перебравшись на другую сторону, сталисмо на обѣдъ. Обѣдалисмо дома, а зъ нами Раковичъ и Петракій. По обѣдѣ Лизогубъ рушилъ далѣй, а ми остались мося тутъ ночовать и зъ нами п. Федоръ дядко, Тарноліотъ, Холодовичъ, Заборовскій и Тимофѣй Скоропадскій. При порушенню табора, пріехали до Лизогуба донци, которіи то жъ о походѣ, что и вижей у 1 пунктѣ предложилось, говорили, а они сказались, что едутъ до Москви по жалованне и двохъ колодниковъ некрасовціовъ, нашихъ людей, повезли зъ собою. Гасло было у насъ Богъ. Демяну далемъ 3 р., чтобъ онъ ехалъ передомъ до Осиновой и тамъ покупки нѣкоторіе справилъ.

16. Середа. Рушилисмо своимъ обозомъ рано и въ половинѣ дороги отъ Осиновой, догналисмо таборъ, и пріехали до села чи городка Осинового, полку рибянского, а тутъ сотникомъ Сербинъ, въ которого заехавши и посидѣлисмо, а отъ его поехавши, и переехавши городокъ, и рѣчку подъ нимъ текучую, прозиваемую Гайдаръ, сталисмо у версту отъ городка. Пріехавши до табору, у п. Борковского снѣдалемъ смаженую рибу, а потомъ обѣдалисмо сами, а въ насъ п. Стефанъ Забѣла. Сотникъ сей сказовалъ, что указъ къ нему зъ Рибного принесенъ, жебы городокъ оправлялъ, и что донцы вислани зъ Черкаского къ Сулаку и на линѣю. Роменскій житель, сидѣвшій въ колегіи, принюсъ ко мнѣ тіошу бѣлужую, а онъ повернулся зъ Царицина. Гасло било у насъ Новгородокъ. Въ день сидѣли въ насъ Борковскій и, Томара, и кагве напившись, отойшли, а ми зъ прилучанами посидѣлисмо. Черезъ того жъ роменского жителя писалемъ писма теперъ до родителя и жени, до родителя—о поведеніи нашемъ и о присилцѣ бандуристи губернатору астраханскому, а до жони тожъ о поведеніи и чтобъ прислала ожинъ отсмаженихъ и увѣдомила бъ мене о всемъ домашнемъ поведеніи. Городокъ Осиновее отъ ночлѣга нашего, то есть отъ рѣчки Бѣленькой, отстоитъ въ 25 верстахъ, а отъ села Тополѣ и рѣки Оскола въ 70 верстахъ же.

17. Четверъ. Писма, писанніе до домашнихъ моихъ, отдани чловѣку роменскому. Обѣдалемъ у п. Семена Лизогуба зъ п. Ми-

хайломъ, куда и Чернякъ Григорій, наказ. полтавскій полковникъ, отъ лагера своего прибувши къ намъ, прійшолъ и совокупне жъ обѣдалъ. По обѣдѣ рушили оттуду въ предлежащій путь, и мало проехавши, оглядали лошадей, колмиками зъ Саратова пригнанних, для ярмарку узюмского, которихъ болшъ 1000 было, и пріехалисмо на становиско, отстоящое отъ Осинового въ 12 верстахъ, при дорозѣ, до Богучаръ идучой, на горѣ при байраку, надъ рѣчкою, прозиваемою Камянка, плесами але барзо глубоко идучою, надъ которою близше, на горѣ жъ, стоялъ и полкъ полтавскій. Заразъ зъ табору зъ Лизогубомъ ездилисмо до полтавского наказного въ обозъ ихъ полковій, у которого випивши по килка кубковъ меду, зайшлисмо оттуду до обозу Кочубея, которій насъ такъ же медомъ почтовалъ доволно, и потомъ, пріехавши до табору, чай у Борковского, а кагве у Лизогуба пилисмо. Значковіе не похотѣли ѣхать передъ бунчуковими зъ знакомъ, для чого зъ виговоромъ приходили стародубовскіе при насъ до Лизогуба и Галецкій Семенъ бувъ первимъ заговорчикомъ и зъ п. Михайломъ перемовлялся. Въ обозѣ полтавскомъ и у п. Кочубея черезъ всю ночь стрѣляно залпомъ, бо були тамъ знать шумни. Гасло било у насъ въ таборѣ Лютенка.

18. Пятокъ. Простояли тамъ же на одномъ мѣстѣ. Демянъ посиланъ былъ въ Осиновее для покупки риби и напитку и, мало що скуравши, повернулся. Богаевскій, харковскій писаръ, явился у мене и сказалъ, что имѣетъ писма ко мнѣ, отъ Ромна въ Ахтирку, а оттуду въ Богодуховъ и въ Харковъ къ нему принесенніе. Кутневскій пріехалъ, синъ Данила Кутневского. Гасло было у насъ Лютенка.

19. Субота. Тамъ же простоялисмо, а обѣдали у насъ п. дядко и Раковичъ. Сторожъ новомлинскій, полку нѣжинского, отпущенъ зъ табору назадъ, а писалемъ черезъ его до ясневелможной, до родителей и жени своей. Харковскій Богаевскій отдалъ мнѣ писма тіе, отъ родителей и жени писанніе. Чуйкевичъ Семенъ и Василь Романовичъ приходили зъ предложеннемъ п. Семена Лизогуба до насъ, жебы бунчуковимъ давать своихъ слугъ впередъ ити имъ вмѣсто значковихъ, которимъ отказалисмо въ томъ. Якимъ

Горленко предлагалъ намъ и протчіимъ, отъ его жъ Лизогуба, о сторожѣ плецовой и полевой и приговорилисмо на полевой сторожѣ стоять значковимъ зъ радовими, а объежджати бунчуковимъ товарищамъ. Бурковскій и Томара были у насъ и просидѣли. Гасло было Батуринъ. У п. Лизогуба былисмо и поговоря отойшли. Завадовскій и Дзявулскій, бунчуковіе товарищи, во первихъ начали объежджать сторожу полевую въ ночъ.

20. Неделя. Обѣдалисмо тамъ же сами зъ п. Іваномъ Забѣлою. По обѣдѣ рушилисмо и, увойшовши верстъ зъ 5, черезъ рѣчку Камянку, стали на ночлѣгъ по близу оной. Кулачки были жестокіе, полтавскій полкъ зъ лубенскимъ и чернѣговскимъ оніе отправляли, которихъ Якимъ Горленко розогналъ заледво, а Андрѣй Горленко Петракія канчукомъ утялъ. Гасло было Лохвиця; а сторожу полевую обездили Ширай зъ Городискимъ бунчуковіе.

21. Понеделокъ. Рушилисмо оттуду рано, а уехавши верстъ зъ 20, стали на обѣдъ у вершини рѣчки, прозиваемой Богучаръ. Снѣдалисмо у п. Семена Лизогуба, оттуду у прилучанъ посидѣли. Оттуду пошовши я до п. п. Миклашевскихъ, тамъ просидѣлемъ и обѣдалемъ, и потомъ назадъ прийшолемъ до своего куреня. Чловѣкъ зъ Бурлукъ привюзъ медъ, которого купилисмо 32 garци. Гасло было у таборѣ Сосница, а объездили (sic) сторожу полевую Василь Гамалѣя. Козаки, опроважавшіи полковника Яропкина, повернулися назадъ, а его оставили у млина Мигулиного.

22. Вовтор. Поехавши отъ ночлѣга низомъ поузъ рѣчку Богучаръ, пріехалисмо на обѣдъ верстъ у 12 и, перебравшись черезъ помянутую рѣчку, сталисмо на обѣдъ, гдѣ и ночлѣгъ имѣлисмо. Пріхавши на становиско сее, первей былисмо у п. п. Миклашевскихъ, зъ которими и въ дами [1]) игралисмо, где и Кураховскій зъ п. Михайломъ въ задіорѣ сталъ. Обѣдалисмо сами толко, да въ тую жъ пору пріехалъ въ обозъ нашъ порутчикъ азовского полку Чобуковъ, отъ полковника Яропкина зъ писмомъ, до комъмендира нашего отправленнимъ, въ которомъ вираженно, что въ інструкцѣи

[1]) Шашки.

ему полковнику отъ князя генерала и кавалера Голѣцина предложено было, чтобъ онъ нашъ корпусъ въ Царичинѣ пересмотрѣлъ, а 7 юня получилъ онъ указъ ея величества, зъ правителствующого сената, дабы ему зъ нерегулярними войсками слѣдовать до крѣпости Святаго Креста съ великимъ поспѣшеніемъ, и съ тимъ указомъ для принужденія присланъ къ нему саржантъ отъ гвардіи Цизиревъ, и потому нашъ корпусъ поспѣшался бы въ самой скорости до Царичина, оставивши излишніе всѣ тягости и прихоти. Для чего мы умислилисмо обозъ воловій передомъ отправить къ Царицину, а онъ, порутчикъ, 18 юня зъ Царицина виехалъ и сталъ зде въ палатцѣ тутъ винайденной, зъ Себестіяновичемъ, а п. Лизогубъ отвѣтъ на листъ той до Яропкина намѣрилъ отправить черезъ Василя Томару, бунчукового товарища. Гасло было Сеймъ.

23. Середа. Поехавши рано зъ ночлѣга, пріехалисмо къ байракамъ, у правой руцѣ стоячимъ, и тутъ на обѣдъ сталисмо особно, а уехалисмо верстъ около 15. Вози воловіе свои отправилисмо зъ приставомъ Потапомъ, передомъ, къ Царицину. Демяна да Гаврила, зъ козакомъ токаровскимъ, послалисмо передомъ къ Царицину для покупки 4 верблюдовъ, 2 фунтовъ чаю и пуда цукру и для наняття судна водного, на що онимъ далисмо пополамъ зъ п. Михайломъ я 80 р., а поехали они при заходѣ слонца и писалемъ черезъ нихъ до Юска, Казѣмира и Гаврила и до Якова Івановича, поселителя слободки Дубовки. Василь Томара позно поехалъ зъ обозу въ путь свой до Царицина, зъ писменнимъ отвѣтомъ до полковника Яропкина таковимъ, что сколко можемъ столко поспѣшаемъ, а лишнихъ у насъ тягостей и прихотей нѣтъ. Да ему жъ полѣцено упомянутись о суда водніе. Осталось у мене грошей 17 р. зъ полтиною. Гасло било у нашемъ обозѣ Іванъ, а въ таборѣ—Конотопъ.

24. Четверъ. Рано присмотрувалисмося слонцу сходячому зъ тоей причини, что Іванъ Забѣла заложился зъ другими товаришами, будто слонце на сей день для святаго Предтечи играетъ и зеленѣ бываетъ. Поехавши всѣ мы рано, сталисмо у байракъ, на лѣвой сторонѣ стоячихъ, якъ бы у 40 верстъ отъ ночлѣга, бо близко

7 годинъ уставичне ѣхалисмо. Тутъ въ насъ обѣдалъ, съ нами, Семенъ Лизогубъ, п. Федоръ дядко, Рощаковскій и мы, а по обѣдѣ и порутчикъ пріехалъ къ намъ. Передъ вечеромъ поехалисмо своимъ обозомъ и порутчикъ зъ нами, и пріехали надъ вершину рѣчки Тихенкой, черезъ которую переехавши, сталисмо подъ горою, а протчіе бунчуковіе на той сторонѣ, и при горѣ, и въ низу стояли; отъ становиска обѣднего будетъ верстъ около 20. Орановскій рукоположенъ въ Кіеви въ пресвитери на село Коровинци до половини парохіи.

25. Пятокъ. Пріймалисмо обыдва, зъ п. Михайломъ, пронос-ное лѣкарство въ конфектѣ и легкую ляксацію имѣли. Къ обѣду пріехалъ п. Семенъ Лизогубъ зо всѣми бунчуковими и, не доежджаючи рѣчки, на горѣ сталъ обозомъ. Рушилъ онъ же зо всѣмъ табором передъ вечеромъ и мимо насъ поехалъ далѣй, и сталъ ночовать оттуду за 7 верстъ, и мы на томъ же мѣстѣ переночовалисмо. Попа отца Федора, запившогося и оставшогося отъ обозу, а блукавшого по степу, козакъ припроводилъ до нашего куреня.

26. Субота. Рано пріехалисмо до становиска цѣлого табору, за 7 верстъ отстоящого, и тутъ засталисмо нерушаючихъ, и побудили прилучанъ и Миклашевскихъ. Обѣдалисмо у Лизогуба, а по обѣдѣ просидѣлисмо у себе и у п. п. Миклашевскихъ, и въ дами пограли. Сторожъ гадяцкій пріехалъ зъ Царицина и привезлъ писма отъ Юска ко мнѣ и отъ губернатора Волинского до родителя.

27. Неделя. Рано Лизогубъ рушилъ со всѣми, а мы приставшись, отправили сторожа гадяцкого, вчора зъ Царицина въ обозъ нашъ пріехавшого, а писалемъ до родителя и листи губернаторскій и Юсковъ приложилемъ зъ прошеніемъ о присланне бандуристи господину Волинскому, и до жени о своемъ повоженню и что сегодня передомъ поеду до Царицина зъ п. Михайломъ для повиданняся зъ губернаторомъ, мѣючимъ на сихъ часахъ до Саратова ехать. По отправѣ листовъ, поехалисмо оба и пріехали до табору, надъ Тихенькою ставшого, на обѣдъ, отъ ночлѣга на 10 верстъ отстоящого, и тутъ у Лизогуба обѣдалисмо. По обѣдѣ переклалисмося у возки 2 легкіе, которіе зъ нами пойдутъ при спалняхъ и рушилъся та-

боръ, а пріехалисмо и стали тожъ надъ Тихенкою у близшого млина, прозиваемого Мигулиного, на той же рѣчцѣ построенного, а отъ обѣдного становиска въ 15 верстахъ отстоящого. Тутъ мы пожекгнавшись зъ Лизогубомъ и протчіими, поехалисмо въ предлежащій путь до Царицина и, проехавши верстъ зъ 6, оставилисмо дорогу у лѣво до манастирця Мигулинского, взяли у право до мосту, на Тихенкой будучого, до которого едучи, минулисмо у правой руцѣ дворець чернецкій монастирскій и, переехавши черезъ мостъ, тутъ же неподалеку сталисмо на ночлѣгъ, где и Себестіяновичъ стоялъ у 2 верстахъ, а ехали зъ нами порутчикъ Петръ Филиповъ Чобуковъ, Худолѣй, Голенковскій, Кулябка Іванъ и прочіи. Прислухалисмося утѣшной контроверсѣи курѣнчиковъ нашихъ Забѣли и Заборовского и отъ оной ссорѣ произшедшой о годности бунчуковихъ къ шляхетству. Порутчикъ Чабуковъ сказовалъ, что въ дворѣ чарнецкомъ, который мы у правой руцѣ проминули, стоитъ учрежденная почта отъ лѣнѣи, межи Волгою и Дономъ обрѣтаючойся до Рибного, да на той почтѣ онъ бывши извѣстился, что вчорайшого дня проехалъ порутчикъ отъ князя Голѣцина до линѣи, за тимъ жебы донци всѣ зъ станиць были виведени и поставлени при линѣи для осторожности. Тихенкой рѣчки такое состояніе: вершина оной прописана у 24 числа, идетъ она перенориnами, у лѣвой сторонѣ по надъ нею гори, ажъ до толь, поколь она въ Донъ близъ манастира Мигулинского упадаетъ, всей будетъ должини ея на 38 вер.

28. Понеделокъ. Конь половий, лошакъ, якимъ Вѣжевскій ехалъ, захромалъ велми, которого когда прежде зашкварованія саломъ промивали ногу, то онъ спинившись копитомъ Якова ранилъ. Оставивши мы оба зъ п. Михайломъ обозъ свой Якову, сами виехалисмо въ предлежащій путь до Царицина, да зъ нами Данило Галенковскій молодій до обозу своего, передомъ виправленного, поехалъ. Лескови кухареви на розніе кухарскіе потребы далемъ 10 зол. Ехали ми верстъ зъ 40 и стали на обѣдъ на степу, а вода у лѣвой руцѣ была за версту отъ насъ, у байраку. По обѣдѣ поехавши верстъ болшъ 10, наехали на обозъ воловий полку лубенского, где Кгригорій Котляренко приставомъ и тутъ заночовалисмо. Кап-

юж од сего часу и дня, юж волно будет тим футором владет, яко властностю, волно ми юж будет продат, дароват, на церков оддат и яко хотѣт ведлуг наилѣпшого своего пожитку оборочат, часы вѣчнымы. Дѣялос в ратушу Барышполским, року, месеця и дня вишменованого.

94.

Бурмистръ Максимъ Таратута жалуется на козака Тишка за кражу жупана изъ мельницы отца Бакума, священника Свято-Пречистенскаго.

Року 1662, месяца новебра дня 22.

На врадѣ мѣском в ратуши Баришполскомъ перед нами Григорием Горкушою сотникомъ Баришполскимъ, Даниломъ Куликомъ атаманомъ городовимъ, паном Григорием Малишемъ войтомъ, Феску Бездѣтку, Василемъ Радошевскимъ, Федором Сенявскимъ бурмистрами, ставшы очевисто пан Максимъ Таратута бурмистръ, ускаржался на Тишка, козака з Березны, о украдене жупана з млина господина отца Бакума, священника свято-пречиского, в тие слова: пане рада! тен козакъ, будучи з нами тилко он еден, и немного з нами побувавшы, пошол, и в мене жупан новый изгиб. Прето мы, вислухавши тоеи жалобы, казалисмо шукат на томже часѣ, который жупанъ у его господѣ нашолся, перед конми у Максима атамана курѣнного; прето мы, углядѣвшы в реч слушную, же его то справа власная, же тот козак сотни Таганской жупан украл, а не хто инший. Тутже стоячи и Тимошъ козакъ не мог виводу з собѣ дати слушного, кидаючи то так, то онъ-як; а мы яко вряд, постерегаючи такого злодѣйства, казалисмо его березиною пробит. Которая справа до книг мѣских, для памети ест записана. А атамана Максима Курѣнного волным чинилъ от себе тот Тимошъ.

95.

Списокъ церковнаго имущества, отобраннаго отъ Свято-Никольскаго священника Корнилія, по приказанію сотника Григорія Гаркуши.

Року 1663, месеца ануарыя дня 21.

Вѣдомо чыним тым писанем нашымъ, теперъ и на потомъ будучимъ, ижъ мы, будучы выслаными до отца Корнилия священника святониколского для отобраня всялякого добра, отъ пана Григория Гаркуши сотника на тотчас будучого и всего посполства. Отобралисмо на перед крестъ сребный с столцем сребрным, кадилницу сребрную, келѣхъ сребрный 1, таблицъ 7 сребрных, а гривенок розне робленыхъ пят, мыска срѣбная, звѣзда срѣбная, крестиков малых 7, ягнусок еденъ; манѣсто коралове, крижиков сребныхъ два; червоный золотый; перетенков два: еден щирозлотный, а другий срѣбный; другое манѣсто копѣйковое из кришталями, локот чотыри и чверть; манѣсто третое коляровое изъ кристалями; Евангелие напрестолное, сребром оправне; аировъ два: еденъ злотомъ гафтованый атласовый червоный, а другий жовтый; воздушковъ малыхъ два; книга трофолой друкованый шестодникос; апостолъ Острозского друку; двѣ триоди, постная и цвѣтная, друкование; евангелие учителное; служебнык великий Киевский; мѣнея общая ключ; ермолой; псалтыра друкованая; паника(ди)ло спѣжовое; дзвонов пят; в Михала святого 6, а в Глѣба-Бориса еден дзвон старший; лихтаров 3 мосендзовых; лямпа срѣбная великая; лихтар спѣжовый стѣновый; замков 2: нутраный и надверный; у Мохомора грошей копъ пят литовское личбы, литовских; рызъ троѣ, ядомашковиѣ червониѣ, 2 атласовѣ друкованѣ, 3 нендзи убогой; нарукъвиц двоѣ; воздушков 4; петрахил злотоглавный; френдзлюв 2; завѣсовъ малых и великих семдесят и два; стихаров 2; полмисок 1, великий; лоханя мосендзова великая; лихтар спѣжовый другий; келѣх цѣновый един (с) сакраментом, оставилисмо у отца Есифа, а ложку отцу Корнилию; келѣх оловяный з позлотою малярскою; аир атласовый, злотом афтованый; крестъ деревяный; кадилница мосенъзова, отда-

лесмо. Пархомъ Малый. Федор Ковбаса, Мойсѣй Бурмак, Гаврило Михал(енко), Моисий Таратута бурмыстры. Пылип Скудеда, Сава Василевич, писар мѣский.

96.

Козакъ Омелько удостовѣряетъ, что продалъ мѣщанину Ониську Рудченку коня не краденаго и не доморослаго, а купленнаго имъ въ Переяславѣ у москаля.

Anno Domini 1663, miesiąca februaris die 5.

Przed nami urzędem mieskiem Chryckiem Maliszękiem woytem z burmistrami Wasylem Radiszewskim, Fedorzem Syniawskim, Feskiem Bezditkiem, Maximem Taratutą burzmistrami, stawszy oczewisto Omelko kozak woyska iego carskiego weliczestwa zaporozkiego, setni Słynkowey, wyznał iasnie, iawnie y dobrowolnie, w te słowa, żem przedał klacze białą za pewną y gotową sumę, za kop dwadziescia, liczby litewskiey panu Oniskowi Rudczenkowi mieszaninowi Baryszpolskiemu, slubuiąc mu, że nie kradziona y nie domorosła, ale kupiona w Pereiasławlu w moskala; przeto ten Onisko Rudczenko prosił nas, abysmo te kupie iego zapisali do xiąg mieskich; y dla lepszey wiary y pamięci kazał tego kozaka, ktory te klacze przedał yz iego zięciém, to iest Artuchiem, ktory mieszka na ulicy Chryszękowey, ktory slubował, że ta klacza kupiona, iako powiada moy szuryn. Co my urząd bacząc słuszne kupie, kazalismy zapisac y iest zapisano et ut supra.—Pry toi kupli buły mohorycznyki: Oniско брат Веремѣев. Мартин Ратушенко. Кузма Флигосенко.

97.

Маляръ Данiилъ продалъ свой домъ Ивану Андрiйченку.

Року 1663, июня дня пятого.

Перед нами Евстафием Подгайным, войтом з бурмистрами, из намы засѣлыми бурмистрами, паномъ Василием Носачомъ сетником,

Юськомъ Безъдѣткою, Даниломъ Куликомъ и инъшимъ товариствомъ, ставшы очевисто славетный пан Даниел маляр до книг мѣских нинешних ку записаню признал в тие слова: иж продалем домъ власный не пенъный и нѣкому нѣ в чом не заведеный зе всѣмъ будинком, як ся в собѣ мает, за певную и готовую суму за золотых пятдесят и пившеста, пану Ивану Андрѣйченку, до которого дому я Даниел не маю мѣти жадное потребы, и потомкове моѣ; толко помененый Андрѣй(ченко) мает оный двор спокойне уживати, и волно оному тот двор продати, даровати и як хотѣти оборочат, яко своим власным вѣчными часы. Што для лѣпшое вѣри и певности просили нас ураду выш мено ваного, абы тое признаня било до книг мѣских записано. Теди врад, видячи устное признаня Даниела, казали до книг мѣских Барышполских записати—што ест записано.

98.

Раздѣлъ огорода между Ганною Шолудченковою и ея ятровкою Романихою.

Року 1663, месеца июля дня 13.

Перед нами Евстафием Подгайнымъ, войтомъ з бурмистрами, ставши очевисто Ганна Давидиха Шолудченкова из Романихою ятровкою своею, мѣвши межи собою турбацию (о) огородъ в межѣ Гапонихи и Щербинихи. Прето мы углядѣвши сторонъ обох жалоби и на прозбу их казалисмо пану бурмистру (и) иншимъ людемъ, абы оглядѣвши того огорода и подѣлъ напол, безъ кривды межи ними учинили; що теж по подѣле пришовшы на вряд просили насъ, абы тое было до книг мѣских записано. Прето Ганна Давидиха мает спокойне и вѣчне, того огорода половину держат; а Романиха также из мужемъ своим половину тогож огорода; любо теж волно половину огорода из садом продат, дати, даровати як хотѣти оборочат часы вѣчными. А Ганна Давидиха не мает ню в чом ятровки своей вѣчными часы турбоват о наменшую рѣчъ; якож ся ей во всем сталося ятровки вишменованой. Прето стороне обѣ просили нас, аби тое было записано и ест записано.

99.

Судъ присуждаетъ возвратить Грицихѣ дворъ, который взялъ у нея въ залогъ въ 10 копахъ деверь ея Денисъ. Въ случаѣ смерти дитяти ея отъ Грицька дворъ долженъ перейти къ Денису.

Року 1663, июля 20 дня.

На вряде мескомъ перед нами Евстафием войтом из бурмистрами, такъже и от пана Василия Носача сотника зосланными на справу ниже мнованую паномъ Лукияномъ Коленкомъ, Андрием Колошенцом и иншими особами, ставшы очевисто Вувдя, по першому мужу Грициха, а по другом мужу Тишчиха из мужомъ своимъ, ускаржалася на Дениса девера своего, же он маючи двор ей власный на ню належачий, из сыном ей Грицком в долгу взятий, в копахъ десяти, не маючи на то жадною запису . . . . . Прето мы, вислухавшы сторон обохъ, приворочаемъ тот двор знову Грицисѣ из сыномъ ей, наказавшы Грицисѣ из мужемъ, аби Денису деверу своему гроши отдала, то естъ копъ десят, а по отданю грошей, южъ болше Денис до того дому не маетъ мѣти жадного дѣла и потреби, вѣчне до того двора не упоминаючы; а Грицисѣ невѣстце волно тимъ двором яко власным своим, яко хотѣт оборочат собѣ. Що для памяти просили нас, абы тое было до книг мѣских записано; що мы на прозбу их казалисмо записат и ест записано року, месеца и дня вишменованого, а меновите, дитяти небожчика Грицка, яко батковсчина, а по смерти дитяти, ежели мѣло бы умерти, знову мѣет брат небожчика Грицъка отложит, яко ближший над иншие тие коп десят за тот двор, яко теж иншое убозство, которое тепер ест на дитя отбрано, а не на кого иншого, так убозство лежачое, яко и рухомое, на которое мѣет реест пан Денис, щос после брата остало и якъ що невѣстка на дитя отобрала, а не на себе; але власне мѣет по смерти дитяти спадати на Дениса, яко близшого зе всѣх по брату. Що ест записано.

100.

Савва Коваль продалъ свой дворъ Яцку Танчику.

Року тысеча шестсот шестдесят третего месеца октобра 1-го дня. Перед нами Евстафием Подгайным, войтомъ на тотчас Барышполскимъ и зо мною засѣдаючими едностайне в магистратѣ бурмистрами Алексѣем Литовкою, Яковом Яцутенком, Мартином Плющиком, Левком Трохименком, ставшы очевисто, ясне, явне Сава Ковал вызнал в тые слова: ижем продал дом свой власный, никому ни в чом не пѣнный и не заведеный, зо всым будинком, якъ ся в собѣ мает, Яцку Танчику за готовую суму... личбы литовское и за осмачку жита; которому тот двор волно оному дат, продат и кому дароват, або заставит и як хотѣт обладат. А я оного двора вѣчне зрекаюся вѣчными часы, аби с потомковъ моихъ, або с приятелей не мел жаднои потребы. Теды стороны просили нас, абы тое до книг записано.

101.

Универсалъ гетмана Бруховецкаго о томъ, чтобы никто не обижалъ козака Павла Рустановича, котораго онъ беретъ подъ свою защиту.

Иванъ Бруховецкій гетманъ зо всѣмъ войскомъ его царского пресвѣтлого величества запорозскимъ.

Паномъ, полковникомъ, асавуломъ, сотникомъ, атаманомъ и всему товариству, такъ старшимъ, яко и черни войска его царского пресвѣтлого величества запорозского, а особливе сотнику, атаману и войту и всему посполству мѣста Боришполя до вѣдомости вашимъ милостямъ доносимъ: иж взялисмо подъ оборону нашу пана Павла Рустановича, козака полку Переяславского, хотячи того всего по вас мѣти, сурово приказуем, абысте помененому Павлови, тамъ в Боришполю в дому его и фолваркахъ, в конях и волах, и во вшелякихъ добрах, и в полях засѣяных, не важилис и не могли на-

меншое кривды и шарпанины чинити; а еслибы що и позабирано было по сей час, и тое все зараз поворочано было конечне, без жадное одволоки, ежели самъ тамъ захочет мешкати, албо тамъ кого пошлетъ, аби тех добръ его власных до з . . . . безпечнемъ здоровя своего былъ и нѣ от кого кривды и премовекъ не поносил; также хто ему зостают в долгу виннымъ, и тое отдавано было. Того всего той тамошний сотникъ, атаманъ и войтъ повиненъ постерегаючи, абы нас наменшая скарга отъ его не доходила; а еслибы Рустанович в чом мѣлъ кривду понести, теди за донесенемъ до нас скарги, онаго сурово на горлѣ карати без отпусту. Що иначей аби не было, под ласкою нашою и срокгимъ каранямъ войсковымъ. Дан в таборѣ под Переяславлемъ, юлия дня 24, 1663 года. Иванъ Бруховецкий звишменований гетманъ.

102.

Яцко Винниченко купилъ фольваркъ и грунтъ у Федора Капитаника.

Року Божего 1664, месеця 24 априля.

Перед нами Евстафиемъ Подгайнимъ войтом з бурмистрами засѣлими нижей описаними, становшы очевисте, ижъ Яцъко Винъниченко купил пулфарокъ до того и грунтъ належачий, у Федора Капитаника, то ест за суму за злотих полских шест. Мы узнавшы тое водлугъ наших реляций, яко судовых, зезнаемъ подлугъ нашого суду. Дѣялося 1664, месеца 24 априля. Евстифий войтъ. Алексий Сухоступский. Яковъ Яцутенко.

103.

Левко Трохименко заявилъ, что онъ выдѣлилъ пасынка своего Гаврила.

Року тисяча . шестсот шестдесят четвертого месеца июля дня двадцат пятого.

Передо мною Евстафиемъ Подгайнымъ и при мнѣ засѣдаючими одностайне в маестратѣ бурмистрами Яковомъ Яцютенкомъ,

Иваномъ Тихимъ, Мартиномъ Плющикомъ, Алексѣемъ Сухоступъскимъ, пришедши пред вряд нашъ Левъко Трохименъко визъналъ явъне и доброволне, ижъ изъ Гавриломъ пасинъкомъ своим едънание учинили, теды напрод Левъко дал пасынку своему пашнѣ мирокъ три всехъ, шкапу рижую дал ему и вола рижого, телицу и овецъ четверо, свиний двое далемъ ему, пулкопы конопелъ, полкопы ліону, сорочку жоноцкую и плахту далемъ ему, все то поддаваломъ ему. Теды просил нас, абы тую справу казалисмо до книг мѣсткихъ записат, абы болшъ не турбовалъ Левъка Трохименка, бо было притомъ людей зацънихъ и вѣри годныхъ; былъ при томъ Курыло резникъ, Молявъчанка два были и инных немало было. Теды естъ и записано в року и дня вишъзаписанномъ. (Писалъ Симион писар мѣсткий. Нижей подписаный полковый Переяславскій тот выпис выняты с книг мѣских). А мы прето уряд войсковый Барышполский, розумѣвши з него, же во всѣхъ пунктах ест виражный, которий яко слушъный и правдивый, цале ствержаем, а варуем, жебы юж болшей Гаврило з братом своим пасынка Левка Трохименка отчима свого в каждого суду и права под зарукою сто талярей; на що для лѣпшой вѣры и поваги, и печат полковую притиснено до того выпису. 1664 месеца апрѣля 27 дня. Юрий Миколаевич судя полку Переяславского, Тимушъ Хведоренко атаман Барышполский, Хведор Забузкий есаул полковый.

104.

Козакъ Стефанъ Чудновець заявилъ, что онъ отдаетъ свой домъ Данiилу Маляру съ тѣмъ, что послѣдній долженъ сдѣлать въ церковь Бориса и Глѣба образъ св. Николая и 2 хоругви и дать на церковь св. Пречистой 10 таляровъ.

Року 1664, октобра дня 15.

На вряде мескомъ, перед нами Григоріем Малишом войтом з бурмистрами, Ониску Крамару, Феску Бездѣтку, Василию Радишевским, Максимом Таратутою, Хведором Синявским, паном Данилом Куликом сотникомъ на тотчас будучим, с атаманом городовым

Сахном Розвискою, также и панами ктиторами Моисѣем Бурмакою, Федором Ковбасою, ставшы очевисто ку записаню до книг мѣских нинешни(х), Степан Чудновецъ, козакъ войска запорожского, вызналъ ясне, явне и доброволне в тие слова: жем продал домъ свой власный не пенный и нѣкому нѣ в чом незаведеный, который пред тим менилем на церкве Божіе отдати за доброе здоровие свое и жоны своей, также и родичовъ своих, и ведлуг тогож сумленя своего, продалем пану Даниелю малярови в тен способъ: же становил з ремесла своего образ до светих страстотерпцовъ Божиихъ Глѣба и Бориса, образ святого Николи, в сумѣ в золотих шестдесят, и корогов мѣет ставит до церкви, двѣ, в копах дванадцат, то ест всеѣ сумы талярей 30, а ведлуг его сумленя тую роботу собѣ меновал зл. 130; прето пану Даниелю малярови тим домом зо всѣмъ будинкомъ, яко в собѣ мается, волно якъ хотѣт оборочат, продат, дароват, любо тежи на церков отдат, волно заставити як хотѣт, ведлуг свого пожитку оборочат, часы вѣчными; а я, Степан Чудновец, жона и пріятеле моѣ до того дому не мают мѣти и мочи не будут жадного дѣла и приступу часы вѣчными. Прето стороне обе просили нас, абы тая купля была до книг меских записана; що ми бачачи слушност, казалисмо записат, и ест записано.

А с тоѣ сумы панове ктиторе мают отдати талярей десят на церков святую Пречисту; а гда тое отдане будет, тогди и то....

105.

Юсчиха Безлюдиха заявила, что она помѣнялась дворомъ и пляцомъ съ войтомъ Остафіемъ Подгайнымъ.

Року тисеча шест сот шестдесят пятого, месеца марта дня девятогонадцат.

Передо мною Давидом Верненком атаманом городовым, на тот час будучимъ, и пред нами бурмистрами Хведором Синявъскимъ, и при нас сидячих товариствѣ Сахну Розвалци, Миску Шкураенку и при Гарасиму Дюгтяру ктитору Глѣбоборискому,

ставши пред нами врядом обаполним, Юсчиха Безлюдиха, визнала ясне и доброволне, без примусу жадного, тилко з доброи волѣ, иж изимѣняла двур свуй власний ни в чомъ никому незаведеный, стоячий в мѣстѣ, край Волочаѣхи, з вуйтом Евстафѣмъ Подгайнымъ на двур, и пляц на пляц, тилко вуйтъ зберет комору; и додалъ вуйтъ Юсчиси чверть жита и золотихъ 4, гроший, а жито на тотъ час было по чтыри золотих а осмачку мѣетъ дати в новину, теди вуйту якъ своим добром, як хтѣт оборочат, дат и продат и колвѣкъ кому дароват. Теди просит Евстафѣй Подгайний нас, абисмы казали в книгах мѣских записат — що теж ест и записано. Было на тотчас людей и вѣри годних: был Гарасим Костенак (?), Яцко Поташко. Дѣлалося в Баришполѣ року и дня виш(меноваго). Писалъ Симеон, писар меский.

106.

Разводъ Лукьяна Лихолапа, съ женою за то, что она осрамила его, укравши одежу у Носачихи.

Року тисеча шестсот шестдесят пятого месеца мая дня двадцат третего.

Перед нами зосланными от пана полковника, Павлом Косинченком а Хведоромъ Стрѣлою, и при мнѣ Давиду Верненку атаману городовым, на тот час будучимъ, и при мнѣ Евстафѣю Подгайным войтом на тотчас будучомъ, и при мне сидячих в магистратѣ едностайне бурмистровъ Матвѣю Шумѣ, Роману Мовчану, Хведору Синявъскимъ и при иных людехъ зацных и вѣры годных, при Симиону Светличном, Сидору Полонченку, Верне старом, Веремѣю Левченку, ставши пред вряд наш едностайне Лукян Лихолап, обывател Боришполский, просил нас, абы мы дали ему писания, иж бы он напотом не мѣл жадной домовки, иж в небытности его, жона его взяла курту в Носачихи способом краденя. Теди право на тое было и даровано еѣ всѣмъ жадною карностю, Носачиха . . . . . вая мовит: же я не настою, а мир вес ед-

ностайне крикнулъ: же той не настоѣтъ, кому шкода, а намъ нащо? Теди питалисмо Лихолапа, мужа еѣ, чи приймеш еѣ собѣ за жону, якъ былисте впрод и тепер бути. Теди Лукиян отповедил иж пане вряде! я не хочу еѣ мѣти собѣ за жону, кгди она с тих злих речий виводу себѣ не даст, а ежелибы дала вывод, же не она тому ест причинцею, можнабы тому рѣч, а тепер еѣ цураюся и не хочу за жону мѣть; а дѣти моѣ, при мнѣ нехай зостают. И просил нас о писания. А болшъ он неслави на собѣ не мочи носит, як цнотливымъ былъ, и тепер цнота его ни в чомъ не нарушона. иж он як зацным пред ним был и тепер зацный. А еслибы хто мѣл важится ему на цноту, на собѣ сам понесетъ. Теди мы зосланние выслухавши мовы его: „иж я цураюся еѣ“, казалисмо оное дѣло признат и писару записат, що теж и ест записано. Было на той справѣ людей зацних, и вѣри годних, былъ при том Ониско Рудченко, Петро Перехристъ. Дѣялося в Борисполѣ року и дня вишъписаного. Писал Симеонъ писар рукою власною. Павел Косиченъко. Григорий Стрелка писар городовий Переяславъский. Зосланные на тую справу для прислуханя и роспоряженя оною, казалисмо руки свои подписатъ до того декрету, для лѣпшого сведецтъва.

107.

Иванъ Депта купилъ хату у Дениса Кузьменка.

Anno domini 1665, miesiąca augusta dnia dziewiątego.

Przede mną Eustafem wuytem na tenczas będącym, a przy mnie będących burmistrzow Matwiem Szulhoin, Romanom Mowczanom, Chwedorem Syniawskim, Andruszkiem Łysym, stanowszy przed nami oczewiscie Ywan Depta, prosił urzędu naszego yż by do xiąg był przyniaty ten zapis w ten sposob: isz kupił za swoie pieniądzy yzbę ze wszystkym prawem od Denisa Kuzmenka za złotych dwadziaścia, tylko pola, należy do tego dwora młyniszcze. Tedy on prosił yż na wieczne czasy nie wtrącał się w to, wolno

Ywanu Depcie dac, przedac y darom komu dac, a ia nie mogę, ani żona ma y ni żaden z pokrewnych mych w to. Tedy my urząd słysząc, kazalismy pisarzu w xiążkie zapisac, co też iest y zapisano. Działo się w ratuszu Baryszpolskim roku y dnia wyszopisanego

Pisał Simien pisar mieskij ręką własną.

108.

Иванъ Соколъ купилъ ниву у Гапки, Самойловой сестры.

Предо мною Евстафием Подгайным, на тотчас будучим войтом, и при мне заседаючим бурмистрами Матвѣю Щоце, Хведору Синявским, Андрею Малому, зознал ясне, явне и доброволне Иван Сокол тими словы, жемъ купил ниву у Гапки Самойлови сестри за готову суму готових грошей личби литовскои, золотихъ дви. Но счо просил нас, абисмо тое казали до книг меских записат. Ивану Соколу волно ему, якъ свое власное, волно дати, дароват, любо на церков дат. Был при том делу Лаврѣн Дудка, Андрей Даниленко и иншихъ людей зацнихъ и вѣри годныхъ. Що есть и записано.

109.

Богданъ Дегтяревичъ продалъ свой пляцъ Ивану, Гордѣенковому внуку.

Року 1666, месеца марта дня 13.

Передо мною Евстафѣемъ Подгайнимъ вуйтом на тотчас будучом и при мнѣ сидячих бурмистров Матвѣя Шулги, Романа Мовчана, Хведора Синявского, Андрушка Лисого, пришедши пред вряд наш славетне урожоний панъ Богданъ Дегтяревич вызнал ясне, явне и доброволне в тот способ, ижъ продал пляцъ свой Пузѣковский, лежачий на киевском гостинцу, Васил Залузненко помѣжку, за готовую суму за золотих девят Ивану, Гордѣшоному унуку. И просил нас вряду Иван, абисми казали писару записат, иж бы вѣчними часы не могль его Богданъ турбоват, не вин, не жаден

с покревних его. Било притом людей зацних и вѣри годних, бил при том Дорош ктитор Пречиский, повберчие в рогу том сидячие, Хвеско Товстенко, Иван Матюш, Еско дяк Михайловский и з инших немало зацних людей било. Дѣялос в Барышполю року и дня вишписаного.

110.

Веремѣй Левченко продалъ огородъ Тимошу Щербиненку.

Року 1666 месеца апрѣля 5 дня.

Перед нами врядом мѣским Баришъполским, передо мною Веремѣмъ Левченком войтом Баришъполским и при мнѣ будучими буръмистрами, Есифом Зѣниченком, Марком Левченком, Федором Никузою, Анъдрѣем Щербиненком, ставши очевисто Веремѣй Левченко, ку записаню, ижъ продал огород Чорнушинский за пят коп Тимошу Щербиненку вѣчными часы, волно ему будет дароват и продат не повинен его о то туръбоват, що для памяти казалисмо до книг мѣстских Баришъполскихъ записати — што естъ записано.

111.

Дѣло объ убійствѣ довбиша изъ полка Думитрашка-Райчи Василія Иваномъ Кученкомъ.

Року от Нарожена Сына Божого тисеча шестсот шестдесят девятого, месеца ноеврия 14 дня.

На ураде войсковомъ на тот час будучи в Баришполю, мною **Иваном Новаковичом** [1]) сотником Баришполским, Василием Волочаем атаманом городовым Баришполским и при битности пана Григория Рубаника и Ивана Лужецкого з раменя его милости пана Думитрашка Райчи, полковника войска его царского пресвѣтлого величества запорожского, Переяславского, на тую нижей вырожоную

[1]) Потомки сотника Новаковича до сихъ поръ проживаютъ въ Борисполѣ.

справу висланих; также и пред славетными особами, паном Романом Мовчаном вуйтом Баришпулским, Романом Пятником, Алексѣемъ Литовкою бурмистрах, с притомностю иних многих особъ и товариства, на тую справу едностайнє заселих, приточилас справа межи двока особами, то ест межи . . . . . а то в такий способ: иж в року нинейшом 1669-мъ, ноеврия числа 11, именем зовемии Гнатко Буримко и другий Гришко Скрипченко, обивателѣ Баришпулские, за пилною потребою своею поехали были до бору; а не далеко отехавши от фолварковъ обачили труп чловечий въ ровѣ, свѣжо забитый и тиранско замордований; котрие будучи такъ доброго сумненя, взяли оний труп на свой воз, з тим вернулися и впровадили до мѣста. О которое забитя оного небожчика в мѣстѣ Боришполю стался опит, а о збойци пилное отшуканя; где натихмѣстъ з межи посполства пришедши именем зовемий Карпъ Котлярчикъ приглядуючися, оного забитого опознал, же тот небожчик десятого числа ноеврия з другим чловеком особистым, на едном возѣ в бору ехали, простуючи ку Боришполю; а кгди з тих слов оного Котлярчика пилный опит о таком збойци стался, аж винайдено такового в господѣ юж пяного, меновите у Яцка Окрайца, которого снат же невинная кров затримала и обявила а таким способом, же пріехавши въ господу тот збойца Иван Кученко купил казан горелчаний у Сидорычихи за злотих девят и шест грошей литовских в Баришпулю, а справуючи собѣ и иншое дѣло хотѣл выехать з мѣста; але му Богъ не допомогл, зостал пойманым. А кгды был от нас уряду питаний, яко и тепер потвержал, з яких то мѣр он такое забойство учинилъ и як з тим небожчиком знался и з якое причины, абоби з намови, або з чиею помочю тот злий учинок пополнил. Теди так оний вишвспомнений збойца доброволне сам до того своего злого дѣла сознаючися признал и повѣдѣл, же мешкаючи с тамтого бока, под Мотовиловкою час немалый, отишол був на мешканя под Кремянецъ, а потом вернувшися от тамтои пришов на Заднѣпря до Броваров; а мешкаючи там ездив до Киева в потребе своей, а злучившися с тим то небожчикомъ в Киеви, взял его на свой возок; которий то не-

божчикъ менил себе по именю Василий а з кампанѣи пана полковника довбишъ. А пытался Думитрашки, а за перевоз до Броварув, або и далей, мѣв ему заплатити; аже мя правѣ грѣхъ споткав, учинилем тое забитство з причины тогож небожчика, кгдиж он первей до мене, которого подолѣвши пришиб обухом, потом хотячи тот свой учинок утаити и до остатка до смерътим оного праве привел и в ров уринул, где от Боришпулских людей и найден. Зачим мы, вишпомененый уряд, вирозумѣвши и пилно вислухавши доброволного признаня менованого збойци, поневаж сам свой злий учинок на собе визнал, казалисмо тое до книг мѣских Баришпулских записати, що ест и записано, року и дня вишменованого.

112.

Судъ надъ укравшими чужія вещи во время пожара въ м. Борисполѣ Кондратомъ Федоренкомъ, Фескомъ Федоренкомъ и Юркомъ Андрѣенкомъ. *(Актъ не окончень).*

Року Божого 1669, месеца ноеврия 17 дня.

На вряде нашом права майдебурского и ратуша Барышполскаго, предо мною Иваном Новаковичом сотником и при пану Василю Волочаю атаману городовом Баришполским на тот час будучим, так теж и зосланим от боку его милости пана Думитрашка Раича пана полковника нашого Переяславского пана Леска Коломийченка и Олекси пушкара для прислуханя тоеи важнои справы так теж и пред Романом Мовчаном войтом Баришполским и при мнѣ засѣдаючих в лавѣ бурмистровъ паном Олексѣю Литовки и Роману Пятнику и при бытности славетне урожоных козаков, яко мещан на имя Матвѣя Шулги, и Лаврѣна Федоровича, и Давида Верненка, и Данила Михайленка, и иних людей зацных и вѣри годних, приточилас справа под час презреня Божого, як мѣсто наше горѣло, и там зас многие люди, едни Бога боячис ратовали людей в таком великом утрапеню, а тот зас Бога запамяталий на имя Кондрат Федоренко ис Феском Федоренком и с Юрком Андрѣенком и с по(мо)чниками своими убоства чужое позабѣрали в

чти годливых козаков, на имя в Кирила Дюгтяренка в другого Костюка, которое то убоство в звишменованых злочинцов в ѣх схованях понаходили, що и вес мир под тое каране Божое своих убоств поотпалое, казалѣ до судов правних засѣсти и ведлуг права майдебурского а в статуту оказанной таких карат, теди ми уряд наш увес звишопѣсанний, казалисмо писару статут отворит пред звишописанним урядом, яко и людми зацними, и там в статуту указует в артикулѣ 20 и 6 роздѣле 14, а гдеби теж найдено по огню хотяй би теж в обчого чловека знайдено, щоби в той час сгинуло, коли горѣло, если там, под тамтим правом, у которого такую речъ знайдут, мѣют справедливости просити на злодея, а коли ся слушне не виведет, аби бил на горло скаран, ведлуг звишописаного роздѣла.

113.

Грицько Плугатарь укралъ копу овса съ нивы у Каленика Лещенка.

Року Божого 1670 октобра 17-го дня.

Передо мною **Федором Волком** сотником Барышъпольским на тотчасъ будучим, и при Василию Волочаю атаману, и при Иосипу Анъдрониченку вуйту, и при Федору Синявскими бурмистру, и при инших зацних мещанех, так теж и козакохъ, при тои справѣ будучих, приточилася справа межи Калеником Лещенко, у которого на ниви овса копу украдено; теди свидки признали пред нами же: Грицко Плугатар приходил до Лещенка у дом прохати, перший свѣдок Иесипъ Дранникъ, другий свѣдокъ Петро Скабий, третий Иванъ Дубинич погоничъ Лещенковъ, же що повѣдил, же Каленикъ Лещенко на том мѣстъцу сиялъ овес и казал зженником пожат; теды зженники нажали копу и снопув два. У килка дни том овесъ з нивы згинулъ; теды у Плугатара знайденый. И приходил у дом Плугатар просит Лещенков. Що мы уряд выслухавши тую справу казалисмо записат що теж у записано. Писано року и дня вышей писаного.

114.

Раздѣлъ имущества между вдовой Гапкой и свекромъ ея Панькомъ Черевченкомъ.

Року Божого 1670, месеця неевриа 18 дня.

За вѣдомостю его милости пана Думитрашки Райчи полковника войска его царского пресвѣтлого величества запорозского Переяславского, приточилас справа пред суд нашъ, мене Юря Миколаевича судю полкового Переяславского и при битности славетних панов и товариства пана Хведора Забузкого есавула полкового, пана Петра Романенка, панов Олехвѣра, Максима сотников, пана Тимофѣя Хведоренка атамана городового Баришовского и притомностю пана Ивана Новаковича сотника Баришполского, Василя Волочая атамана городового Баришполского и з иними особами Баришполскими, яко теж и иншими персонами при сей справѣ будучими, иж скаржилас жалобливе Гапка вдова обивателка Баришполская на Панка Черевченка свекра своего, обивателя тож Баришполского в тои мѣре, же онъ свекор по смерти малжонка еи а сына своего отправуючи еи отъ себе на свое господарство, любо через суд всего уряду Баришполского, ведлуг слушности давши юй бидла овечок, пашнѣ бив удѣлив, теди тое иначей судом же уряду Баришполского отменит афектовав, и що правѣ мнѣ дал овечок, бидла, свиней и пашнѣ тое, жеби знову по половицѣ поделивши от мене отобрати и кому иному до зросту дѣтей моих отдати; а собѣ зоставилъ свекор муй овечек девятеро, и к тим казан и грошей золотих пят, на знак памятки сина своего а малжонка моего, я в том не пречу, тилко забегаючи кривды своеи жеби мене в тои худобѣ, з которою мене от себе отправил, знову не ущербляв и не нарушил, на том милостей ваших правного варунку и россужденя покорне прошу. Панко Черевко за приволанем невѣстки своеи Гапки, отповѣд такую даючи, повидѣл: Папе уроде! иж яко уряд наш Баришполский, сотник, атаман з товариством, войт з мещани, чинил межи нами росправу, и я на том не пречачи, овшем, ведлуг наказу, свою невѣстку отправилом и далем юй овец семнадцят, ко-

рову, волов два, свиней трое, жита осмачок шест, овса три осмачки, гречки осмачку, гороху полосмачки, засѣву жита осм. три, поля на пахане нив пят, хату в мѣстѣ, жебы собѣ, где пойдет замуж зобрала з плецу, а поки не пойдет, жебы в ней мешкала спокойне; до господарства тиж, яко потребную реч, далем юй и жорна. А собѣ, через узнаня суду и уряду нашого, зоставилем овец девятеро, казан горѣлчаний, грошей золотих пят на отправу небожчиковскую, тое на увагу милостий ваших пущаю. Зачим я, увес уряд вишменований, уваживши, поневаж оная Гапка давала справу, що з небожчиком малжонком своим, любо при свекру, през лѣт десят мешкали, однак з особна працею своею худобки собѣ нажила, а тепер би знову не того, що дал, половицу на дѣти усилует отобрати, наказалисмо з одностайнего а праве згодного суду нашого, нинешним декретом нашим, аби оний Панко, поневаж що на знак сыновний памятки от невѣстки своей отобрал, на том жебы и переставал, не чипаючи юж болшей невѣстки своей; также и оная Гапка невѣстка его, що собѣ з отправи от свекра своего худоби, котрая ся вишшей меновала отдержала, на той абы переставала и тим ся контентовала, и яко хотячи тую власност свою ку доброму пожиткови своему обернула и користовала, не вимагаючи юж болшей едно на другом, так Панко на невѣстцѣ своей, любо бы и безпомошне ся зостала; яко теж и тая Гапка свекра своего из своими потомками, его самого и по нем потомков его, не турбовала, але жеби кождое з своего ся тѣшачи, без всяких турбаций и правних заводов жили спокойне, под закладом вины на упорную сторону коп литовских сто до шкатули войсковой. Который то декрет для вѣри и далшого межи ними (?) покритим нашим писмом ствердивши, при подписѣ и притисненям печати судевой полковое, выдалисмо. Писан в Баришовцѣ, року и дня звишменованого.

Юрий Миколаевич, судя полку Переяславского.

Тимош Хведоренко атаман Баришовскій.

115.

Утвержденіе раздѣла между братьями Федоромъ и Борисомъ Бурмаченками и вдовою дяди ихъ Мойсея Бурмачихою.

Року 1673, месеца Ноевріа дня 6.

Становили очевисто перед нами, передо мною Иваном Новаковичомъ, на тотчасъ бывшим сотником, Нестором Помашным атаманом городовым и при нас будучи заселыми на тот час Давыда Верны и Тишка Петровича Москаленка; также и при нас заселыми на тот час Федора Романовича войта и колекги его Андрея Мухомора и Федора Бездетки, и Федора Козокола, и Грицка Березенка, также и мещан при них будучих Федора Задыхайла, Федор Бурмаченко и Борис Бурмаченко, иж будучи позосталис по отцови своем у и през час немалый будучы жыли из собою и робили до купы заробляючы собе збирали; потомъ подруже собе знележши упатрыли собе же не ижити в одном месте промежку собою, чынили подел промежку собою при людех добрых и вери ходних, мяновите: при Василю Костенку а при Васылю Радишевскому и при Олексу Прасолу, мяновите: Федору брату двор Чудкончовский з винъницою, из колодезем и иле що до того двора приналежит; яко що ест поля во всехъ рукахъ и зо всею теперешнею озимою по половине; кобыла вороная томуж Федору, корова старая половая, бык перестый и корова рыжая половая свиней отдавшы Федор брату Борису четверо, то вси его; Борису брату плац дедовский и батковский зо всим и з садомъ, кобыла рыжая, корова гнедая, вол один седый, другий рыжий, назимков двох, то Борису; а що ест кон гнедый, того продавши, то долги мают поплатити. Матфею брату корову самотрет, кобыла, свиней двое; на . . . . ниве жыта отнут, на Голубенченковой ниве жыта отнут, половину нивы за Груздовкою, на Капустине нивя на тры дни, на Салковской дорозе а два дни, на Кнегинине уся нива; тое все Матвѣю. Моисеисѣ дяд(ино)й, отрубом двор у мѣсти, под ратушы, зо всим будинком и плец; корову ребую ис телем, до того подтелок; свиней трое, старая одна, малых двое; у засеве, ув озимине и в ерыне четвертая

част жыта на три дни до жнив дали; тое все ей Бурмачисе дошло, що приналежало. Що и те Бурмаченки становшы, так и Мойсеиха Бурмачиха, видечи, же подѣл ровный стал каждому, же од мала, до веля каждому дошло заровно, просили нас ураду, абы мы до книгъ мейских записали подел ихъ, и тое положили утвердити в записе, абы братя Бурмаченки от того часу, за ойцызну, за подел один до другого не мают мѣт жаднои справы вечными часы; также и дядиная не мает мет жадной справы о той подел. Который той подел ихъ чуючы, и просечы ихъ, абы до книгъ месских майдобурскихъ записали, що мы казали за писат; що ест записано року и дня вышей писаного.

Пашня, що ест готовая Федор з братом Борысом мает поделитися по половине.

116.

Степанъ Дегтярь продалъ хату Феску Кирилишиному зятю.

Книги за Харка Куранду.

Року 1674, месеца априля 12 дня.

Передо мною Харком Курандою и при мнѣ едностайно засѣлыми бурмистрами Иваном Тимошенком, Грицком Малишенком, Савъкою Захарченком, Миском Ходорковъским, ставшы очевисто Степан Догтяр созналъ доброволне, ижъ продал хату в мѣсти, которая лежитъ берегъ Шнурчихи, Фескови Кирилиному зятю за полсема золотого; уже ему от того часу волно тои хати спокойне заживат, продат, дат, дароват и яко (в) наилѣпъши свой пожитокъ обернут; а я вже самъ, жона и дѣти, и всѣ приятели мои до тои хаты жадное справы вѣчъными часы мѣти не маемо. О што просили нас, абы тое было до книгъ записано що есть записано.

117.

Васько съ шуряками купилъ ниву у Сидора Чирвы.

В року 1674, месеца июля дня 4-го.

Оповѣдал нами урядомъ, предо мною Павлом Стетченком войтомъ з бурмистрами Андрѣемъ Мурмаркою, Хведором Синявъским, Грицъкомъ Лапѣгою, Василѣм, в лавѣ засѣдаючих, мовячи: „Пане враде! купилисмо ниву заедно изъ шуръяками своими Гришкомъ и з братом его Иваномъ, в Сидора Чирви, жителя Трипулского на днюв чотири, за золотых два, при могоричниках Хвеску Рубашномъ и инших (не)мало людей зацъных; которий то Чирва признал, же свое власное прадал, нѣкому не пенъная нива, не заведеная, але его власная; до которой то нивы не повиненъ такъ реченый Сидоръ вповинатся, жона его и дѣти его вѣчными часы. А Васковѣ з шуръяками тая нива по половинѣ зостават повинъна, волно им тоеи нива любъ продат, заменят и на свой пожиток оборочат, якъ своим власнымъ. На що для лѣпное вѣри поставилисмо помѣж ними, з едного боку Хвеска Рубашного, а з другого боку Левка Куменка. (Мы, вряд) учувши доброволное их признане впросили нас, абы до книг месцкихъ приняли и записали, що ест и записано. Писанъ в ратушу Борисполскому року и дня вишъписаного.

Звышъменованый врадъ Борисполский. Евстафий Васченъко, писаръ, рука власная.

118.

Мойсеиха Бурмачиха продала свой дворъ Харку Шаповалу.

В року 1676, месеця апрѣля дня 22.

На вряде мѣста Борисполя, пред нами, предо мъною Ионисимомъ Миневичомъ войтом из бурмистрами Грицко Мовчан, Пилипъ Василенко, Анъдрею Мурмарцѣ ключнику и завѣдомом пана Ивана Новаковича сотника, Ивана Шорсткого атамана городового и при могоричниках Хведору Синявскому на тен час побѣрчого, и

при товариству, сторони козацькой Гишко Тарануха а Миско Шкурка, Иван Бугай, Сомко Винъникъ, могоричники и прислуханя тоеи купли, яко тижъ и продажѣ, Романъ Пятникъ и инъших людей зацнихъ и вѣри годнихъ. Чинила явно и доброволне Мойсеиха Бурмачиха бывшая, а в тот час Дмитриха, ижъ, мовит, пане врадѣ! продалашъ дворъ свой зо всѣмъ, такъ комора из сѣнъцами, стоячий близко ратуши, а з другой стороны Нагишенкова, за суму готових гроший, золотих пятдесят, которой то суми далам готових гроший копъ десят, а мѣю отдат о Нароженю Христовимъ копъ десятъ безъ полкопѣ, даст ли Господъ в року 1677 мом; которий то двор не пѣнний, не заведений, але свой власний позосталий по мужу своем Моисею Бурмацѣ, которий то дворъ легкую пану Харку Шаповалу вѣчностъ, волно ему тот дворъ изъ жоною своею Маръею продат, дароват, заменят, у своим дѣтем задержат, и на свой пожиток обернут; а я, такъ сама, яко родичи мои в тот дворъ впручатся (не мают); а хтобы мѣл, повинен мененный Харко до мене вдавати. Мы тежъ яко вряд, обохъ сторонъ, которие просили нас, абы до книг мѣских принято, що ест и записано. Писан врадовне року и дня вишписаного.

А хто бы мѣл въ тот двор впират, на такого заруки на их милост закладам, заруки золотих 100, во южъ право было на тое от родичов.

119.

Василь Осипенко долженъ отдать корову сестрѣ своей Ганнѣ, женѣ Марка Демченка.

В року 1676, месеця марта дня 31.

На врядѣ мѣскомъ в ратушу Борисполскомъ, пред нами, предо мъною Иваном Новаковичомъ сотникомъ Борисполским, Иваном Шорстким атаманомъ городовымъ и при нас товариству, Иван Горкун, Прокопъ Семененко, зосланого до книгъ запису, Лукян Гриненко, Яцко Анътоненко, инъшого товариства немало и при быт-

ности пана Онисыма Миневича войта из бурмистрами Грицко Мовчанъ, Пилип Василенко, Анъдрей Мурмарко ключникъ, припозвалъ был Марко Демченко Василя Осипенка по смерти отца и матки его, шурина своего, таким способомъ: ижъ вноминался, яко звычайного за дѣвкою бывает, который то отецъ его дал был ему корову за дочкою своею Ганною, сестрою его; теди того часу не принял в посягу, по смерти отца его вноменулся в шурина своего Василя. Зачимъ наказалисмо ис права, жебы дал оную корову мененной сестрѣ его, що такъ ся и стало, же мусилъ дат; зачимъ погодилъ Василь зятя в вѣчност, который болшъ не повиненъ турбоват, такъ жона и дѣти его, приятелѣ близкие и далекие вѣчни(ми) часы. А еслибы теразнѣйшого, любъ потомные часы Господь Богъ Василя обернулъ, яко теразъ часи небезпечние, любъ на войнѣ, любъ где колвекъ Богъ духа приймет, отписует убозство свое жонѣ своей Хими позосталое, на що мают росправит люде; част мает зостават жонѣ, част мает зостават на церков Рождества Богородици. А если даст Господъ потомство мънѣ, то оному повинен вес . . . . . зостават, такъ двор, зо всѣмъ приналежачим, яко и поля и лес где ест, а и тое припоминку зостает, еслибы мѣлъ Господъ Богъ изъ неволѣ бисурманской Пылипа, брата его старшого, мает част зостават отцевщины и оному; а если южъ по смерти зоставатимет, вся мает част тая мененная на церковъ Пресвятой Богородици зостават, що потверъжаю повторе и проклятство кладет, еслибы еще мѣла, такъ кости отца их и матки порушат, любъ и Василя турбоват, любъ сестра его и хто колвекъ, такового зватимут на страшный судъ, пред нелицемѣрного Судию, который будетъ судит живых, и проклят будет в семъ и в будущем вѣцѣ. Що для лѣпшое вѣри и певности казалис(мо) до книгъ мѣских записат, що есть и записано. Писано року и дня вишписанного.

120.

Кіевская жителька Галя Семениха Дяденчиха выдаетъ росписку жителямъ м. Борисполя въ полученіи денегъ за порохъ, взятый у ея мужа во время войны «першого шеремета».

Року Божого тисеча шѣстсотъ семъдесятъ семого, месеца марта дня 24.

Я, Галя Семениха Дяденчиха, жителка Киевъская, чиню вѣдомо симъ моимъ писмомъ, кому бы о томъ потреба будетъ, ижъ я вишъменованная Семениха изгодившися о дулг слушный вчинивши изъ жителми Богоспасаемого града Борисполя, такъ козаками яко и мещани, за порохъ, который брали в Семена Дяденка мужа моего небожчика, подъчас войны першого шеремета, который наступуючи на оно реченное мѣсто Бориспол, при котором и мы зостаючи, зо всѣмъ своим маеткомъ, мѣлисмо порохъ, зачимъ того часу, до того пришло давалисмо тот порох не рахункомъ, бо кожному о здоровя и о души шло, хто тилко на тое способний был до бою, а звлаща огнистой стрѣльбы, брали не вагою, зачимъ мнѣ позосталой по мужу своем, давалам позов на ихъ в мѣсто Бориспол, такъ до яспе велможного его милости пана Ивана Самойловича, пана гетмана его царского пресвѣтлого величества запорозского, якож и до его милости Войци Сербина, полковника Переяславского, от которих писма отримавшы показала, абы мени за тот порох погодили и заплатили; зачимъ тепер, завѣдомом пана Ивана Новаковича сотника Борисполского, Ивана Шорсткого атамана городового, Йонисима Миневича войта и бурмистрами Грицком Мовчаномъ, Пилипом Василенком, Анъдрѣем Мурмаркою, квитую, отримавши от них за тот порох суму цѣлую. которая мнѣ належна была, такъ козаков, мѣщан, якъ жон и дѣтей ихъ, не повинъна южъ болшъ поновлят за тот порох, такъ я сама, яко и приятелѣ мои, близкии и далекии, вѣчними часы; на що для лѣпшои вѣри и невности и правного попартя, казалам до книг мѣских записат, що ест и записано приюдне зацних вышей писанихъ. Писан в ратушу Борисполском, року и дня вышписаного.

При том квитованом писмѣ были люди добрие, Хвеско Нехорошенко хоружий сотни Борисполской, Микита Левоненъко атаманъ курѣнный пихотный, Грицко Васиченко, Ананас Гапоненко, Иля Радивоненко, Степан Вовнянка, Гордѣй Грищенко, товариство. Мищане: Евхим Бурънѣй, Тимушъ Приймакъ и инших людей зацних немало.

Звишменований вряд Борисполский Евстафий Ващенко, писар на тот час.

121.

Жалоба Ивана Марченка на Танчичку Яциху за нанесеніе обиды словами.

В року 1678, месеца июля дня 4.

Ставъши очевисто, пред нами врадом, предо мъною Лукяном Гриненкомъ, атаманомъ городовымъ, Анъдреемъ Муръмаръкою войтомъ и при бурмистрахъ Григорию Мовъчану, Ивану Гусаку ключнику, и при бытности Ониска Рудъченка Семен Попович шинъкаръ и иншихъ людей зацних много, прекладал жалобу Иван Ларъченко на тотчас бурмистръ в лавѣ засѣдаючий, мовячи: пане враде! дала мнѣ безчестя Яцыха Танъчичъка, жителка Борисполская, таковим способомъ: трафилос, мовит, мнѣ едъного часу изъ губилем был своего власного быка, которого знайшолемъ изъ Яцковим товаромъ Танъчиковым в полю, при пастуху его, и сталемъ питати: „где ти того быка взял?“ Который хлопецъ признал: в нас той бык, кажет, и ночует. Теди пыталемъ его: чомужъ вы старъшому не ознаймили?—Я, кажет, по килка разий въ старъшого опитывалемъся, не признался старший, жебы такого быка ознаймовал. Но тое хлопецъ отказал: и я господару своему казал, жебы старшому того быка ознаймил, теди мнѣ казал: непотреба, мовячи, небоже, ознаимоват старъшому; якъ ознаймимо, то в чоловѣка болшъ будет коштовати, а то якъ познает, волно ему будет взяти. На що мы врядъ, давъную его рѣч, що и с-щого початокъ тои справѣ стался, випитавъшы, казалисмо людей поставит. Теди поставил Стецъка Былиловъця

и Сахна Розвалку и Петра Сугоняку, которие признали, мовячи: Пане враде! была то правъда, ижъ Яцъко турбацию мѣлъ за того быка, за враду Лукяна Гриненка наказного сотника, в тот час на врадѣ были сего гетмана наставъляли, пана Ивана Самойловича, а атаманом былъ Ониско Рудъченко, которого, якъ моглъ годити изъ людми просил за тое, же в чужого быка вклепался, именно реченного Ларъченка, Остапъ Шолудъко, Стецъко Былиловецъ, Давидъ Верънченко и иншие, за реченный проступокъ Танъчиков просили и впросили. Мы тихъ выслухавъши яко врадъ першую справу, такъ от самого Ивана и от признаних питалисмо, що за причина тому, що тиразнѣйшого часу позовъ даешъ безбытности мужа еи Танъчика жону его; теди признал: словами, каже, пане враде, злими побликовала Яциха, мовячи: ти, каже, в нас купил быка за чехъ. За тое еи слово, позовъ далемъ, нехай мнѣ того доводитъ, жебимъ где, в кого, такъ дешево быка купилъ. На що, выслухавъшы жалобу его, казали издаватис на людей, що признал Грицъко Мовчанъ, Анъдрѣй Мухомор, Петро Новенъко признали в тие слова: говорила, кажут, пане враде, же якобы Иванъ купилъ в пастуха их Танъчикова быка за чехъ. На що казалисмо Танъчицъцѣ того доводит, чого и не довела, и такъ щекаючи якъ непоцътивою губою, и знову в свои уста побрала; для чого ис плачемъ людъми зацными годила из Остапомъ Шолудъченкомъ, Стецком Билиловцем, Стецкомъ Давиденком и зъ иншими людъми, Хвеском Гриценкомъ, Иваном Сухолѣсенкомъ, много. При той тежъ справѣ положилисмо премежъку ними за руку на пана полковника Переяславъского талярей сто, жебы не тилко отъ Яцъка Танчика, або от жоны его мѣлъ Иван оние слова, але естлибы от людей якие похвалки перечулъ, що бы мѣли они говорити, такой заруки не вводит. Мы тежъ, яко врадъ, вислухавъшы его жалобу и признане людъское, просили нас, абысмы оную ихъ справу до книгъ мѣских приняли и записали, що ест и записано. Писан в ратушу Борисполском, року и дня вишъменованого.

Звишъменований вряд Борисполский. Евстафий Ващенко, писар мѣский.

122.

Споръ между Иваномъ Кармазенкомъ и Пархоменками изъ-за грунта въ Иваньковѣ.

1678.

Приточилас справа пред вряд наш, **Лукяна Гриненка** сотника Борисполскаго, Василя Москаленка атамана городового, Ониска Рудъченка, такъже на тотчас без бытности атамана, наказним атаманомъ, Анъдрея Мурмарка войта из бурмистрами Грицка Мовчана, Ивана Ларъченка, Ивана Гусака, и при товариству Ивана Шорстского, Илъи Слипенкого и иншого много промежку Ивана Каръмазенка и Пархоменков, Грицка, и Хомы, и Анъдрѣя, за грунътъ, таковимъ способомъ: Трафилось еще живым будучи Муръмарцѣ, купил был в попа Иванковского отца Хведора, пляцъ за готовую суму ис хоромами, а попу тому зостался за сорокоуст, подчас Дрижиполского року; которий тот пляцъ продал был Анъдре Муръмарченку зостался по родичах. Теди пожившы час який, або и килка лѣтъ, продал Карпу Прасолу, а Каръпъ писару Микчасу, а в писара купил Паръхом небожчикъ, за що позосталие сини его реченние тимъ ся контентовали, на чомъ застали отцевщину. Теды помененний Каръмазенко изъ жоною своею перечувъши от людей зацних, же болшъ его грунту мѣло быти, доходил своего и призвавъши до нас враду становил свѣдки, Конона Прасола у Каръпа также Прасола, которие признавали, по якую межу тот грунтъ зоставал. Щежъ на томъ Пархоменки не контентуючися, ставили своѣ свѣдъки, за що мѣлъ туръбацию и Конон реченный, щожъ еще при томъ же поставившися Ониско Миневич и Анъдрий Литвин, и тиежъ признали, же слово волово на томъ была межа; иншихъ много в тожъ признавали. Которимъ свѣдетствомъ ище не контентуючися, Пархоменки давали позов на Конона за свѣдецство. Теди видечи Конон невинност свою, мусилъ копати землю, шукати межи граничноѣ; теди знашолъ стародавний погребъ, при межи зостаючий, (ко)торий копалъ Карпъ, тамъ жіючий; зачимъ ажъ му-

силъ земълею от того позву отпертис. Що мы, яко вряд углядѣвшы в самую слушност наказалисмо на тои городит, а им до згоди и до поединя прийти, щожъ такъ и стало, погодивъшися, руки подавали, же южъ един другого, сторони обѣдвѣ турбовати не повинни, такъ они сами, яко жони, дѣти и приятелѣ близкие и далекие вѣчными часы. Для правного попертя и заруку казалисмо положит на его милост пана полковника Переяславъского, талярей десят, а на нашъ вряд талярей пят. На що для лѣпшой вѣри и и певности, просили насъ, абы до книг мѣскихъ приняли и записали. Писан в ратушу Борисполскомъ року 1678, месеца декабра 11. Остафий Ващенко, писар на тот час.

123.

Грицко Остановичъ, сынъ Тихаго, а зять Товстаго, продалъ грунтъ и гай Ивану Шорсткому и Остапу Горбаню.

Року 1680 месеца ануария 8-го.

Становшы очевисто пред нами, предо мъною Лукяном Гриненком сотникомъ Борисполскимъ, Василем Москаленкомъ атаманомъ городовымъ, Григорием Березенкомъ войтомъ и при бурмистрахъ Грицку Мовчану, Евхиму Ключнику, Семену Яценъку и при товариствах изъ уряду приданых, Василю Щербаненку, Юску Поташку, Якиму Лобку и при могоричниках Грицку Онищенку, Ивану Коломийцю, Якиму Бураку и инших мищан много, чинил вѣдомо Грицъко Остапович Тихого синъ, а зят Товстого, мовячи: Пане враде! Продалемъ кгрунтъ тестювский Хвеска Товстого позосталый по смерти его гай ис сѣножатями, якъ в собѣ мает, взювъшы от самого гаю по гостинецъ Баришовский и по мочилы, или где ест кгрунътъ Богдановский або Косиполе славетнимъ пану Ивану Шорсткому и Остапу Горбаню, за готовую суму, золотыхъ двадцет личбы Литовъской; которий бы то кгрунтъ продалем доброволне на долги тестювские, нѣ от кого не намовлен, толко имъ тим кгрунтомъ продат, дароват, заминят и своим дѣтям задержат; а я такъ

самъ, жона и дѣти могъ неповинъни втручатис вѣчными часы. А хтобы мѣлъ ис приятелей близких и далекихъ в тот крунтъ впираючис доходит, я повинен отповѣдат. На що для лѣпшой вѣри и певности просили враду, абы до книгъ мѣстскихъ принято и записано, що ест и записано. Писан в ратушу Борисполской року и дня вишписаного. Звишменованный вряд Борисполский. Евстафий Василевич писар рукою.

124.

Татьяна Лесиха продала ниву Филипну, Давиденкову сыну.

Року 1682, месеца мая.

Передо мною **Хведором Хвилоновичом**, сотником Борисполским, Лукияном Гриненком атаманом городовым и при нас вуйтом Андрѣемъ Му....., Грицком Мовчаном бурмистромъ, Калеником Цѣпиком ключъником, Юском Тищенком рочними бурмистрами, и при Гапону Тарану атаману курѣнном и при Роману Рудченку и при Совѣ Мойсѣю, и при инших людех зацных, чинила вѣдомо ясне, явне, доброволне до запису, до книг мѣских Татияна Лесиха, на тот час вдовою будучи, мещанка Борисполская, мовячи: Пане враде! Продалам ниву, лежачую за мостком, межи дорогами двома к лѣсу Вернину, на гоней двое, пану Пилипу, Давиденковому сыну, за готовие гроши, золотих полчварта, свое поле власное, свекровское; волно тому Пилипу Давиденку тое поле продат, даровати и заменяти, и на свой пожиток обернувши дѣтем своим задержати; а я такъ сама, реченная Татяна, якож и дитина моя и приятелѣ моѣ не повинни втручатис вѣчными часы. На що для лѣпшои вѣри и певности просили нас, яко враду о запис, що (ест) записано. Писано в ратуши Борисполской при людне, року и дня вишей писанного. Роман Стефанович писар козацъкий, рукою.

125.

Катря Мухомориха продала свой дворъ Хведору Ивановичу.

Року 1682, месеца мая дня 6-го.

Пред нами, предо мъя Василемъ Москаленкомъ сотникомъ наказнымъ, Давидомъ Верненкомъ атаманомъ городовымъ и за вѣдомомъ Ивана Малинъского войта, Ивана Гусака ключника ратушного и при бытности Исака Шкуръки, Ивана Шепеленка, Хвеска Безлюдного и иныхъ многихъ, чинила вѣдомо и сознала ясно, явно до книгъ мѣскихъ, мовячи: Пане враде! Я Катра Мухомориха жителка Борисполская, будучи при старости лѣтъ моихъ а позоставшися по мужу моемъ, видячи, же нѣчимь контентоватис, продаламъ дворъ свой, лежачий промежку отця Корния и Яремина ткача, за готовие гроши личъби литовскои, пану Хведору Ивановичу (за) золотих пятнадцат; от которого двора отдаливъши себе самою и сыновъ моих Семена и Гаврила, и Ивана, приятелей наших близких и далеких на вичност; волно пану Хведору Ивановичу в том дворѣ будинокъ становити, жити, продати, даровати и заменяти, и на свой пожиток дитем своим задержати. О що просилам, яко вряду, абы до книг миских Борисполских принято было и записано; що и записано. Писан в ратушу Борисполском року и дня вишъ писаного, за ураду Хведора Хвилоновича, сотника Борисполского. Звышъменованный урад Борисполский. Романъ Степанович, писар козацкий.

126.

Багнюкъ оштрафованъ отнятіемъ коня за то, что шинковалъ, хотя шинковой промыселъ въ мѣстечкѣ Борисполѣ отданъ былъ въ аренду полковому переяславскому писарю Петру Максимовичу.

Року 1683, месеца мая 30 дня.

Запис до книгъ мѣскихъ Борисполскихъ. Предо мъною Хведоромъ Хвилоновичомъ сотникомъ Борисполскимъ, Давидомъ Верненкомъ атаманомъ городовымъ, Иваномъ Малинскимъ войтомъ, Иваномъ Семеновичомъ ключникомъ ратушнымъ и за вѣдомомъ такъ то-

вариства и иных, заславъши нас ясне велможний его милость панъ гетманъ универсаломъ своимъ казал всѣмъ вычитавши загрозит, бы прешкоды ани жаднои в арендѣ горѣлчаной, в которомъ панъскомъ универсалу вручено и подано в посессию его милости пану Петру Максимовичу на тотчас писару полковому Переяславскому мѣстечко наше за его власную суму до скарбу войскового отплатит; зачимъ излецивъши панъ Пѣтро, Ивану Петровичу свое такъ господарство и шапарство, приказовал, бы якъ належитъ перестерегалъ в потайныхъ шинкахъ; онъ тежъ, яко вѣрний слуга пана своего, постерегал потаемныхъ шинковъ, аже не поеднокротъ знаючи о Тимошу Багнюку, жителю нашому, же он потаемно шинки дѣет, упоминал его, мовячи: знай певне, же тебе я зъ горѣлкою шинковною поймаю; и такъ он тое легцеважачи шинковал. Для чого, яко господар тому панъскому добру, дважди поймал, от него купленую у фляшкахъ из горѣлкою людей, которие пред врядом признали от власного Багнюка купленую горѣлку ношовали. Теди мы, врадъ, видечи, же тот Багнюк воли панской противен, казалисмо по указу пана писара полкового, взявъши коня сивого отдат; на що панъ писар, яко ласкавый пан, взял того коня, що напил был Багнюк в ворендѣ талярей два, а до того що ему перешкоду дѣялъ в ворендѣ, а що болшого, такъ казали и худобою подаровавъши, казал для лѣпшой вѣри и правного попартя в книги мѣские записат, що ест и записано. Писано в ратуши Борисполской, року и дня вишписанного.

127.

Раздѣлъ гая между Дудорковскими жителями братьями Осѣмъ и Гришкомъ Корніенками и сестрою ихъ Хвесею, причемъ сотникъ взялъ клинокъ гая въ поссессію.

Року тисеча шестсот осемдесят пятого месеца генъвара 26 дня.

Ставши перед мене Хведора Хвилоновича сотника Бориспулского, Ивана Шорткого атамана городового, при товариществу

Степану Билиловцу, Василю Москаленъку и при бытности Ивана Малинского и при инших многихъ Огѣй и Гришко Корніенъки, жителѣ Дудорковъские, оповѣдали нам уряду, же ойцѣ их отходячи на он свѣтъ, не росправив сыновей своих гаями, прото мы, видячи прозбу так реченных Корніенъковъ, якожъ причину от чернъцюв свято-Троецких, бы их слушне, ведле правди святой подѣлили. Прото я вишреченый сотникъ, взявши из собою Романа Стефановича, писара козацъкого, Степана Ворочаенка, хоружого нашого, и зѣхавшы до села Дудоркова, казали тамошнимъ жителем изийтися, припитуючися, ежели свѣдоми о тих гаях; теди признали двѣ жителѣ Дудорковские, же то отец их з давных часов оными гаями владнѣл и пожитковалъ. Для чого ми, врад взявши ис собою Грицъка Тишченъка войта тамошнего, отца Романа священника, Тишка Старого и Ивана зятя его, Петра Козорѣзенъка, и Матвѣя Маняченъка, обихавшы тот гай, вдѣлили част вышпомененому Огѣю Корженъку, помежъ Олексѣя Хиленкового, а з другой стороны Панъка Черевка и помежъ Сотницкого, и подорожку, знаки поробыли; и с того тижъ гаю оддѣлили Гришку менъшему Корніенъку помѣжъ Гордѣевого по озеро и по дорогу; до того тиж Хвесѣ Корніенкѣ, сестрѣ их, дали тогож подѣлу частку гаю, помѣжъ Огѣя брата еѣ и Гордѣевого; оние зас стороны всѣ три, слушне промежку ними подѣл от нас бачачи, на томъ зостали, которому, где, вказано, и принявши из собою погоду, из доброи волѣ своей, вдѣлили мнѣ мененному сотникѣ, со всѣхъ сторон трох, прилюдне, помененых жителех Дударкувских, такъ священнику, атаману и войту Матвѣю Мулявцѣ и Тишку Старому, и при Ивану зяти Тишковомъ, и при инших в посессию, въ держане вѣчное, яко старшому своему, частку гаю тогож называемимъ Клинъкомъ. Ми тежъ, уряд, прибувши ис того села Дударкова до мѣстечка нашого, объснившы такъ товариству, казалисмо онихъ сторонъ письмомъ укопътенътовати, варуючы тепер и на потомные часы, би кождый зъ нихъ оним гаемъ частю подѣлу вольно держали, которому будетъ потреба продать и дароват и заменят, и яхъ хотя владнутъ, жонѣ и детемъ своим на вѣчност задержати; на що для лѣпшой вѣри и певности просили нас, яко

враду о запис, на що и даем при печати нашой войсковой и руцѣ писарской. Писанъ въ Борисполю, року и дня вишписаного. Григорий Талѣржевский писар мѣский рукою.

128.

Судъ надъ ворами Ониськомъ Голянкою и другими.

1686.

На враде мескомъ вратушу Борисполскомъ, пред нами перъсонами засѣлими, на тотчас будучою старшиною **Федоромъ Филоновичомъ Магировскимъ**, сотникомъ Борисполскимъ, Конономъ Сеничомъ наказнымъ сотникомъ, Иваномъ Горкуномъ атаманомъ городовымъ, Хведоромъ Проскурнею войтомъ, Иовомъ Карпенкомъ бурмистромъ, Гарасимомъ Шевцемъ ключникомъ, едностайне въ лавѣ засѣдаючимъ рочными бурмистрами, а при насъ обополныхъ сторонъ зацне славетных товариствi и мѣщанъ именъно тут написаныхъ: Васил Москалъ, Степану Бублику, Ивану Сахненку, Микитѣ Леенѣньку, Роману Павлюченъку, Сидору Коваленъку, Евхиму Игнатенъку, Ивану Безбородченъку, Миску Копилу, Стефану Волочаю, Стефану Билиловцю, Микитѣ возному, Ивану Колѣнъку, Ивану Куранъдѣ, Каленику Просолу, и мещанахъ Павлу Пятнику, Хведору Курандѣ, Каленику Прасоловому зятю, Пархому Первушу, Степану Исаенъку, Ивану Исаенъку, Ивану Гусаку, Гаврилу Клименъку, Гаврилу Мухомору и многихъ персонъ зацныхъ и вѣри годныхъ людях радилисмос еднокупне, яковымъ кшталтомъ из проступъными а явъными злочинцами, о нимъ за ихъ расколъ вчинити кару. А же всѣ еднокупно, такъ товариство, якожъ мещане изговорили, мовячи до насъ враду: покы тимъ злочинъцюмъ сидячимъ держати ихъ сторожею, бавите мещанъ и приклади свѣчками на каждую ночь свѣтячы, тратити мѣские гроши, на которыхъ вже коштовало золотых болшъ десятка. Прото мы, врядъ, выслухавъшы пораду еднополную казалисмо одозватис тимъ, в которыхъ шъкоду и крадецство починили злочинъци; овожъ тие, ани один изъ них до нас враду на судъ скаръги не уносили, на очевистое людъского

всего народу и въизду нашого на торгъ пятничный тихъ злочинъцовъ слузѣ мѣскому казали до прингеля дати и питати, в кого зломислнымъ своимъ злодѣйскимъ способомъ, кому шкоды починили, призналъ Ониско Голянка злодѣй: мы, кажет, вкрали изъ Михалемъ Збегълымъ кобылу в . . . . . Борисполского и продали в Фастове за золотыхъ осмъ: и знову в Ковбасенка вкрали кожуховъ два в окъно вытягши и продали барзо за малие гроши на пристани Киевъской, съ тымъ же и ярмолукъ ис тымижъ кожухами; воловъ три тожъ Голюнка признал, же вкрали на Груздовъцы ис Коротенъкомъ Иевдоховыхъ два и Пѣтакового едного; всѣ тие в Киеви продали из Коротенъкомъ, в Киевѣ платье музское—изъ Жабским; тежъ признался Голюнка, же по крали в Колѣнка и в Яцути, ищо тожъ в Гордѣя свиту вкрали и пироги ис погреба, то все из Жабским; а особливе Жабский овичку вкралъ у Верценка; а грошей вкралъ полчварта ста золотыхъ у своего шурына коваля; и многие пакости людям чинили. Про що за всѣ ихъ проступъства казали мѣскому слузѣ волати по мѣсту, бы кождый, коли крывъда сталас, впоминалис и инстикговали на тихъ злочинцовъ; теди ани единъ изъ них не инстикговалъ и на смертъ ихъ и на душу не вотовали, тилко водле кари казали ихъ впродъ привязавъшы публичне соцкому бити, и од чести людской отлучити. Аже увес народ на оних молодыхъ злочинцовъ, стали говорити, такъ станы старие и середъние, якожъ и меншие, бы були пущини на покаяние, мовячи, ежели послѣ сего не покаются на своихъ головахъ отнесутъ изгибелъ, понѣважъ нихто на ихъ не инстикгуетъ, еднакъ карани и быти пред слугу мѣского посторонками, из мѣста преч выбитие и вигнание зостали, пригрозивъши кождому из мешканцовъ нашихъ и еден, не тилько ис принятеловъ и кревънихъ ихъ не держали и не приймовали въ доми, але и кождому приказали, бы сусѣдъ сусѣда престерегалъ, такихъ зломыслъных надъзвычай преступцовъ и злодѣевъ не держати, але цѣле и в уизду нашомъ и по селахъ не мѣти и не приймовати. Тое ихъ злодѣяние документомъ выписавъши до книгъ мѣскихъ вписати писарови нашому приказали. Писано в ратушу мѣскомъ року 1686, месеца июня 15 дня.

129.

Священникъ церкви Рождества Богородицы Іоаннъ продалъ свой домъ священнику церкви Свв. Бориса и Глѣба Григорію Евфиміевичу.

Року тисяча шестсот осмдесят сомого месяца февраля дня девятогонадцат.

Передо мною Федоромъ Филоновичом сотником Борисполским, Лукияном Гриненком атаманом городовим и при нас будучи товариства Иванъ Шорсткий, Васил Москал, Гапон Таран, Давиду Верненку и инших много, так тежъ и при урадѣ мѣскомъ в ратуши засѣдлом, Ивану Малинском вуйту и при немъ будучихъ бурмистровъ Пилипу Груздовъскому, Ивану ключнику ратушному, Прокопу Ехименку и иншим разним людем при томъ ни урати засилихъ нижей подписаних, чинилъ оповедъ ясне, явне и доброволне тепер и на потомние часы священно иерей Иванъ презвѣтер храму Рожества Пресвятои Богородицы, въ таковый способъ, мовячи: Пане враде! продалемъ домъ мой власный, никому не заведенний и не пенний, на предмѣстю, за брамою Киевскою стоячий, з однои стороні, помѣжний Федор Куранда, з другои стороны Матвѣй Ткач и по дорожку, которая лежит на Груздовку прозываемую улицу; а тотъ думъ зо всѣмъ тим кгрунтомъ и будинкомъ, якъ (ся) в себѣ маетъ, священному іерею Григорию Евфимиевичу презвѣтеру церкви святихъ страстотерпцовъ Бориса и Глѣба, за готовую суму золотых иятдесят, монети доброй, отдаючи оному, вѣчне тимъ домом владнут, якото своим власным, волно теж ему запродавати и вѣчне продати, любо даровати, албо съ ким заменяти и якъ хотѣти, ведлуг умыслу своего на пожитокъ свой оборочати, жонѣ своей и дѣтом своим задержати, тежъ варую и вѣчне записую, аби священному иерею Григорию въ его власном дому зо всѣмъ его будинком, нихто жадноѣ перешкоди и утиску не важилсе чинити, яко не повиненъ я, ани жона моя, анѣ потомокъ мой, такъ тежъ кревние моѣ, близкие и далекие, сикцессий собѣ жадных вынаходити. Давши тежъ волю до всего того кгрунту з будинкомъ на немъ стоячимъ от мене

священно-иерея Иоана Василиевича проданного священно-иерею Григорию Евфимиевичу симъ записом при урадѣ мѣском отвержаю и вѣчные записую, що я просилем уряду, жебы было и до книг мѣских записано—що есть и записано. А священно-иерею Григорию, даю сей мой выпис врадовне, выписавшы съ книгъ перед урадом вышописанном, при печати мѣской и козацкой и руцѣ писарской. Писан въ ратуши Борисполской року и дня пышъописанного. Роман Стефановичъ писаръ козацкий Борисполский.—Тут тежъ устне прошоние мещане о подпис своихъ рукъ, Андрий Борсук, Стецко Исаенко, Каленик Прасолов зят, Панъко Киселювъ зят, Левко Олексѣенко, Стецко Якименко, Омелько Ковбаса, имена свои подписали, будучи при томъ записѣ.

130.

Духовное завѣщаніе Варвары Микитихы Зѣньчихи.

1687 сентября 28-го.

Во имя Отца и Сына и (Духа) Святого Аминь.

Я, раба Божия Варвара Микитиха Зѣнъчиха, чиню вѣдомо сымъ моим тестаментомъ, такъ стану свѣцкого и духовного, ижъ длуговъ жаднихъ по собѣ не зоставляю. Напрод вручаю душу мою Господу Богу а тѣло землѣ, которое мает бити поховано ведле звичаю християнъского при храмѣ святыхъ князей роскихъ Бориса и Глѣба, при том роспаражаю дѣти своего першого мужа Яцка, Василя и Кирила, повеважъ жиючи я ис вторым мужем симъ Микитою лѣтъ больш тридцати, теди угледѣвши, мужъ мой Микита на лѣта ихъ двоихъ пожениви и подѣлъ промежку ихъ учинилъ прилюдне, при Миску Верненъку и Хомѣ Верненку от их рукъ, а од руки мужа моего пры Гордѣю ктитору Борисоглѣбскому, далъ имъ на всѣхъ трохъ воловъ два, коровы двѣ, а що за их отцевщини зоставало грошей готових, отдал золотих полчвартанадцетъ, Кирѣю не жонатому дал на жупанъ золотих десет и жита копъ десет, томужъ дал свиней двое и курту шептуровую мене матки их

оних до себе взяли, проте отдѣливши мужъ мой ихъ сынов моих, волнимъ зостает, не повинъни позосталие дѣти мои мужа моего, кождый из них турбовати и слова моего касовати, костей моих порушати. А который бы мѣлъ, любъ из синовъ моих, албо ис кревних наших, слова моего касовати и кости мои порушати, такового буду на страшный судъ Божий позывати. На щом упросила от Филоновича сотника на тот час Ивана Шорсткого атамана городового, писара мѣсцкого, который писалъ при отцу Матвѣю священнику Святониколскому и при Ивану Самуйленку, Яцку Цибару, Василию Ярмоленъку, при печати, туюжъ душеотходницу для далшого часу вѣри данъня, (аби) вписали въ книги мѣсткие ратушние. За упрошеньемъ врадъ, **Ивана Шорсткого** на тотчасъ **сотника,** Григория Кириченка атамана городового, и за Прокопия Рубашного войта, Стецъка Саенъка, Мартина Чурака, Ивана Безлюди ключника, за рочних бурмистровъ и при людях инших зацних и вѣры годних, при Гордѣю ктитору, Борисоглѣбскому, Ваську Сугоняцѣ и при Григорию Голубничомъ устне запрошоными въ ратушу для записанъя, що ест и записано септевра 28, 1687 року

Писар Григорий Миколаевич рукою власною

131.

Мартинъ Нестеренко продалъ грунтъ въ Кучаковѣ и три нивы подъ Лебединомъ Алексѣю Скорику и огородъ въ Кучаковѣ Андрею Бабиченку.

Року 1688, месяца мая 9 дня.

За враду сотництва Ивана Шорстъкого, на тотчас сотника Барышполского, Гордѣя Ковалювского атамана городового, а перед мене Стецка Исаенъка войта, Евлаха Груздувского, Тараса Дужченъка Полуляховского, Ивана Безлюди ключника ратушного рочных бурмистровъ, и при мещанех Петру Юсковичу Скабѣенку и Гнату Романовичу Мовчаненку и Пархому Вовку, Леску Долѣ, Тарасу Верещацѣ, на тотчас въ ратуши мѣской засѣдлыми будучы. Приходили перед нас врадъ, стороны, Алексѣй Скориченъко да Андрѣй

Бабиченко, жителѣ Баришполъские, една сторона, а другая сторона Мартинъ Нестеренъко втожъ мешканецъ Баришполский, который мѣючи грунтъ свой по змерломъ родичу своем (мат)чиного племя дядковский, лежачий въ селѣ Кучаковѣ ему власне належитый помѣжъ Романа Слусара зъ едной стороны, а з другой—помѣжъ садки, и который то огород из трома нивами подъ Лебединъ лежачими, продал реченому Алексѣеви Скорикови за первую суму, зазолотих тринадцеть и за шест грошей монетою готовою доброю, а другий огород продал из займищемъ Андрѣю Бабиченъку [1]) за золотихъ вусѣмъ. Теды нас, яко враду обѣдвѣ сторони просили до кънигъ мѣских о запис; аже мы, видячи помененую того Мартина добровольную продажу, а другой сторони скутечную куплю, казалисмо до книгъ мѣскихъ записати. Дѣялося звишмененого року и дня.

Григори Михайловичъ писар мѣсткий рукою.

132.

Судъ надъ ворами Петромъ Тарасенкомъ, Конономъ Космаченкомъ и другими.

1696.

На врядѣ мѣскомъ в ратушу Борисполскомъ, предъ нами врадомъ, Феодоромъ Магировъскимъ сотникомъ на тотчас будучим, Микитою Левоненъкомъ атаманомъ городовымъ, Тарасомъ Власенком войтомъ, Иваномъ Темеренкомъ бурмистромъ, Иваномъ Курандою ключникомъ ратушнымъ, и при нас зостаючихъ на тотчас засѣлих в ратушу, Иване Сахненъку, Павлу Яковенку, Хведору Найдюшку и Панасу Захарченку, Матвѣю Проценъку, Гришку, Хомѣ Прожейку атаманѣ курѣнъном, для прислуючихъся права и при товариству Василю Москалю, Гапону Тарану, Сидору Коваленку, Каленику Левченъку и при многихъ такъ товариства и мещанъ, (яко и иных людей

[1]) До сихъ поръ одно урочище въ Кучаковскомъ лѣсу носитъ названіе „Бабичевой Дубинкѣ“.

зацных), ставъши передъ суд наш Васил Налуйченко, Иванъ Колѣнъко и всѣ зацние товариство скаржилися на пойманихъ злочинцовъ, которыхъ изъ лицемъ ознаймовали, и же в нихъ двохъ домохъ, из вовъторка на середу, комори повикрадали, такъ збожа, сала и инъшие хванъти, и що могли тамъ захватили, которих на ймя доводемъ слушнымъ еще без жаднои кари выпитовали. Признался напрод Петро Тарасенко, же они якъ би два ходили до Василя Налуйченка изъ Конономъ Костюченъком красти и тамъ побрали такъ збоже, якожъ сало, которое тоижъ ночи, отнюс до Василя Дудъченъка в домовку тому перший доводъ, якъ знайшли впродъ нушкомъ збоже в загатахъ [1]), такъ в Горькуновихъ, яко жъ пшено в Щегловѣ и полотъни, тогди вже тому признавъшися тот Петро Тарасенко, якожъ и Кононъ Костюченъко, же тоижъ ночи з ними ходили и Лаврѣнъ Лотота и Василъ Дудъченко, всѣ чотири разомъ, такъ до Налуйченка, якожъ и до Колченъка, Тогди наочне сказалъ Петро на брата Лаврѣна Тарасенъка: „чого вже маем таитися“, а Кононъ на Дудъченка тожъ посвѣдчилъ, же всѣ чотыри тоей ночи крали. Которихъ взглянувъши ис саксона на онихъ злочинцов, якои достойни кари, тоди згди казали впродъ слузѣ мѣскому поблице [2]) на мѣстѣ ихъ бити поврозами; тогди всѣ чотири злочинци висвѣдчаючы еден на другого, признались, якъ ходили першъ до Налуйченка, тамъ Кононъ Костюченъко продравъшы стрѣху, намъ тромъ выдавалъ, такъ збоже, сало, полотъно и що моглъ занять и во тъми покравъши, иншие позагатахъ збоже поховали были, мало взявъшы из собою; пришовъшы до Колѣнъка, тамъ у комору впершися, тожъ сала покрали и иншіе разѣ, которимъ всѣ чотыри злочинъци признались, же тие сала всѣ три, такъ Колѣнъково, якожъ Налуйченково отнесли до Тарасова сына Василя, еднакъже Налуйкового сала дошукавшис, изнайшлось в дому Тараса Дудъченка, которое самъ онъ Тарасъ Дудъченко своими руками далъ с своей комори Налуйченково сало, а тихъ двохъ Колѣнъко-

[1]) Загатой называется около Борисполя огорожа, устроенная изъ соломы, поддерживаемой кольями.

[2]) Publice.

вых не могль дошукатис и винайти. Прото тихъ злочинцовъ всѣхъ чотирохъ, кгди слуга мѣский бючи поврозомъ през мѣсто до стовпа привязавъшы, ведле права, якъ в саксонѣ посвѣдчаетъ, казалисмо онихъ злочинъцовъ отдаливъши от места сродзе бить и нещадъно карат. Тогди оние злочинци в сему злому своему учинку признались, не тилко сегорочному, а бо тилко що в сихъ двохъ персонъ покрали, але еще и що прошлого року шкоди тежъ в Колѣнъка сала покрали, якожъ в купцовъ Виницкихъ сливи сухие и иные овощи, всему тому злому своему вчинку явъному, злодѣйскому вчинку, признались. За що на голоси люду посполитого, всенародъного, казали онихъ слузѣ мѣскому крѣпко выбити изъ мѣста, и оголосити, жеби нихто не важилъся такихъ злодѣевъ до домовъ приймовати и в мѣстѣ их не держати; а их жилища то ест домовки, росхитити и роскидати, бы не мѣли нигде пристанища и прибѣжища, яко злиѣ и небоячиеся Господа Бога проступъци. А онимъ персонамъ, такъ Ивану Колѣнъку, взираючи на ихъ згубу од тихъ злочинъцовъ наказалисмо позосталимъ родителемъ нагородить, що не могли чого добра ихъ дошукатис; якож и Налуйченку, що оние были незбожние злочинци покрали, все свое доброе побрати, а чого не винашлос тихъ нагородити. Которихъ злочинцовъ виволавъши из мѣста казалисмо все достовѣрно виписавъши, до книгъ мѣскихъ чорныхъ вписати. Писано в ратушу Борисполскомъ року 1696, месеца априля 27 дня.

А на потомъ по виписаномъ правѣ, призналъ Конон Костючокъ, же всѣ чотири крали тие комори, такъ в Налуйка, якожъ и в Колѣнъка сала покравъшы отнесли до Тараса Дудъченка изъ синомъ его Василем, еднакъ Налуйково винашли и самъ Тарасъ Дудъка своими руками видалъ с комори своей тое сало Налуйково, а Колѣнъкового не сказалъ.

За которие сала Колѣнъку казалисмо мы, врадъ, Костючковъ двуръ изъ огородомъ аристовать, нимъ за его сало улстится тот Костючокъ. Тут же выражал на том контентъ Колѣнъко.

133.

Иванъ Личенко зарѣзалъ быка у Сеньковскаго жителя Цыбули.

Року 1697 месеца июля 26 дня.

Пред нами врадомъ на тот час будучим **Миколаем Корабаномъ** сотникомъ наказнимъ, Василем Москалемъ атаманомъ городовим, и при бытности Грицка Онисименка бурмистра, Процика Евхименка ключника ратушного и при товаристви Грицку атаману курѣнному сотницкому Роману Павленъку, Василю Колѣнъку, Хведору Бубну, Трохиму Гриценку, Грицку Головцѣ, Грицку Вакуленку и при Стецку Билиловцю, Гарасиму Костанцю, Иовѣ Карпенку, Богдану Якубенку и при многих зостаючихъ зацнихъ людех, позов давал Иванъ Цибуля жител Сенковский за своего быка на Личенка Исая, овъчара, же его быка гнал из овечками своими до футора, де по (?) на его слѣду того быка знайшол. Прото мы врадъ доволне доходячи по жалобѣ его, казали становити свѣдка, которого поставил Бублика; ставши очевисто Тимошъ Бубликъ признал под сумленемъ души своей, мовечи: Пане враде! мы там поблизу орали при футори где тие изгони пасут, ажъ над вечеръ гналъ Исай Личенко быка полового из своими овечками до футора; аже на потомъ тен Иван жител Сенковский приходил нас же пытати такого быка; мы сказали, же такого быка гнал з овечками Личенко. Тогди тот Иванъ Цибуля, приихавъшы самотрет изъ чередникомъ и пастухомъ питалис Исая Личенка, где той быкъ подѣлся, що ти гналъ з овечками до футора? тохди он сказалъ, що звѣръ изъилъ того быка, и привюл их до падла, ажъ того быка задъ увес обълуплен, да стегна поотрѣзовано, а перед не луплен. Про то тот Цибула изъ тими чередникомъ и пастухомъ для свѣдецтва скуру тую взяли и до нас привезли до враду, которой огледали прилюдъне килкакротне, ажъ немал того быка звѣръ моглъ погубит, тилко рѣзъ, бо и телбуги снайдени цѣлие у водѣ близъ падла. Овожъ гди конъчилос право, знову тотже Тимуш Бублик на очевисто ув очи Личенку говорил: „От ти кажешъ, же своего гнал быка, да твуй гнидый и менший, а се половый и болший“,

и розгорнувъши скуру: „От се власний Цибулин был быкъ". Прето мы взявъшы пораду своимъ при нас будучим товариствомъ, высилали Романа Павленъка и Храпъка, и тамъ вызнали пастухи и чередъникъ, и стадникъ, же то падло бачили, задъ без шкури взято, а перед зовсѣмъ из шкурою лежал, а телбухи окроме у воде; не звѣръ изъилъ, тилко сколото, до мяса задъ взято, которое близко футора и зостал, где лиг . . . . . всѣхъ тихъ сторон документомъ виведъшы не могли на Личенку лиця явного, которому любо не знайшли лиця, ведле доводу, же он того быка гналъ, на его слѣду падло рѣзаное знайшли, наказали правомъ нашим, бы того Цибулю погодил. Прото тот Иван Личенко заплативъшы Цобули быка вовсемъ мусилъ просити, яко могучи, и погодивъшы примежку собою. вѣчисте поедналисъ. Теди мы врадъ, вислухавъшы, ведле правъды обоих сторонъ, прикривъшыся декретомъ нашимъ, казали писарови нашому записат. Писано в ратушу Борисполскомъ, року и дня вишъписаного.

134.

Судъ надъ двумя Василями (зять Дирявощоковъ и зять Левковъ), обокравшими хлѣбную яму у дочери Косинскаго Марьи.

В року 1697, месеца марта 15 дня.

Предъ нами урадом Борисполскимъ Феодоромъ Магировскимъ сотником, Микитою Лево(не)нкомъ атаманомъ городовимъ, Гавриломъ Клименкомъ войтомъ, Иваномъ Курандою ключникомъ, приходилъ жаловатис Косинский старый из дочкою своею Марею Острилихою вдовою, в которой покрадено жито изъ ямы, которая была в хлевѣ исхована и освѣдчили намъ враду, же молотили з молотъники в неѣ, Мари, зяти Левъков ктитора Михайловъского из зятемъ Диравощокого, обадва на имя Васѣли, мовячи, же тие тилко знали, же вона в тую яму змолотивъши сыпала; тогди мы врадъ на жалобу Косинского з дочкою его, посылали есаулъчиков нашихъ и придавъшы посторонного наших товаришов, бы ихъ, Левъка двуръ

истресли; которие пойшовъшы до Левъка знайшли лице, покраденое жито, такъ на городѣ, яко и в сѣнъцяхъ; которихъ тихъ злочинъцовъ обохъ, гди приведено предъ врядъ наш до ратуши, доброволъне признались, без кари будучи, же тот Диравощоков зятъ Василь, в ночѣ откопал яму, а откопавъши, пришовъши сказал тожъ Василю, зятю Левъковому и Левъку своему господару; теди они всѣ три поймавши злодѣйскимъ способомъ тое жито, колко было в тий ямци, выкрали и переносили до Левъка; который тожъ признался Левъко, же з ними ходил вкупѣ и крали заедъно в ночѣ. За которое ихъ явъное злодѣйство, ведле саксону глядячи, ведле права святого, же побоимъ не признались, тилко першъ впали в явъное злодѣиство, казалисмо слузѣ мѣскому тихъ злочинцовъ до стовъпа привязавъшы, публице, на мѣстѣ, поврозами през слугу мѣского бити, питаючися шкодъ болшъ; тогди болъши не признались, кроми того жита, же в дочки Косинского покрали; которыхъ достатечъне слуга мѣский бючи в стовъпа якъ потреба было, яко явъныхъ злочинъцовъ, отдаливъши ихъ отъ чести казали публице всего мира из мѣста вигнати; а вигнавъшы приказали кождому з народу жителей наших в мѣсти не приймоват, и на фолъваркахъ не держатъ, яко доводныхъ, явныхъ злочиньцовъ. А виволавъшы ихъ з мѣста, казали (т)ихъ злочинъцовъ до книгъ мѣскихъ чорнихъ записат, що и записано.—Писано в ратушу Борисполскомъ року и дня вишъписаного.

135.

Судъ надъ ворами Грицкомъ Жигалкою и другими.

Року тисеча шестсот деветдесят осмого ноеврия месяця во ден пятый.

По росказаню его царского пресвѣтлого величества войска запорозского полковника Переяславъского Ивана Мировича, будучи мы висланые Василей Барановский а Константин Яскович Следъзинский, сполне изъ урадомъ мѣскимъ Феодоромъ Магировскимъ

сотникомъ на тотчас будучимъ а Микитою Левоненъкомъ атаманомъ городовымъ, из Гавриломъ Клименкомъ войтомъ и Богданомъ Якубенъком бурмистромъ, засѣдлисмо на справу злодѣевъ оказавъшихся жителей Борисполскихъ; о чомъ кгди учинилисмо инъквизицию, теди явъно оказалося на Грицка Жигалченка, же украл пару волувъ в Березанѣ, а продалъ в Киевѣ, о чомъ и отецъ его зналъ, Иванъ Жигалка, жиючи изъ сыномъ въ еднои хатѣ. За якое дѣло злочинное правомъ нашимъ полковимъ, з мѣста росказалисмо Грицка вигнати катови, давши кару, а отця, Ивана Жигалъку, на худобѣ з увагою каралисмо, же сына своего не учил. На томже мѣсцю и тогож часу выводилисмо инквизицию, мы всѣ вишъописаные висланные и уряд мѣский о злодѣя Ивана Миколаенъка и на Павла брата его, якие вкупѣ жили и въ едной хатѣ; теды на Ивана Миколаенъка оказалося скутечне и певъне всѣмъ въявъ, же украл коня цыганского и продалъ подданному Видубицкого монастыря, и того коня циганъского познал и на правѣ нашом инстинкговал на Ивана, о чомъ и Павло знаючи, еднакимже оказалъся, яко и братъ его, злодѣемъ; бо у Павла, на ярмарку тутже Борисполскомъ, Кузма Братченко, ковал, чоловикъ честный, познал власную свою шкапу, якая шкапа и пропала в рукахъ москалей, цале па вѣки, бо он Павел з москалями держалъ переводъню купно кунми миняючи; якимъ дѣломъ и торгомъ минялницкимъ они сами сказали же бавятся давно. Прото мы врадъ, ведлуг права святого росказалисмо, абы Павло вины злодѣйские на его милост пана полковника отдал копъ три; якую вину отибравшы не каралисмо болшей, тилко вязенемъ, а брата его Ивана из мѣста, посполу з Грицкомъ Жигалъкою обнажонихъ з мѣста катъ выгнал, выбивъшы у принкгера. Для чего до сихъ книг чорънихъ мѣскихъ доводне всѣхъ чотирох злочинцов уписавъши для снадънейшого увѣдомленя до всякого права и суду, як того укажетъ потреба, симъ нашимъ згоднымъ, всѣхъ нас, вишей описаных особъ декретомъ узнаемъ. Дѣялося в ратуши Барышполскомъ року, месяця и дня вишей писаного.

136.

Судъ надъ ворами Максимомъ Скуберенкомъ и другими.

Року 1698 месеца декавра 21.

Предъ нами врадомъ Хведоромъ Магировъскимъ сотникомъ Борисполскимъ, Микитою Левоненъкомъ атаманомъ городовымъ, Гавриломъ Клименъкомъ войтомъ, Богданомъ Якубенкомъ бурмистром Иваномъ Курандою ключникомъ ратушнымъ и при нас на тотчас будучих на судѣ, Григорию Гордѣненъку, Ивану Сахненъку, Павлу Яковенъку, Гришку Захарченъку, а Панасу Рудковому, Назару Тимушенъку, Хведору Бубну, Илъи Храпченъку товариству, а при мещанахъ Яцку Литовъцу, Стецку Исаенку, Процику Евхименъку и при многихъ на тот час зостаючихъ, доводъ слушный и явъное показалос злодѣйство на Максима Скуберенка и на Юрка сусѣда его, иже запомнѣвши Господа Бога и боязни его святой ис порады дъяволскои кусилис в ночѣ пошовшы до Гната Рабченка, мещанина, покрали гречку ис куфи болшъ нежели осмачокъ три, подчас дорожнети, о которой слѣдомъ дошли на тихъ злочинцяхъ, которие тие злочинци и сами на собѣ явъно своему явному злодѣйству признались, же ни от кого не научени, а тилко сами на тое кусилис, аже за их злодѣйский проступокъ читали взгляду ис саксона, такъ описуетъ: ежели за першое проступъство саксонъ описуетъ поврозами привязавъшы до слупа, выбить из мѣста, яко злочинъцу вигнатъ, бы ихъ злие непорадки от ихъ не дѣялос, которих слузѣ мѣскому казали бити без фолкги карати; а ихъ явъный проступокъ записат и до книгъ чорныхъ, як злочинцовъ записат. Писано в ратуши Борисполскомъ року и дня вишъписаного.

Тотже Максимъ Скуберенко, же такъ его за гречку карали, знову призналъся своему явъному злодѣйству же покрал пчоли в Яцути Грицка, и многие пакости людем Борисполцом де що в кого на . . ча крадено. Тогди всѣ народи на его голосами мовили, бы

такого злого и явъного злочинъцю и признавъцю не держали в мѣстѣ, але жилищо его на старшину взяти, бы тамъ болшъ жиючи, не чинил шкод народу. Видячи мы врядъ на такъ народъное жаданне приказалисмо не щадячи сго, такъ проч из мѣста слузѣ мѣскому вигнати, бы южъ и не звался призванцемъ Борисполскимъ.

Приложеніе.

Konia.

Zygmunth III

z Bożey łaski król Połski Wielkię Xiąże litewskie, Ruskie, Pruskie, Mazowieckie, Zmądskie, Inflamskie, y Swedski, Gotski, Vandalski dziedziczny król. Oznaymuiemy tim listem naszym, wszem wobecz y każdemu zosobna komu to wiedzieć należy, isz my za prszyczyną niektórych PP. Rad naszych, imieniem Wielmożney Zophiey . . . . . Wielmożnego niegdy Jana Daniłowycza, Woiewody Ruskiego, małżonki pozostałey, donas na seymie terazniey-szem . . . . . chcąc, aby miasteczko iey Dziedziczne Baryszpol nazwane prszez niegdy Wielmożnego Stanisława Żołkiewskiego . . . . rza y Hetmana koronnego oyca swego założone w woiewodztwie kijowskim leżacze dla dostatków y pożytków . . . . . sć y w nich pomnożenie brać mogle, pozwolamy miasteczku temu, aby wnim targy wkażdym tegodniu wponiedziałok . . . . czwartek, a iarmarki wkażdym roku na swięta ruskie, pierwszy na Wodochryszcze, drugy na Ilia, według . . . . . ruskiego prszypadaiącze wiecznemy czasy odprawowane były, iednak bez szkody y ublizenia ynszych . . . . . miasteczek temu prszyległych. Na które targy y iarmarki ludziom którego kolwiek stanu y condiciey bedączy . . . . . i onego miasteczka Baryszpola zewszystkiemy handlamy towarami y rzeczami iakiemi kolwiek wol . . . . ę prszyiezdzać y tam biespiecznie y spokoynie każdému kupować, prszedawać, towary zatowary zamienia . . . . . ystkie potrszeby bezżadney prszesz-

kody y zatrudnienia odprawować. Dla tego wszysci ci którzy do tego . . . . zka na targy y iarmarki przyiezdżać, y stamtąd odiezdzać będą, takiego bespieczenstwa iakiego wszys . . . . . zagleitem naszym wobronie naszey bedączy zażywaio zażywać, zana byle iaczy nie byli, których prawo pospolite prszywiliowane wiecznemi czasy, którzy między dobremi ludzmi mieysca mieć niemogo. Naco dla lepszey wiary ręko się naszo podpisawszy pieczeć wielką koronną prszyłożyć roskazaliśmy. Dan w Warszawie na Seymie wielkim koronnym dnia XXVII miesiąca stycznia roku panskiego MDCXXIX panowania krolewstw naszych polskiego XXXXII Swedskiegu XXXVI roku.

Sigismundus Rex Pavlus Koludzki.

Мѣсто печати кролевской на шнуре шелковомъ приложеной въ кришкѣ желѣзной.

Сподлинного сводилъ козакъ и житель Борисполскій Гаврило Лукіановъ сынъ Храпченковъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта, или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ по мѣрѣ надобности будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензіи.

„Кіевская Старина“ выходитъ въ 1892 году, по прежней программѣ и при участіи прежнихъ сотрудниковъ, 1-го числа каждаго мѣсяца, книжками въ 12 и болѣе листовъ. По мѣрѣ надобности прилагаются портреты и рисунки.

Продолжается подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“ на 1892 г.

Цѣна за 12 книгъ, съ приложеніями и рисунками **10 р.** съ доставкою и пересылкою, на мѣстѣ **8 р. 50 к.** Разсрочка допускается по соглашенію съ редакціею.

Подписка принимается въ редакціи журнала **„Кіевская Старина“**, Кузнечная, № 14.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какой либо книжки журнала гг. подписчики благоволятъ немедленно по полученіи слѣдующей книжки присылать заявленіе о неполученіи въ редакцію съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Въ редакціи продаются полные экземпляры „Кіевской Старины“ за годы 1883, 1884, 1885, 1886, 1887, 1888, 1889, 1890 и 1891 по **8 р.** за 12 книжекъ, съ пересылкою **10 р.** При покупкѣ за всѣ годы 20% уступки. Отдѣльныя книги за 1882—91 г. по **1 р.**

Здѣсь же продаются чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца кн. I—V.

Издатель **К. М. Гамалѣй.** За редактора **Е. Кивлицкій.**